

719
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

719

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

TARTU 1985

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 719 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТАРТУ 1985

Редакционная коллегия:

А.В.Бондарко, Ю.С.Кудрявцев, И.П. Кюльмоя,
М.А.Шелякин /отв. ред./.

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 719.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.

Ответственный редактор М.А. Шелякин.

Корректор Л. Оноприенко.

Подписано к печати 05.II.1985.

МВ 10522.

Формат 60х90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учетно-издательских листов 9,5.

Печатных листов 9,75.

Тираж 500.

Заказ № 1031.

Цена 1 руб. 40 коп.

Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

6-2

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ФОРМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин

I

Под функциональной моделью форм какой-либо грамматической категории мы понимаем описание функционального диапазона грамматических форм, которое охватывало бы все случаи их употребления в слове. Подобный аспект изучения форм грамматических категорий давно интересовал лингвистов и получал отражение как в конкретных исследованиях, так и в понятийном аппарате описания. Так, установление общих и частных значений грамматических категорий, определение типов их структурно-семантического построения (через понятие оппозиции), компонентный анализ грамматических значений, признание переносного и нейтрализованного употребления грамматических форм — все это, по сути дела, направлено на выяснение функционального диапазона грамматических форм и причин того или иного употребления их в речи.

Функциональное моделирование грамматических форм во многом зависит от избранной теоретической позиции исследователя относительно сущности данной грамматической категории, ее общих и частных значений (наличие которых может и не признаваться) и др., т.е. относительно всего того, что вводится в научно-понятийный аппарат моделирования. Поэтому почти каждая грамматическая категория, например, русского языка, не имеет, как правило, однозначного функционального истолкования и освещения. При этом функциональное моделирование грамматических форм имеет разную направленность в зависимости от поставленных конечных целей. С одной стороны, оно сводится к простому перечислению функций грамматических форм, без установления связей их между собой. С другой стороны, оно ставит перед собой задачу определить системные связи между функциями и объяснить тем самым причины того или иного выбора, употребления грамматических форм в слове и речи. Во втором случае очень важно исходить из общей мето-

логической установки системного анализа как определенной гносеологической "призмы", задающей особое, системное "видение" объекта. Такая установка может изменить традиционные интерпретации грамматических значений, их отношений и функций. Становится понятным, что только этот подход к описанию форм может обеспечить единство системного и функционального аспектов в изучении грамматических форм и тем самым представить их как функционально динамическую систему, участвующую в порождении речи.

Категория числа существительных является, как известно, одной из трудных для системного анализа категорий. Она, по выражению В.В. Виноградова, представляет "сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных" (I, 148). Хотя по ее поводу написано много работ и высказано много суждений, до сих пор остается неясной сама функциональная сущность этой категории, что не позволяет описать функциональный диапазон ее грамматических форм в какой-то системе и полноте. Стало уже традицией считать, что категория числа существительных служит для указания на счетное (дискретное) количество предметов - один предмет (форма ед.ч.) и более чем один предмет (форма мн.ч.). Так как значение счетного количества распространяется лишь на "считаемые" предметы, то все существительные со значением "несчитаемых" предметов выносятся за рамки категории числа, а "считаемые" существительные плюралиа тантум (типа: сани, сутки) характеризуются как грамматически омонимичные. "Все существительные сингулярия тантум, - говорится в энциклопедии "Русский язык", - обозначают предмет в отвлечении от идеи счета и, следовательно, количества. Среди слов, традиционно относимых к плюралиа тантум, слова типа сутки, сани, могут обозначать один предмет и более одного предмета, на что указывают обычно лексические сопроводители: одни сани - все сани; одни сутки - много суток" (2, 394). Таким образом, категория числа в одних случаях обладает содержательными функциями, в других - только формальными. Однако оказывается, что и содержательные функции категории числа не всегда могут быть сведены к противопоставлению "один предмет" - "более чем один предмет". Так, формы ед.ч. и мн.ч. считаемых существительных употребляются в русском языке и без сообщения о количестве предметов с точки зрения "одного предмета" - "более одного предмета": ср. Тетерев здесь не водится /Те-

терева здесь не водятся, Есть ли среди вас студенты? Более того, формы ед. и мн. ч. могут быть употреблены в содержательных функциях друг друга: ср. "Швед, русский - колет, рубит, режет" (Пушкин), имеются в виду "шведы", "русские"; И чему только тебя в университетах учили?, имеется в виду один университет. Наконец, форма ед.ч. у собирательных существительных как будто выражает, с одной стороны, единичность, и, с другой стороны, - множественность, что А.А. Реформатский определил как один из "самых загадочных парадоксов: как же множественное передается через единственное?" (3, 394). В итоге совершенно оправданно делается вывод о том, что при обобщении значений соотносительных форм сингулярия тантум и плюралия тантум "оппозиция числовых значений оказывается несводимой к противопоставлению "один предмет" - "более одного" (2, 394).

Это негативное заключение приводит к двоякому решению вопроса о функционально-семантической сущности категории числа: либо исходное положение о значениях форм числа как указании на счетное количество предметов является ошибочным, либо, подобно категории рода, категория числа исторически претерпела такие изменения, которые отдалили ее от первоначальных функций, в результате чего она во многом стала чисто формальной. Последней точки зрения на категорию числа, например, придерживается С.Д. Кацнельсон, полагающий, что "морфологическая категория числа является конгломератом гетерогенных функций, молекулярным соединением атомарных функций, относящихся к различным областям языкового строя" (4, 31). Если признать это мнение справедливым, то проблема функционального моделирования форм числа действительно сведется к перечислению их гетерогенных функций, что собственно говоря, и делается в существующих грамматических описаниях. Однако, видимо, такой путь истолкования категории числа может быть окончательно принят лишь после того, как уже будет испробован иной подход, а именно - после пересмотра традиционного взгляда на категорию числа как выражающую счетное (числовое) количество предметов. Настоящая статья и посвящена другому истолкованию функциональной сущности категории числа и определению ее общих и частных значений.

II

Следует отметить, что в языкознании уже пересматривался вопрос о содержательных функциях категории числа, но вы-

сказанные на этот счет идеи остались непопулярными, по крайней мере, в русистике. Мы имеем в виду, например, мнение А. Мейе о том, что "имя во множественном числе ... указывает на все то, что разумеется образующим множество; вследствие этого множественное число обозначает единичный предмет, состоящий из многих частей" (5, 344). Вслед за А. Мейе в более четкой формуле эту мысль о функции форм множественного числа изложил Г. Гийом в теории о "внешней" и "внутренней" множественности, А.И. Смирницкий, выделявший "множественность частей данного предмета" (ножницы, брюки) и "пространственную" множественность (снега, пески), а также Ж. Дамурет и Э. Пишон, Х. Стен и др. (см. А.Г. Басманова, 6, 129-133). В. В. Виноградов, используя известные работы А.А. Потебни и А. А. Шахматова о формах множественного числа русских существительных, пришел к выводу о том, что "в разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов" (1, 166). По АГ-53 (7, 113), формы ед.ч. "указывают или на единичность предметов (стол, книга, село), или на их единство, совокупность, неделимость (виноград, счастье, студенчество), а формы мн.ч. - "на раздельное множество предметов", которое охватывает денотаты существительных со значением сложной совокупности, сложных предметов, действий и т.п. (сливки, шипы, хлопоты, каникулы и под.). А.Г. Басманова, вслед за упомянутыми французскими лингвистами, предложила трактовать формы ед.ч. и мн.ч. как выражающие отношение "нерасчленности/расчленности", включающее отношение "единичность/множественность" предметов (6, 132-133). Таким образом, согласно приведенным мнениям формы ед.ч. и мн.ч. имеют не столько счетно-количественные значения, сколько количественные значения, выражающие представления о множественности/немножественности как структуры предметов, так и их внешнего количества.

Казалось бы, что такое уточнение общих значений форм числа, под которые можно подвести все существительные (конкретно-считаемые, собирательные, абстрактные, вещественные в одной или двух числовых формах), решает проблему функционально-семантической сущности категории числа. Однако оно все же не было широко принято в грамматических описаниях, что имеет свои основания. Во-первых, данное определение не раскрывает, в чем состоит противопоставление значений числа,

так как остается неясным понятие "множественности" ("нерасчлененности"), которое характеризуется и как числовая единичность предмета (стол), и как единство множества (студенчество), и как неделимость вещества (сахар, молоко), что может соответствовать и денотатам существительных в форме мн. ч.: ср. числовую единичность "сложного" предмета (грабли, сче-ты, шахматы), единство множества (дрова, фрукты, лохмотья, студенты первого курса), неделимость вещества (белила, чер-нила, сливки). Во-вторых, указанное определение не объясняет почему одни существительные своей числовой формой выражают множество/немножество предметов (ср. стол - столы), другие существительные своей числовой формой не выражают увеличение объема предмета (ср. один кг. яблок - один кг. масла), и почему форма ед.ч. может употребляться синонимично форме мн.ч. (ср. волк - хищное животное и волки - хищные животные). Поэтому нередко предпочитают говорить о форме ед.ч. как о "нулевой" или "негативной" форме: "Категория множественного числа в строе имени существительного выступает как сильная, многозначная категория. По отношению к ней категория единственного числа является до некоторой степени негативной, иногда даже как бы "нулевой" (I, 147), т.е. способной употребляться и в собственном значении, и в значении формы мн.ч., и без указания на количество предметов. В таком случае, конечно, трудно усмотреть противоположные значения числовых форм существительных и приходится признать отсутствие у формы ед.ч. какого-либо общего значения. Однако, несмотря на отмеченные неясности и нерешенные вопросы в предложенной новой трактовке категории числа, сама попытка вывести ее за обязательные границы счетно-количественной зоны и содержательно определить все случаи употребления форм числа, на наш взгляд, заслуживает внимания. В дальнейшем изложении вопроса мы, придерживаясь этой направленности в интерпретации категории числа, выскажем ряд соображений по поводу сущности ее общих значений и употребления форм числа в речи.

Для понимания нашей точки зрения на категорию числа уточним сначала некоторые понятия и положения. Прежде всего следует, видимо, различать номинативно-семантические функции числовых форм и их употребление (стилистическое и нейтрализованное) в речи. В номинативных функциях формы ед. и мн. ч. отражают определенные количественные реалии, в стилистическом или нейтрализованном употреблении формы числа используются как способ представления количественных реалий. Например,

множество предметов может быть представлено формой ед.ч. в собирательной функции ("у нас карась не водится"), и наоборот — единичность предмета может быть представлена формой мн.ч. в гиперболической функции ("чему тебя учили в университетах?"); ср. также нейтрализованное употребление формы мн.ч. в высказываниях типа "У вас есть дети?". Далее, следует также отличать номинативно-грамматические функции форм числа от лексических значений слова. Лексические значения отражают признаки соответствующих реалий и могут однозначно определять форму числа в номинативно-грамматической функции, тем самым превращая ее в один из признаков лексического значения, ср., например, существительные типа ворота, ножницы. Однако номинативно-грамматическое значение форм числа может быть и самостоятельным по отношению к лексическому значению (ср. стол — столы), но ср. обусловленную форму ед.ч. у существительных типа луна, солнце и др.

С разграничением лексического значения и номинативно-грамматического значения форм числа связана проблема собирательных существительных, на которой остановимся особо. Как известно, собирательное понятие в логике определяется как совокупность (законченное множество) самостоятельно существующих предметов, по отношению к которому, а не к его отдельным составляющим, высказывается какое-либо суждение, т.е. собирательность выступает в качестве целого в некоторых логических отношениях. В собирательных понятиях, следовательно, совмещаются противоположные количественные признаки единичного (отдельного, целого) и множественного. Собирательность принадлежит зоне квантификации, представляя промежуточное звено между единичностью и множественностью, в связи с чем может быть грамматически оформлена и в ед.ч. (листва, студенчество) и во мн.ч. (шахматы, дрова). Вместе с тем собирательные существительные могут быть и соотносительными по формам числа (народ — народы, полк — полки, коллектив — коллективы и др.). Эти факты различного грамматического оформления собирательных существительных позволяют сделать вывод, что собирательные значения являются лексическими или словообразовательными, но не грамматическими. Поэтому нельзя утверждать, что форма ед.ч. в собирательных существительных выражает множественность, последнюю выражает в них лексическое или словообразовательное значение слова. Если собирательные существительные имеют только одну форму числа, то это вызывается их лексическими (словообразовательными)

значениями, или денотативной соотнесенностью, а не тем, что формы числа вносят какие-то особые значения собирательности. Но сказанное не исключает стилистического употребления формы ед.ч. в собирательном значении (о чем см. ниже).

Наконец, еще одно общее замечание. Как известно, под количеством понимается отвлеченный атрибут материальных и идеальных объектов. Количество характеризует предметы и явления материального мира со стороны возможности разделения их на качественно однородные части: однородность (подобие, сходство, повторение) частей или предметов — отличительный признак количества. Моментами количества являются число и величина. Понятие числа опирается на реально существующие множества предметов (явлений), однородных в каком-нибудь отношении, т.е. на существование исчисляемых как отдельных (раздельных), обособленных друг от друга единиц. Следовательно, число является "внешним" моментом количества. Понятие величины опирается на операцию измерения одного и того же предмета, т.е. его объема, длины, массы и др. Величина характеризуется аддитивностью (сложением), а также непрерывностью и равенством/неравенством. Следовательно, величина является "внутренним" моментом количества, которое может быть выражено числом, указывающим на определенную величину отдельно (ср. пять литров молока). В русском языке, как и во многих других языках, категория числа существительных отражает не величину предмета, а "внешнее" количество предметов и явлений: ср. десять литров молока — десять столов. Тем не менее это не означает, что форма ед.ч. при измерении величины нейтрализована в своем значении (см. О. Есперсен, 8,229), так как пришлось бы считать ее таковой и в предложениях типа "вес этого телевизора — 60 кг." Напротив, она и здесь значима, указывая на то, что денотаты соответствующих существительных только измеряются, а не исчисляются, и определяется особенностями лексического значения (о чем см. ниже).

Таким образом, строго говоря, категория числа выражает не число, а реальную основу числа, и находится в отношениях взаимодействия с лексическими значениями, будучи всегда грамматическим значением и не превращаясь в лексическое значение. Теперь рассмотрим с точки зрения изложенных общих понятий и положений общие номинативные значения форм числа, их частные разновидности и употребление.

Форма мн.ч. в любых существительных всегда номинативно отражает или отражала представление о дискретной "множественности" структуры предмета (вещества, явления) или количества предметов, в том числе и в существительных, в которых только исторический или специально-технический анализ вскрывает эту функцию (типа: часы, духи, чернила и под.). Отсутствие у последних существительных форм ед.ч. превращает их в отдельные номинативные единицы с омонимичными числовыми значениями (ср. в магазине продавали разные духи, чернила, но он нашел в ручку чернила, купил духи и под.): только контекст разрешает эту омонимию. В других существительных в форме мн.ч., не имеющих форм ед.ч., представлена не омонимия ед. и мн.ч., а омонимия самих функций мн.ч., т.е. значений "внутренней" и "внешней" множественности: ср. ворота, ножницы и под. — они обозначают всегда парные однородные предметы или их множество, таковы же: верхи — высшие, руководящие круги общества, государства, бега — состязания, гонки, деса — сооружение из досок или металлических стержней и др. Эти два типа существительных плюралиа тантум зависят от лексического толкования слов, их той или иной предметной отнесенности в современном языке.

Обычно форма мн.ч. имеет или имела семантически соотносительную форму ед.ч. в значении единичной отдельности, т.е. является или являлась семантически вторичной по отношению к форме ед.ч., выражая количественную множественность однородной единичности (за исключением, может быть, заимствованных слов или калек: трусы, шорты и др.) Но это не исключает непосредственного использования формы мн.ч. в номинативной функции для обозначения реальной однородной множественности, минуя семантическую соотносительность с формой ед.ч. того же существительного. Как представляется, такова функция формы мн.ч. в случаях обозначения качественных разновидностей (сортовых) одного и того же вещества: формы масла, соли, вина и под. возникли синтаксически для номинации уже имеющих различия сортов вещества и семантически соотносительны с несколькими формами ед.ч. в значении отдельного сорта (ср. конопляное масло, маковое масло, льняное масло — масла). А.И.Сумкина (9), рассматривая корреляции отвлеченных и вещественных существительных русского языка в формах мн.ч., отмечает редкость конкретных значений данных существительных в форме ед.ч., которые могли бы быть соотносительными со значениями в

форме мн.ч. (например, хлебопоставки, лесопосадки), что свидетельствует о семантической первичности форм мн.ч. по отношению к форме ед.ч. Например, как указывает автор статьи, форму "копчености" словарь под ред. Д.Н. Ушакова приводит с пометой "единственного нет", но словарь С.И. Ожегова уже дает обе числовые формы к этому существительному. Л.К. Чельцова (10), анализируя формы мн.ч. по данным толковых словарей, обратила внимание на случаи первичной номинативной функции мн.ч. при обозначении парных предметов (ср. танкетки, платформы, кеды и др.). Так что, хотя образование форм мн.ч. всегда предполагает форму ед.ч., форма мн.ч. семантически может быть самостоятельной (первичной), либо соотносясь с целым рядом существительных в ед.ч., либо изменяя лексическое значение существительного в исходной форме.

Таким образом, значение количественной множественности, или, точнее, - дискретной (пространственно-временной) множественности предмета (явления) можно считать общим номинативным значением формы мн.ч. Оно охватывает все его частные значения и вторичные функции (о чем см. ниже) и соответствует скорее не понятиям числа и величины, а математическому понятию однородного по своим свойствам незакрытого/закрытого множества, служащего реальной основой для проявления моментов количества - числа и (реже) величины. Значение экстенсивной множественности не тождественно значению "больше одного предмета", так как последнее значение входит в содержание первого и первое значение может проявить себя и в "не-предметах" (ср. боли, страдания, бега), и даже во "внутреннем" моменте количества - экстенсивной величине (часто гиперболической), ср. бесконечные снега, пески, сплошные овсы, озимы. Все это свидетельствует о том, что грамматическое значение формы мн.ч. носит специфический характер и лишь приблизительно может быть сопоставлено с соответствующими логическими или математическими понятиями. То, что количественно-числовые отношения свойственны несколько другой семантической области и как бы стоят "выше" отношений, выражаемых формой мн.ч., подтверждается парным или собирательным счетом тех предметов, которые состоят из двух одинаковых предметов: ср. две пары туфель, двое ножниц, двое брюк, пять штук ножниц и под., где слова "пара" и др. сигнализируют о множественной (двоичной) структуре предмета.

Значение экстенсивной множественности может иметь в русском языке по крайней мере следующие разновидности (перечень

не претендует на полноту): 1) неопределенную множественность однородных обособленных конкретных или собирательных предметов (столы, полки, ящики и т.д.), 2) ограничительную множественность однородных обособленных конкретных и собирательных предметов с вариантами: а) неопределенно-ограничительной множественности (много, мало, часть столов и т.д.), б) определенно-ограничительной множественности (пять столов и т.д.), в) определенно-приблизительной множественности (около, свыше, менее ста книг и т.д.), г) собирательно дифференцированной множественности (студенты I-го курса), д) собирательно-обобщенной множественности, охватывающей всю совокупность предметов данного класса (немцы, студенты, учителя, птицы и т.д.), е) собирательно-парной множественности (глаза, уши, сапоги и т.д.), 3) собирательную множественность с неоднородными предметами: а) парную (родители, молодожены, супруги) и б) непарную (фрукты, овощи, шахматы, документы, доспехи и др.), 4) качественно-дифференцированную множественность обособленных сортов, разновидностей (вина, соли, масла, фототовары), 5) экстенсивно-пространственную разделительную множественность вещества (брызги, слюны, вешние воды), 6) собирательную множественность обособленных временных моментов (средние века, шестидесятые годы), 7) неопределенную или собирательную множественность отдельных актов действия (боли, схватки, выборы, бега, переговоры), 8) множественность во времени природных явлений (холода, морозы, дожди, туманы, дни, будни), 9) дифференцированную множественность результатов действия (выбросы, наносы, обрывы) и др.

Кроме номинативных функций, формы мн.ч. в русском языке обладают еще двумя функциями, связанными с их употреблением в речи. Первая заключается в выражении количественной неопределенности считаемых отдельных (лексически обозначенных) предметов. Она свойственна всем существительным в форме мн.ч. со значением неопределенной счетной множественности в высказываниях, содержащих неосведомленность (она может быть и намеренной) говорящего о количестве отдельных предметов. В таких высказываниях нейтрализуется доминантный признак общего значения множественности и на первый план выступает один из периферийных его признаков — неопределенность, что сближает форму мн.ч. по функции с неопределенным артиклем в "артиклевых" языках. Ср. "У вас есть книги по искусству? — Да, но, к сожалению, только одна книга", "Вы рисовали когда-нибудь кошек? (хотя бы одну кошку)", "У вас есть дети? и под. Ср еще:

"- Когда я пришел в себя, коробка исчезла. Должно быть, ее выбросили санитары. Или сестра" (Паустовский). Вторая функция заключается в гиперболизированном представлении единичного предмета (явления) для выражения всякого рода эмоционально-экспрессивных коннотаций, опирающихся на мн.ч. как нечто увеличенное, усиленное. Подобное стилистическое употребление формы мн.ч. наблюдается при ситуативной единичности предмета, когда он известен во всей его определенности и индивидуальности, или как плуралис поэтикус. Ср. "Мы вот дома сидим, а вы по театрам ходите" (из устной речи), "- Вы давно были на могиле Борисова-Мусатова? - спросил Леонтий Назарович... - Прошлой осенью. - Что же это вы?, - сказал с упреком Леонтий Назарович. - Знаменитых своих земляков забываете" (Паустовский). По сути дела, к гиперболическому мн.ч. относится и употребление некоторых вещественных существительных типа снега, песка, ржи и под., хотя в ряде контекстов они могут выступать и в разделительном значении: ср. "Уж пасмурный декабрь на русские луга Слойми расстилал пушистые снега" (Пушкин), пески степей (особенно если они связаны с признаком пространства: вечные снега гор, ехать по ржам и под.).

Общее значение формы ед.ч. сводится к понятию единично-отдельного в смысле "единично-обособленного" предмета, определенного типа собирательных предметов, явления, состояния, процесса с присущими им качественными признаками. В философской и логической литературе такое единично-отдельное называют единичным и вкладывают в него не только количественный смысл, но и качественный: "...соотносящаяся с самой собой определенность есть единичное" (Гегель, II, 45), "Единичное - мысль об одном каком-либо предмете (явлении) или процессе, отображающая совокупность присущих этому предмету (явлению) признаков. Напр., мысль об этом конкретном столе ... и т.п." (ГЗ, I71). Следовательно, единично-отдельный предмет (явление и др.) рассматривается как данный конкретный предмет (явление и др.), в котором его единичное количество неразличимо сливается с качеством и служит объективным основанием для "быть количественно единственным" (ср. в комнате стоял стол и в комнате стоял один стол).

Единично-отдельное может быть полностью однородным (ср. книга тиража) и своеобразным из однородных (сливочное масло, конопляное масло), а также уникальным (ср. луна, солнце). В последнем случае оно соотносительно с логико-матема-

тическим понятием элемента множества, состоящего из одного единственного элемента. Единично-отдельное может быть не только предметом, но и отдельным (разовым) проявлением действия, состояния, признака, явления и др., ср. он почувствовал боль, сделал движение рукой, включил первую скорость, разлил молоко, белизна снега удивила его и под. Единично-отдельное может быть не только структурно-неоднородным (как правило, материальные образования носят сложный характер, который, как уже было показано выше, избирательно отражается формой мн.ч.), но и непрерывно-однородным, без определенных внешних границ, формы и не делимым на однородные элементы, что не является реальной основой для проявления "внешней" множественности (ср. масло, молоко, белизна). Этим объясняется, на наш взгляд, отсутствие в различии числовых форм при измерении вещества; в I кг. яблок вес связан с внешним множеством яблок, в I кг. масла вес не связан с внешним множеством, так как масло не имеет ни определенных границ и форм, ни дискретных частей. Поэтому в каждом конкретном случае масло (без емкости) представляется единично-отдельным. Наконец, единично-отдельным может быть и отвлеченная от дифференциации собирательность, когда он мыслится как конкретно данное (студенчество, профессора университета, белье, артиллерия и под.). Таким образом, основными признаками единично-отдельного, как оно выражается формой ед.ч., являются "быть единично обособленным (разовым) в своем качественном проявлении и исходным для "внешнего" момента количества", а также "быть непрерывно-однородным или отвлеченным от дифференциации". Если существительные в форме ед.ч. имеют соотносительные формы мн.ч., то это означает, что их денотаты в объективной действительности или человеческой практике представлены как однородно повторяющиеся (экстенсивно-разделительно). Если существительные в форме ед.ч. не имеют соотносительных форм мн.ч., то это означает, что их денотаты во "внешней" количественной множественности либо не представлены в объективной действительности или человеческой практике, либо не имеют существенного значения для обозначения, либо (что реже) не могут быть обозначены формой мн.ч. из-за морфологических причин, хотя их единичная отдельность может быть налицо. Но при появлении необходимости отразить "внешнюю" количественную множественность той или иной отдельности язык образует формы мн.ч.: ср. меди, стали, крупы и под. Так что представляется справедливым мнение тех исследователей, которые счи-

тают, что часть существительных сингуляриа тантум — это слова с потенциально полной парадигмой числа (13, 57-58). Все это подтверждает положение о взаимосвязи числовых форм между собой, даже в случае существительных сингуляриа тантум, так как они выделяются по отрицательному отношению к форме мн.ч.

Общее значение формы ед.ч. в указанной трактовке имеет следующие основные разновидности:

1) Единично-считаемое значение, указывающее на единично-отдельное, как считаемый элемент множества (типа: стол — стола). Синтаксически и ситуативно оно может выступать в различных функциях: индивидуализирующей — это был тот самый человек, в функции первичного выделения предмета, напоминающей функцию неопределенного артикля, — я познакомился с одним человеком, и др.

2) Единственно-отдельное значение (уникальное): луна, земля, солнце и др.

3) Единично-индивидуальное значение (собственные имена).

4) Видовое значение, указывающее на единицы деления родовых классов в научной и др. систематике и номенклатуре: деревья — пихта, сосна, ель и др., птицы — грач, страус, воробей и др., грибы — рыжик, груздь, волнушка и др.

5) Единично-сортное значение: конопляное масло, сливочное масло, сухое вино, пшеничная водка, телятина.

6) Единично-несчитаемое значение, указывающее на несчитаемое непрерывно-однородное или недифференцированное проявление признака, процесса, собирательности, вещественности: белизна снега, красота леса, хотьба спортсмена, белье, листва, артиллерия и др. Сюда относятся все обычно выделяемые существительные сингуляриа тантум (отвлеченные, собирательные, вещественные). Остановимся на некоторых из этих групп существительных особо для объяснения отсутствия в них соотносительных форм мн.ч. По понятным причинам не имеют форм мн.ч. отвлеченные существительные со значением признака или действия, если они не конкретизируются предметными значениями или единичностью акта (см. об этом, например, А.И. Сумкина, 9). Менее понятным представляется отсутствие форм мн.ч. у существительных, обозначающих ряд сельскохозяйственных и ягодных культур, которые трудно отнести к вещественным существительным типа масло, сахар, молоко: ср. морковь, картофель, лук, клубника, малина, но яблоко — яблоки, огурец-огурцы и др. По поводу таких существительных было высказано мнение, что выбор грамматического числа в них "определяется типом сбора и типом пот-

ребления: во множественном числе употребляются названия тех культур, плоды которых срывают и употребляют дискретно, по одному, тогда как в единственном числе ставятся названия таких культур, сбор или употребление которых имеет недискретный характер, т.е. когда хотя бы в одном из этих процессов сельскохозяйственный продукт выступает массовидно" (14, 53-54). В принципе соглашаясь с этим объяснением, мы уточнили бы его следующим образом: названия тех сельскохозяйственных и ягодных культур, которые обладают подчеркнутой дискретностью и крупным размером плодов (ср. названия садово-древесных и наземных культур: груша, лимон, банан и др., дыня, тыква, огурец, гриб, арбуз), имеют тенденцию к парным числовым формам. Названия же плодов, мелких по размеру и массовидных по восприятию, как правило, употребляются только в форме ед.ч. Не исключено также влияние на выбор форм числа и характера произрастания растений: травянисто-земляные и кустарниковые культуры часто обозначаются существительными сингуляриями тантум (ср. рожь, овес, пшеница, ячмень, капуста, картофель, лук, репа, чеснок, малина, клубника и др.) В отмеченных свойствах денотаты названных культур сближаются с денотатами собирательных и вещественных существительных с их непрерывно-однородным характером: ср. хворост, дубь, мох, чай, щавель, трава, клевер, табак, крупа, сахар, рис, сено, пух, подсолнух, горех и др.

В соответствии со своим общим значением формы ед. ч. употребляются в следующих функциях способа представления количественных отношений: 1) собирательного представления множественности; 2) синекдохического представления разделительного множества, 3) дистрибутивного представления разделительного множества и 4) обще-понятийного представления всего класса предметов. Хотя между этими функциями много общего (все они представляют множество и тем самым синонимичны функциям мн.ч.), они отличаются друг от друга как речевой областью употребления и природой, так и соотносительностью с определенными типами множественности, что не всегда учитывается в научной и учебной литературе и что, напротив, усматривал А.А. Потебня. А.А. Потебня, рассматривая происхождение собирательных существительных, обратил внимание на употребление несобирательных конкретных существительных ед. ч. в функции "образа сплошного множества", "символа множества" ("привалила птица к круту берегу") и квалифицировал ее как синекдоху, которую сравнивал с изображением в картине

битвы одного солдата на переднем плане, не замещающего многих других (другие солдаты могут быть изображены вдали), а символизирующего множество (15, 25). Однако такую "живую" синекдоху он еще не считал подлинной собирательностью, а только шагом к собирательности, или образной собирательностью, понимая под настоящей собирательностью "сплошное множество", взятое "как единица или как множество" (листья - листья), и задавая вопрос: "не синекдохична ли всякая собирательность, т.е. не идет ли она от единичности?" (там же, 29), ср. суффикс - ина (дружина и дивчина). Вместе с тем А.А. Потебня подчеркивал, что синекдохическое ед.ч. не "замещает собой множ. число", ибо "множ. число стоит само за себя, не становясь излишним от употребления един. числа" (там же, 25), т.е. оно является самостоятельным и синонимичным, а не тавтологичным употреблением. Вот почему нельзя говорить об "употреблении единственного числа конкретных имен существительных вместо множественного", как оно характеризуется в словаре "Грамматическая правильность русской речи" (16, 110). К синекдохическому употреблению формы ед. ч. А.А. Потебня относил и то, что в настоящее время принято называть дистрибутивной функцией ед.ч., т.е. "случай, когда един. число означает предмет, находящийся в каждой из единиц, составляющих множество (о коем говорится), и рассматриваемый (независимо) от индивидуальных различий: "повелено брить им бороду" (Пушк.); но "народ снял шапки" (Пушк.) (там же, 25). Таким образом, существует разница между синекдохическим употреблением формы ед. ч., которое представлено в функции "символа множества" (мы называем ее "синекдохическим представлением разделительного множества") и в функции дистрибутивного представления разделительного множества, и употреблением формы ед.ч. в собирательной функции, напоминающей ед.ч. в собирательных существительных.

Различие между синекдохическим употреблением и употреблением в значении собирательности сводится к тому, что собирательное значение обладает признаком отвлеченности от индивидуального множества, представляя его как однородное единичное целое, а синекдохическая функция сохраняет значение конкретной единичности предмета, делая ее экземплярным (наглядным) в ряду подобных конкретно-единичных предметов. Поэтому собирательная функция ед.ч., как правило, выступает при узуальных описаниях целых классов предметов или их отдельных подклассов и вообще в высказываниях, выражающих какие-либо

узуально-обобщенные факты. Ср. "Веками вел борьбу человек с пустыней"; "Читатель меняется, как меняется степень интереса к поэзии"; "Здесь на стадионе спортсмены воспитывают своим поведением и игрой массового зрителя"; "В книге выделены двадцать районов, способных привлечь "разного" туриста" (примеры из I6, II0-III). Ср. также: "Впрочем, покупатель может быть спокойным: розничные цены повышаться не будут" (из газет); в ответ на вопрос, кому живется весело, вольготно на Руси, "Роман сказал: помещику, Демьян сказал: чиновнику, Лука сказал: попу. Купчине толстопузому! - сказали братья Губины, Иван и Митродор. Старик Пахом потужился И молвил, в землю глядячи: Вельможному боярину, Министру государеву" (Некрасов); "Орловская деревня... обыкновенно расположена среди распаханых полей... Калужская деревня, напротив, большей частью окружена лесом" (Тургенев); "Здесь в изобилии растут: дуб, бук, граб, ясень, клен..." (Соколов-Микитов); Книга - источник знаний; Спектакль был тепло встречен зрителями и под. Стилистически собирательная функция ед.ч. экспрессивна и несколько "категорична", так как она нивелирует дифференциацию множества, и характерна для публицистических стилей и разговорной речи (см. об этом I7, I64-I74, где она названа "обобщенно-собирательным" значением). По сути дела, данная функция ед.ч. повторяет суффиксальные собирательные существительные (типа: студенчество, учительство), которые принадлежат стилям и уже стали непродуктивными (см. там же, I72). Семантически и стилистически собирательная функция ед.ч. несколько отличается от синонимичной ей функции мн.ч.: последняя стилистически нейтральна и более конкретна, не подчеркивая собирательности и не указывая на полноту данного объема предметов (см. I8, 88-89). Параллельная форма мн.ч. вносит в высказывания элемент неопределенной множественности и встречается главным образом при описаниях, не претендующих на обобщение, хотя эта "тонкость" не всегда четко выдерживается и прослеживается: ср. "Спектакль был тепло встречен зрителями", т.е. теми зрителями, которые его непосредственно смотрели. Например, в книге Р. Перри "Мир белого медведя" (I9) при описании медведей часто чередуются формы ед. и мн.ч.: "Пири говорит, что медведи ходят "широким шагом... С поразительной легкостью медведь передвигается по самым тяжелым льдам... (и далее весь контекст дан в форме ед.ч.)... Когда белых медведей никто не тревожит, они часто взбираются на айсберг или торос, высматривая тюленей или падаль (и далее весь контекст дан в форме

мн.ч.)". Наблюдения над этим изложением показывают, что формы мн.ч. чаще "прикреплены" к описаниям конкретных ситуаций, а формы ед.ч. — к контекстам с обобщенным (потенциально-постоянным) содержанием: ср. "Когда белых медведей никто не тревожит, они часто взбираются на айсберг или торос, высматривая тюленей или пададь. При отсутствии же подобного наблюдательного пункта звери встают на задние лапы и, подняв длинную змеиную шею, припихиваются к ветру своими чуткими ноздрями... Эти звери легко спрыгивают с четырехметровой высоты, ибо, хотя выглядят неуклюжими, способны лазить с большой ловкостью и без особого труда форсируют весьма труднопроходимые гряды торосов. Как правило, медведь преодолевает даже самый трудный склон, что нередко помогает животному спастись... Молодой и сравнительно легкий белый медведь может вскарабкаться вверх по совершенно отвесной поверхности..." и т.д. (19, 5-6). И все же отмеченное различие между ед. и мн.ч., видимо, нельзя абсолютизировать, так как собирательность считаемых предметов, если она не носит внутренне-предметный характер, — это семантическая зона нейтрализации форм числа, когда они могут употребляться и без особого семантического отличия (ср. студенчество Советского Союза и студенты Советского Союза, профессура/профессора университета и др.). Об этом свидетельствует и параллельное употребление форм числа в определительных назывных словосочетаниях с существительными в собирательном значении: ср. Дом актера (учителя, писателя и др.) и Дом пионеров (ученых, архитекторов и др.), Международный год ребенка и Международный день студентов, Театр оперы и балета и Театр кукол и под. Интересно отметить, что в венгерском языке, в отличие от русского языка, в конструкциях с собирательными существительными типа "принять в пионеры, идти в учителя" обычно употребляется форма ед.ч. (20, 168).

Синекдохическое употребление форм ед.ч. свойственно высказываниям о конкретных ситуациях и чаще всего встречается в поэтических и художественно-повествовательных текстах: ср. "Мимо тусклых в сумраке стекол медленно падал лист, в зеленоватом воздухе неподвижно висели ветви клена" (Горький), "Кроет уж лист золотой Влажную землю в лесу" (Майков), "Швед, русский — колет, рубит, режет" (Пушкин), "И слышно было до рассвета, как ликовал француз" (Лермонтов) и под. Синонимичные формы мн.ч. здесь выразили бы неопределенную множественность конкретных предметов.

Дистрибутивная функция ед.ч. указывает на соотнесенность

одного и того же единичного предмета с каждым из многих лиц: ср. в обращении к группе лиц "Поднимите правую руку, а теперь - левую, поверните голову...", "Откройте учебник на такой-то странице", "Солдаты стояли с опущенной головой, мрачно сжимая винтовки" (Пушкин). По сути дела, такое употребление является не стилистическим, а вынужденным, так как форма мн.ч. в подробных случаях могла бы быть понята в качестве указания на отнесенность множества предметов к каждому лицу (ср. поднимите руки...).

Иную природу и иное функциональное назначение, на наш взгляд, имеет форма ед.ч. при употреблении в научных определениях, в том числе и при употреблении в заглавиях словарных статей, типа "волк - хищное животное", "дом - жилое здание". В последнее время было высказано мнение о синекдочической природе такого ед.ч. (21), с чем трудно согласиться: оно не характеризуется ни образностью, ни экспрессивностью. Оно не является и собирательным, ибо относит содержание существительного к каждому отдельному предмету, входящему в данный класс. Логика строго разграничивает общее понятие и собирательное понятие по этому признаку: "Собирательные понятия тем отличаются от общих понятий, что их содержание нельзя отнести к каждому отдельному предмету, а только к их совокупности. Общее же понятие можно приложить к каждому отдельному предмету того же класса, на которое понятие распространяется" (12,555). Иначе говоря, общее понятие подразумевает "какой-то (произвольный) предмет из всех однородных предметов данного класса", т.е. это - переменная. Форма ед.ч. при их обозначении указывает на переменную и тем самым является основной для выражения квантора всеобщности: к ней применимы кванторные слова "всякий, каждый, любой", выделяющие единично-отдельные как подобные всем другим единично-отдельным, входящим в класс предметов (см. об этом 22). Как пишет Е.К. Войшвилло, "если под общим именем и подразумевается класс, то он мыслится не как целое, не собирательно, а в каком-то разделительном смысле", и переменная означает какой-то произвольный предмет (23, 49). Следовательно, форма ед.ч. в рассматриваемой функции служит особым способом представления множества, которое может обозначаться и формой мн.ч. (ср. волки - хищные животные, дома - жилые здания), и по своей природе исторически восходит к обобщению множества единичных суждений: "этот дом - жилое здание", "тот дом - жилое здание" (см. там же, 168). Однако при таком обобщении форма ед.ч. уже нейтрализуется в своем

числовом значении и превращается в средство выражения только существенных признаков предметов класса и тем самым в основу количественного противопоставления в формах ед.ч. и мн.ч. Поэтому форма ед.ч. в системе семантически не маркирована из-за совмещения в ней количественной функции и функции представления общего значения. В этом она отличается от формы мн.ч., которая семантически всегда маркирована, обозначая либо "внутреннюю", либо "внешнюю" множественность, либо одновременно и то и другое, если существительные плуралиа тантум употребляются для обозначения всего класса предметов (ср. ножницы - это инструмент для резания, состоящий из двух лезвий, и ножницы - это все подобные инструменты), либо количественную неопределенность.

Итак, подытоживая анализ употребления форм числа, можно утверждать, что функциональная модель числовых форм русских существительных имеет определенную систему и опирается (синхронно или исторически) на их противопоставленные и вместе с тем взаимосвязанные общие (инвариантные) значения, которые не сводятся к счетно-количественным отношениям "один предмет - более одного предмета" и носят специфический, языковой характер. С другой стороны, следует подчеркнуть, что в современном русском языке функциональная модель числовых форм несколько шире ее структурно-семантической модели, так как форма ед. ч. выполняет функцию выражения нейтрализованного отношения к количественным отношениям предметов (явлений).

Л и т е р а т у р а

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.-Л., 1947.
2. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
3. Реформатский А.А. Число и грамматика. - В кн.: Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.-Л., 1960.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
6. Басманова А.Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М., 1977.
7. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1953.
8. Есперсон О. Философия грамматики. М., 1958.

9. Сумкина А.И. Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа. - В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
10. Чельцова Л.К. Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии. - В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.
11. Гегель. Соч., т. 6. М., 1939.
12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
13. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
14. Андреев Н.Д. и Замощицкий В.Л. Новое в современной сельскохозяйственной терминологии. - В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959.
15. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
16. Грамматическая правильность русской речи. М. 1976.
17. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.
18. Гвоздев А.И. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.
19. Перри Р. Мир белого медведя. Л., 1974.
20. Pete István Количественные отношения в русском и венгерском языках. Budapest, 1981.
21. Шелякин М.А. Об особенностях семантики и употреблении местоимений все, каждый, всякий, любой в русском языке. - Русский язык за рубежом, 1977, № 3.
22. См.: "Le français moderne", 1983, № 4, содержащий статьи, посвященные проблеме синекдохи.
23. Войшвилло Е.К. Понятие. МГУ, 1967.

ЛИМИТАТИВНОСТЬ И ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Бондарко

В этой статье лимитативность трактуется как функционально-семантическое поле (центральное в группировке полей аспектуальности), охватывающее разные типы отношений действия к пределу¹.

Общая характеристика лимитативных отношений

Рассматриваются следующие отношения, уже отмеченные аспектологами (см. I, с. 10-17; 2, с. 11-12, 38-48, 157-196):

1) наиболее абстрактное и наиболее грамматикализованное в русском и других славянских языках противопоставление ограниченности/неограниченности действия пределом, лежащее в основе грамматической категории вида и охватывающее всю глагольную лексику;

2) особая разновидность указанного противопоставления — направленность действия на предел (результат)/его достижение (перевязывать — перевязать, пустеть — опустеть и т.п.);

3) противопоставление предельности/непредельности как признаков глагольных лексем и образуемых ими лексико-грамматических разрядов предельных/непредельных глаголов.

Предел понимается нами как значение полноты (исчерпанности) фиксируемого данным глаголом проявления действия во времени.²

Изучаемые лимитативные отношения рассматриваются нами не как элементы внеязыковой действительности непосредственно, а как ее представление (интерпретация) в языковых значени-

¹ Здесь и далее речь идет о "действии" в самом широком обобщенно-грамматическом смысле, охватывающем любые разновидности глагольных предикатов (включая состояния и отношения).

² Ср. суждения Ф.Ф. Фортунатова о значениях форм перфективного и имперфективного вида в общеиндоевропейском языке: "...первая обозначала данный признак в полноте его проявления во времени, а вторая не имела этого значения, т.е. обозначала тот же признак без отношения к полноте его проявления во времени" /3, с. 161/.

ях.³ Так, совершенный вид (СВ) начинательных глаголов (забренчать, побрести и т.п.) выражает значение ограниченности пределом, отнесенное лишь к начальной фазе. Действие может продолжаться ("забренчал и продолжал бренчать", "побрел и продолжал брести" и т.п.), но этот элемент последующего продолжения находится за пределами той выделенной в языковом представлении действия фазы, которая действительно исчерпала себя и далее продолжаться не может. Ср. Он задремал и Он уже задремывал, когда вдруг... При несовершенном виде (НСВ) начальная фаза не достигает полноты своего проявления.

Из приведенных примеров ясно, почему в сформулированном выше определении предела речь идет о полноте (исчерпанности) того проявления действия, которое фиксируется данным глаголом.

Как уже не раз отмечалось аспектологами, предметом анализа является внутренний временной предел, а не внешняя временная граница. Так, в высказывании Он находился там до двух часов внутренний предел отсутствует, хотя обстоятельством обозначено внешнее ограничение во времени.

Внутренний предел трактуется нами как такая характеристика фиксируемого глаголом проявления действия во времени, которая касается внутренней временной структуры действия ("внутреннего времени", по выражению Г. Гийома), а не "внешнего времени", т.е. не длительности периода времени, срока и других обстоятельственных темпоральных элементов. Внутренняя лимитативная характеристика действия обусловлена внутриглагольными факторами – видом, способом действия, лексическим значением глагола.

Представляется необходимым ввести различие понятий эксплицитного и имплицитного предела. Предел является эксплицитным, если он специально выражен грамматической формой (в русском и других славянских языках – формой СВ), и имплицитным, если он лишь подразумевается, имплицитируется в определенных условиях контекста, хотя и при участии грамматических форм, допускающих такую импликацию. По отношению к русскому языку имеется в виду прежде всего употребление формы НСВ в позициях нейтрализации видо-

³ К лимитативным значениям относится общее свойство языковых значений – заключать в себе способ представления мыслительного содержания /см. 4, с. 3-94/. В категории вида и связанных с ней лексико-грамматических разрядах особенно сильно выражены элементы интерпретационной семантики.

вого противопоставления и так наз. "конкуренции видов". Жор-ма НСВ участвует в передаче значения предела, но особым образом: допуская в силу своей семантической немаркированности имплицитную информацию о реальном пределе. Ср. 1) эксплицитный предел: Он внезапно оборвал игру и убрал аккордеон; 2) имплицитный предел а) при нейтрализации видового противопоставления: Он внезапно обрывает игру и убирает аккордеон; Иногда он внезапно обрывал игру и убирал аккордеон; б) при "конкуренции видов": Я уже читал (ср. прочитал) эту книгу.

Обозначим специальными терминами еще одно различие (фактически всегда рассматриваемое, когда речь идет о реальном достижении предела, с одной стороны, и о направленности на предел, - с другой). Это различие между реальным и потенциальным пределом. Реальный предел - достигнутая, реализованная полнота проявления действия. Понятие потенциального предела предполагает, что отсутствует реальный предел, но не предел вообще: выражается предел в перспективе (большой уже выздоравливал; Мы пробивались к своим и т.п.).

Мы выделяем эксплицитный и имплицитный предел лишь как разновидности реального предела (имея в виду эксплицитность/имплицитность не только выражения предела, но прежде всего его содержания). Что же касается потенциального предела, то он рассматривается как содержательно эксплицитный: речь идет о явной перспективе предела, связанной с "собственными" функциями НСВ, а не с его ролью немаркированной формы, способной в определенных условиях "замещать" СВ или конкурировать с ним.

Наличие обеих разновидностей предела - реального и потенциального - лежит в основе понятия п р е д е л ь н о с т и, а отсутствие (опять-таки обеих разновидностей) - в основе понятия н е п р е д е л ь н о с т и.

Глаголы, характеризующиеся признаком "наличие предела" - как реального, так и потенциального, - являются п р е д е л ь н ы м и. Глаголы же с признаком "отсутствие предела" (не только реального, но и потенциального, возможного в перспективе) являются н е п р е д е л ь н ы м и. Ср. взбираться - взобраться, засиять; б) звенеть, сиять, сидеть и т.п.

Поле лимитативности есть в любом языке. В каждом языке существует определенная совокупность связанных друг с другом языковых средств, служащих для выражения тех или иных отношений действия к пределу. Однако конкретная характеристика данного поля в разных языках отличается чертами своеобразия,

ср. в частности "видовые языки", обладающие видом как грамматической категорией, и языки "нсвидовые".

В славянских языках на вершине иерархии лимитативных отношений с точки зрения наиболее высокой степени грамматичности находится противопоставление ограниченности/неограниченности действия пределом, лежащее в основе морфологической категории вида. Противопоставление же предельности/непредельности, важное для системы способов действия и воздействующее на образование и функционирование форм вида, все же остается в области грамматически значимых разрядов лексики.

В тех языках, где различие ограниченности/неограниченности действия пределом не имеет статуса грамматической категории с присущим ей свойством обязательности (например, в немецком, английском, французском), значимость противопоставления предельности/непредельности в общей системе отношений действия к пределу повышается /см. 5/. В дальнейшем изложении речь идет о лимитативности в русском языке.

Ограниченность/неограниченность действия пределом

Ограниченность действия пределом (далее Огр.) в соответствии с принимаемым нами толкованием предела трактуется как представление действия в полноте (исчерпанности) того проявления во времени, которое фиксируется данным глаголом.

Рассматриваемое понятие охватывает как достижение предела действием, направленным на предел (спасти, откачать), так и полноту проявления во времени действия, представленного в ограничении пределом безотносительно к направленности на предел (ср. закататься, расшаркаться, прикурнуть).

Понимание категориального значения СВ на основе признака ограниченности действия пределом, как нам уже не раз приходилось писать, не противоречит определению, основанному на признаке целостности. Именно потому, что действие ограничено пределом, т.е. представлено во всей полноте его проявления (допускаемой лексическим значением и способом действия глагола), оно характеризуется неделимой целостностью. Рассматриваемые признаки предполагают друг друга, представляя собой по существу взаимосвязанные аспекты одного и того же языкового значения (о соотношении указанных признаков см. 6, с. 18-19; 7, с. 13-18; 8, с. 27-29).

Противопоставление Огр./Неогр. следующим образом относится к различию реального и потенциального предела: признак Огр. связан лишь с реальным пределом; признак же Неогр. выступает как противоположность реального предела, что предполагает: а) наличие потенциального предела при отсутствии реального (Отец растащивал остывшую печку); б) отсутствие всякого предела — как реального, так и потенциального (Сосед молчал).

Основное (главное, специфическое) значение форм НСВ противоположно значению СВ: выражается действие, неограниченное пределом. Например: Дед гнался за мной; То и дело трезвонили телефоны на столах; Пора спать.

Семантически немаркированная форма НСВ способна проявлять нейтральное отношение к различию Огр./Неогр., предполагающее возможность передачи значения имплицитного предела. Это значение передается, в частности, в следующих условиях: 1) при употреблении НСВ в настоящем историческом в тех случаях, когда в прошедшем времени был бы употреблен СВ: До возвращения в Москву Леонид Борисович подписывает (ср. подписал) в Германии соглашение о поставке в Советскую Россию угля (В. Могилевский, В. Прокофьев); 2) при обозначении повторяющихся действий в прошедшем времени (в тех случаях, когда при неповторяемости был бы употреблен СВ): И поездки эти были тяжелы: промерзал Кузьма до того, что не чувствовал, есть у него тело или нет (И. Бунин); ср. Поездка была тяжелой: промерз Кузьма...; 3) реализация значения имплицитного предела возможна при употреблении НСВ в обобщенно-фактическом значении (как правило, в условиях конкуренции видов): — Лейтенант Кузнецов, вы куда-нибудь отпускали (ср. отпустили) Уханова? (Д. Бондарев). При обобщенно-фактическом употреблении НСВ грани между наличием и отсутствием имплицитного предела размыты.

Итак, признак Огр. эксплицитно и постоянно выражается формами СВ и может быть имплицитно выражен с участием форм НСВ. Противоположный же признак Неогр. может быть выражен лишь формами НСВ.

Определение различия видовых значений на основе противопоставления признаков Огр./Неогр. обладает необходимой объяснительной силой по отношению к видовым функциям, реализуемым в речи. В данной связи следует упомянуть определение видовых значений, основанное на признаке "перемены ситуаций" (при СВ) и представлении действия (при НСВ) в рамках одной

ситуации (см. 9, с. 13-17). Именно потому, что СВ представляет действие как ограниченное пределом, оно, исчерпав данное свое проявление, сменяется чем-то другим - состоянием или другим действием.

Акцент на последующей ситуации (состоянии или другом действии) - это важный элемент характеристики значения Огр. Этот элемент "взгляда вперед" ("что следует из Огр.") может быть выявлен на уровне отдельного слова (например, покраснеть - доведенное до предела становление признака есть вместе с тем наступление нового состояния - стать красным). Однако наиболее полное выявление отношения к последующему состоянию или другому действию реализуется на уровне высказывания. Так, признак Огр., отнесенный к данному действию, открывает возможность его смены другим действием и т.д., в результате чего выстраивается цепь сменяющих друг друга ограниченных пределом целостных фактов /см. 10, с. 128/.

Возникает вопрос: действительно ли определение значения СВ, основанное на понятии предела, охватывает все глаголы?

Отрицательный ответ на этот вопрос дает М.Я. Гловинская. Она пишет о том, что имеются целые группы глаголов, совершенный вид которых "не обозначает действия, доведенного до качественного предела". Таков, например, класс глаголов "обозначающих изменения свойства или положения в пространстве и включающих в свое толкование смысл 'стать более каким-то'": возрасти, замедлится, заострится, окрепнуть, ослабеть, охладиться, повисеть, поблещать, разогреться, сократиться, удалиться и т.п. Указанные глаголы "обозначают действие, которое может быть продолжено; ср. семантическую неправильность Он уже надел пальто и продолжает его надевать и нормальность Цены уже очень повысились и продолжают повышаться" /15, с. 9/.

Факты, приведенные М.Я. Гловинской, представляют безусловный интерес. Однако из них, на наш взгляд, следуют иные выводы.

Значение СВ заключается в представлении о полноте данного проявления действия - того проявления, которое обозначено формой СВ и фиксируется в высказывании. Это значение охватывает как случаи типа Он уже надел пальто; Запасы иссякли (когда действие в данном его проявлении полностью себя исчерпало и дальше продолжаться не может), так и случаи типа Цены повысились; Издержки сократились и т.п., когда ограниченность пределом действия, представленного в данном его про-

явлении, не исключает возможности дальнейшего продолжения.

Высказывание — Посмотри, поезд замедлил ход скорее всего произносится в той ситуации, когда поезд продолжает замедлять ход. В тот момент, когда говорящий заметил замедление хода поезда, он выразил этот фрагмент действительности высказыванием, в котором форма СВ замедлил представляет в полноте осуществления (в пределе совершения) данное, зафиксированное проявление действия. Последующее продолжение замедления хода поезда выходит за пределы актуального смысла данного высказывания. Оно представляет собой лишь один из элементов "фона" ситуативной информации.

Различие невозможности/возможности дальнейшего продолжения действия относится не к уровню категориальных грамматических значений форм вида, а к иным уровням. В частности, дополнительный элемент возможности дальнейшего продолжения действия находит проявление а) в лексическом значении указанной группы глаголов, б) в некоторых особенностях их сочетаемости (ср. возможность высказываний типа Издержки сократились и продолжают сокращаться), в) в ситуативной информации (ср. приведенный выше пример с поездом). Значение СВ данным дополнительным различием не затрагивается. Оно во всех случаях остается одним и тем же.

Категориальное значение СВ, как и всякое грамматическое значение, характеризуется определенной избирательностью по отношению к элементам внеязыковой действительности, отражаемым в сознании людей. В данном случае различие между пределом, исключающим и не исключающим возможность дальнейшего продолжения действия, оказывается вне того минимума информации о пределе, который включается в грамматическое значение СВ. Данное значение как бы поднимается над различием невозможности дальнейшего продолжения действия. В этом лишний раз проявляется обобщенность категориальных видовых значений и их преимущественно интерпретационный характер.

Итак, на наш взгляд, значение СВ, основанное на признаке ограниченности действия пределом, действительно является в сфере СВ универсальным.

Положение о максимально широком масштабе противопоставления Огр./Неогр. нуждается в дополнительной конкретизации.

В частности, данное противопоставление распространяется на глаголы НСВ и СВ, образующие видовую пару, но при этом не находящиеся в отношении "направленность на предел/его достижение". Таковы, например, видовые пары дать — давать, допус-

процессе его протекания, б) направленность процесса на достижение результата. Отсюда обозначение Направл. Проц.

Признак Огр. выступает как реальное достижение результата (Результ.). Термин "результат" мы употребляем именно по отношению к рассматриваемой разновидности ограниченности действия пределом. Результат - это такой предел, которого достигает направленный на него процесс.⁵

Указанные соотношения (ср. видовые пары типа доказывать - доказать, зреть - созреть) выступают в пределах лексико-грамматического разряда результативных глаголов (нередко в таких случаях говорят об общерезультативном способе действия).

Соотношение Направл. Проц./Результ. выступает в двух вариантах, различающихся с точки зрения признаков преднамеренности (контролируемости)/непреднамеренности (неконтролируемости) процесса. Ср.: отстирывать - отстирать, белить - побелить, варить - сварить и т.п., б) замерзать - замерзнуть, истекать - истечь, набухать - набухнуть, мелеть - обмелеть, стареть - постареть, чахнуть - зачахнуть и т.п. Этот факт неоднократно отмечался исследователями /см. I, с. 13; 2, с. 162-163/.

Данное различие существенно во многих отношениях: а) с точки зрения взаимодействия результативности с переходностью /непереходностью (глаголы преднамеренного действия переходны, а непреднамеренного - непереходны); б) в связи с этим при преднамеренности достигнутый результат становится характеристикой того объекта, на который направлено действие, тогда как при непреднамеренности результат - характеристика субъекта; в) в действии и его результате отражаются такие свойства субъекта, как одушевленность/неодушевленность, отнесенность к признакам лицо/не-лицо; г) модальность волеизъявления характеризует лишь преднамеренные действия; в связи с этим только такие действия могут выступать в конативных ситуациях типа "попытка (желание, стремление) - результат" (Объяснял, но не объяснил; Откачивали, да так и не откачали и т.п.).

На первый взгляд может показаться излишним или избыточным при наличии общего противопоставления Огр./Неогр. выделять одну из его разновидностей как особый тип отношения

⁵ В.В. Виноградов писал: "Результат - это частный случай предела действия" /13, с. 394/. Ср. иное понимание результата, отнесенное к тому новому состоянию, которое возникает в тот момент, когда закончился процесс (в соотношении вставать - встал - стоять как результат трактуется 3-й элемент - стоять) в работе II, с. 9-II/.

действия к пределу. На самом деле этот "частный случай" чрезвычайно важен и значим. Перед нами семантически наиболее яркая разновидность противопоставления видов. Данное семантическое различие легко осознается говорящими как важное и актуальное для смысла высказывания. Ср.: - Сегодня сын сдал экзамен. - И сдал? Именно это противопоставление в первую очередь связывается в сознании носителей языка с формами НСВ и СВ. Разумеется, трактовка значения СВ как достигнутого результата, а значения НСВ как направленности на достижение результата неточна, поскольку свойство части переносится на целое. Это неоднократно подвергалось критике. Однако было бы неправильно видеть здесь только ошибку. В данном случае в грамматических описаниях находит отражение наиболее яркий признак видового противопоставления.

Естественно, что распространение видовых различий на всю глагольную лексику влечет за собой далеко идущее абстрагирование категориальных видовых значений, в известной степени их формализацию. Это далеко не всегда учитывается при обсуждении вопроса о семантике видов. При необъятно широкой сфере распространения и грамматической обязательности семантика видов не может не быть отвлеченной и формальной (в том смысле, в каком в грамматической традиции издавна грамматические значения назывались формальными). И в то же время необходимо придавать должное значение конкретной и живой основе видового противопоставления - тем признакам (Направл. Проц./Результ.), которые сохраняют непосредственную смысловую значимость. Если в целом противопоставление Огр./Неогр. в силу своей всеобщей (в рамках глагола) распространенности и обязательности играет строевую грамматическую роль и далеко не всегда является существенным для смысла высказывания, то противопоставление Направл. Проц./Результ., не обладая признаком всеобщности и обязательности, характеризуется актуальной смысловой значимостью. Поэтому данное различие следует рассматривать как смысловое ядро семантики вида.

В аспектологии при обсуждении вопроса о грамматических значениях видов получил широкое распространение такой способ рассуждения: рассматривается некоторое значение, трактуемое теми или иными исследователями как грамматическое значение СВ, затем выясняется, что это значение действительно не для всех глаголов; далее на этом основании данная точка зрения признается неправильной, продолжают поиски такого общего и универсального значения, которое действительно охватывало бы

все случаи. В таком подходе есть своя логика. Действительно, нужно искать наиболее обобщенное категориальное значение, и если оно оказывается инвариантным, то это чрезвычайно важный для грамматиста результат поиска. Однако, как нам представляется, не следует вообще отводить значения, не обладающие признаком всеобщности. Это относится не только к виду, но и к значениям других категорий. Обобщенное категориальное значение может находить в части материала (в нашем случае — в широко распространенном типе результативных видовых пар) свою наиболее полную и характерную манифестацию, которая должна быть отражена в теоретическом описании грамматических значений.

Примечательно следующее свойство результативных глаголов СВ: выражая достигнутый результат, они вместе с тем могут передавать дополнительный оттенок связи с предшествующим процессом, который привел к данному результату. Назовем этот семантический элемент имплицирuemой процессностью. Ср. высказывания, в которых этот элемент актуализируется показателями постепенности достижения результата: Машина постепенно набрала скорость; Не сразу я привык к этому / см. 12, с. 313/

Элемент имплицирuemого предшествующего процесса при выражении формой СВ достигнутого результата не равнозначен процессу, выражаемому формами НСВ: Машина постепенно набирала скорость. При НСВ в эксплицитной форме передается протекание процесса в динамике его переходов от более ранних моментов к более поздним. В рассматриваемых же случаях процессность выступает "в снятом виде", как дополнительный имплицитный элемент, примыкающий к основному значению достигнутого результата.

Имплицирuemая процессность обычно актуализируется средствами контекста. Помимо указанных выше обстоятельств типа постепенно нередко выступают обстоятельства темпа достижения результата (медленно, быстро и т.п.): Труба перископа медленно уплыла обратно в шахту; Я довольно быстро добрался до верхней площадки. Указание на темп (медленный или быстрый) не может относиться к самому результату как конечной точке: обстоятельства медленно, быстро и т.п. неизбежно восстанавливают связь достигнутого результата с тем процессом, который к нему привел. В семантическом комплексе "достижение результата" конечной точке предшествует "достижение" как особого рода (представленный "в снятом виде") процесс.

Выражение рассматриваемого значения возможно и при отсутствии в окружающем контексте специальных актуализаторов элемента имплицуемой процессности. Например: Мы упаковали свою добычу, плотно привязали к саням, выволокли сани на улицу (В. Шефнер). В данном примере речь идет о конкретных физических действиях, требующих определенных усилий для их выполнения; это не "разовые", а процессно обусловленные результаты (подразумевается, хотя специально и не обозначено: "упаковывали, прежде чем упаковали", "привязывали, прежде чем привязали" и т.п.).

Существенны особенности употребления рассматриваемых результативных глаголов СВ в будущем времени: Деленька, иди домой, а то совсем застынешь (В. Шефнер). В таких случаях достигнутый результат относится к будущему времени, а подразумеваемый предшествующий процесс затрагивает сферу настоящего.

В других случаях имплицуемый процесс относится к тому же плану будущего времени, к которому отнесен достигнутый результат: Он стал рисовать себе, как пробьет первую дырку на заветном озарке (Е. Носов).

Вообще имплицуемая процессность — явление факультативное. Возможность реализации данного значения зависит от многообразных условий контекста и от лексических значений глаголов. Во многих случаях имплицуемая процессность отсутствует, хотя глагол относится к результативным видовым парам. Например: Шеф, конечно, будет абсолютно прав, когда отстранил его от заведования лабораторией (С. Смоляницкий).

Обычно элемент имплицуемой процессности передается формами СВ, входящими в результативные видовые пары. Однако данный имплицитный элемент возможен и при несоотносительности глагола СВ: Все понемногу утомонились (С. Есенин).

Вообще говоря, явление имплицуемой процессности при функционировании глаголов СВ выходит за пределы "чистой результативности". Мы имеем в виду употребление начинательных глаголов, при котором выражается достижение предела действием в его начальной фазе и может подразумеваться последующая длительность, последующее протекание начатого действия: Мы с Ледей вышли на лестницу, медленно пошли вниз (В. Шефнер). Медленно относится не только к характеру осуществления начальной фазы (она достигается с промедлением), но и к последующей имплицуемой длительности (не сразу двинулись и медленно продолжали идти).

В подобных случаях, однако, подразумевается не предшествующий, а последующий процесс. Это иной, особый тип имплицитруемой процессности. Он интересен потому, что представляет собой своего рода контраст по отношению к рассмотренному выше языковому материалу: если результативность при СВ может включать имплицитруемое указание на предшествующий процесс, приводящий к данному результату, то начинательность может предполагать последующий процесс, вытекающий из доведенной до предела начальной фазы действия.

Предельность/непредельность
(наличие/отсутствие предела)

Данное противопоставление (далее Предельн./Непредельн.) трактуется нами как наличие/отсутствие любого предела – как реального, так и потенциального.

Говоря о предельности/непредельности глагола, мы имеем в виду характеристику именно данного глагола (с его лексическим значением, значениями определенного способа действия и вида), а не характеристику действия вообще, которая включала бы его выражение образованиями от той же основы. Например, глагол посидеть – предельный, потому что он, как и любой другой глагол СВ, обозначает действие, ограниченное пределом (в данном случае делимитативный способ действия обуславливает дополнительный семантический элемент ограниченной длительности). Глагол же сидеть – непредельный, поскольку его значение не связано ни с реальным, ни с потенциальным пределом.

Предельность/непредельность конкретных глаголов (и отдельных их значений) влечет за собой разделение глагольных лексем на разряды предельных и непредельных глаголов.

Указанные лексико-грамматические разряды, как известно, находят грамматическое выявление в видовой соотносительности/несоотносительности соответствующих глаголов. Непредельные глаголы – это несоотносительные глаголы НСВ (гостить, держаться, зависеть и т.н.). Предельные же глаголы – это либо глаголы противоположных видов, образующие видовые пары (в данной статье мы не касаемся спорного вопроса о разных видах как разных словах или формах одного и того же слова), либо несоотносительные глаголы СВ (с нашей точки зрения, здесь нет исключений: любой глагол СВ, поскольку он выражает ограниченность действия пределом, является предельным).

Противопоставление Предельн./Непредельн. грамматически выявляется, как известно, также в различном отношении предельных/непредельных глаголов к переходности/непереходности и шире - к синтаксическим свойствам глаголов /см. 3, с. 162-167/. Эти связи не имеют жесткого характера: не всякий переходный глагол предельн., не всякий непереходный глагол непередельн., не всякий предельный глагол является переходным и не всякий непередельный глагол - непереходным /см. 3, с. 162-167/.

В русском языке (как и в других славянских) различие Предельн./Непредельн. определенным образом подчинено грамматической категории вида. Это находит выражение, в частности, в указанном распределении Предельн./Непредельн. по видам: несоотносительный НСВ - непередельность; видовые пары и несоотносительный СВ - предельность. С другой стороны, предельность/непередельность воздействует на глагольный вид - на видообразование и функционирование видов. Достаточно упомянуть, например, неспособность непередельных несоотносительных глаголов НСВ к выражению имплицитного предела (который может передаваться с участием предельных глаголов СВ).

Таким образом, различие Предельн./Непредельн. и категория вида связаны сложными отношениями взаимообусловленности (ср. иную точку зрения в работах 14, 15, где видовая семантика полностью отделяется от предельности/непередельности).

Как и во всех других языках, предельность/непередельность в славянских языках коренится в семантике глагола, в ее отношении к идее предела. Но специфика русского и других славянских языков с их грамматической категорией вида, охватывающей всю глагольную лексику и все глагольные формы, заключается в том, что "предельная/непредельная способность глагола" реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы. Заложенная в семантике глагола способность к предельности/непередельности получает реализацию в глагольных словоформах с определенным грамматическим видовым значением. Предельность/непередельность глагола находит выявление в тех отношениях к пределу, которые распределены по видам. Предельность выявляется либо в соотношении НСВ/СВ по признакам Направл. Проц./Результ. (у части глаголов), либо в присутствии СВ значении ограниченности действия пределом при отсутствии соотносительности с НСВ, либо в способности НСВ передавать имплицитный предел. Неperедельность выявляется в отсутствии предела у несоотносительных форм НСВ, которые, однако, охватываются значением неограниченности действия пределом. Так, способность

к предельности/непредельности, заложенная в лексическом значении глагола, отражающая и интерпретирующая свойства самого внеязыкового действия, в своем реальном выявлении в "видовом" языке включается в жесткие рамки системы видовых форм и видовых значений. Других способов выявления, свободных от системы видов "терминативно/атерминативная способность" не имеет.

Возникает вопрос: как же в таком случае можно выделить Предельн./Непредельн. как особый тип и уровень лимитативных отношений? Ответ заключается в следующем. Противопоставление Предельн./Непредельн. выделяется как лимитативное отношение особого уровня на основе лексически конкретной ориентации данного отношения на отдельный глагол и на разряды глаголов. Предельн./Непредельн. - это характеристика того или иного глагола (глагола в том или ином из его значений) или разряда глаголов. Что же касается противопоставления Огр./Неогр., то это противопоставление категориальных признаков граммем СВ и НСВ в грамматической системе. Это и определяет разграничение рассматриваемых уровней лимитативных отношений.

Остановимся на одном из "трудных случаев".

Выше уже были упомянуты видовые пары, в которых НСВ не выражает направленности на достижение предела. Ср., например, имперфективы давать, закаиваться, закашливаться, замечать, засматриваться, заставать, заявлять, награждать, обнаруживать, оставаться, охаивать, повисать, помешать, посылать, пожидаться, предлагать, разрешать, случаться, увенчивать, улаживать, удивляться, успевать, являться, благодарить, видеть, дарить, советовать, стараться, шадить.

Если определять предельность/непредельность как направленность/ненаправленность действия на внутренний предел и связывать предельность при НСВ с направленностью на предел, то указанные глаголы окажутся непредельными. Однако это противоречило бы грамматическому выявлению непредельных глаголов - их принадлежности к несоотносительному НСВ: рассматриваемые глаголы как раз соотносительны по виду.

Обратимся к предлагаемому нами истолкованию Предельн./Непредельн. на основе наличия/отсутствия предела - как реального (эксплицитного и имплицитного), так и потенциального. Рассматриваемые глаголы не имеют значения направленности действия на внутренний предел, следовательно, не выражают потенциального предела. Каково их отношение к двум разновидностям реального предела - эксплицитному и имплицитному пределу?

Эксплицитный предел указанными глаголами НСВ (как и вообще глаголами НСВ) не выражается (в данном случае он передается соответствующими парными глаголами СВ - дать, допустить, закаяться, закашливаться и т.д.). Остается вопрос об имплицитном пределе.

Указанные глаголы обнаруживают явно выраженную способность к передаче имплицитного предела. В первую очередь речь идет об имплицитном пределе при выражении повторяющихся действий. Данная функция для глаголов такого типа является одной из основных (а для некоторых из них, например, закаиваться, закашливаться, засматриваться, случаться и др. - центральной, главной). Ср.: Каждый раз их допускали к экзаменам; Я часто замечал...; Иногда мы заставляли его дома; Им часто удавалось...; По пути мы успевали ... и т.п. В своем большинстве рассматриваемые глаголы способны передавать значение имплицитного предела и в настоящем историческом: Войдя в купе, он замечает на столике букет цветов; В блокноте журналиста появляется запись... . Ср. также имплицитный предел при обобщенно-фактическом употреблении НСВ: Вы замечали это?; Кто его туда посылал?; Этот вариант ему предлагали? и т.п.

Способность к передаче имплицитного предела - признак того, что интересующие нас глаголы относятся к разряду предельных (поскольку, как уже говорилось выше, непредельные глаголы не могут участвовать в реализации значения имплицитного предела).

Наконец (последнее по счету, но не по важности), обратим внимание на то свойство глаголов типа видеть-увидеть, слышать-услышать, ощущать-ощутить, чувствовать-почувствовать, просить-попросить, требовать-потребовать, советовать-посоветовать, хвадить-похвалить, благодарить - поблагодарить, клясться - поклясться, лгать - солгать, грешить - согрешить, о котором писал (в статье 1948 г.) Ю.С. Маслов. Он определил подобные глаголы как глаголы "непосредственного, непрерывного эффекта". Они обозначают "такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективными", "безуспешными". И далее: "Все эти глаголы обозначают процессы, которые могут мыслиться и как сколь угодно длительные, и как очень кратковременные, практически мгновенные. Оба эти значения - длительности и мгновенности - и разграничиваются здесь противопоставлением несовершенной и совершенной формы" /12, с. 314/.

Значение "непрерывного эффекта" можно рассматривать как особую лексически обусловленную разновидность имплицитного предела. В сочетании со способностью передавать имплицитный предел в "обычном" смысле (в определенных функционально-грамматических позициях) это создает достаточную базу для вывода о том, что рассматриваемые глаголы предельны. Соотносительность с СВ подтверждает этот вывод.

Итак, указанные глаголы подпадают под общее определение предельности, предполагающее наличие предела (любого типа). В данном случае речь идет о реальном имплицитном пределе.

Определение предельности/непредельности как направленности/ненаправленности действия на предел имеет свои положительные стороны, поскольку оно рассчитано на языки разных типов, в том числе и не обладающие видом как грамматической категорией. Однако по отношению к фактам русского и других славянских языков данное определение требует ряда дополнительных разъяснений, в частности, по поводу того, что оно относится и к СВ (это всегда имеется в виду и прямо указывается, но все же непосредственно не согласуется с признаком, обозначенным как "направленность на предел"). Как уже говорилось выше, СВ вообще не может выражать направленности действия на предел: он выражает не потенциальный предел (предел в перспективе), а предел реальный. Далее, если и ввести разъяснение (или уточнение) относительно СВ (в том смысле, что под предельностью подразумевается не только направленность на предел, но и его реальное достижение /см. I6, с. 28; I7, с. II/, то все же многие глаголы СВ не подойдут под определение предельности, основанное на признаке достижения предела, соотносенном с направленностью действия на предел. Речь идет о всех глаголах СВ, не связанных с соотносительностью направленности на предел/его достижения. Так, не связаны с направленностью действия на предел несоотносительные начинательные глаголы СВ типа заблестеть, одноактные глаголы типа булькнуть, звякнуть, пискнуть, шелохнуться и т.п., глаголы финитивного способа действия отзвучать, отмучиться, отшуметь и т.п., глаголы интенсивного способа действия типа задробовать-ся, захлопотаться, набедствоваться, нагололаться и многие другие. Все подобные глаголы охватываются значением СВ (ограниченность действия пределом) и значением предельности, понимаемым как наличие предела, однако не поддаются объяснению на основе признака направленности действия на предел или связи с этим признаком. Считать подобные глаголы непредельными?

Но тогда пришлось бы пересмотреть положение о том, что не-предельные глаголы — это несоотносительные глаголы НСВ. На наш взгляд, для такого пересмотра нет оснований. Для того, чтобы признать подобные глаголы непредельными, пришлось бы говорить о том, что не всякий глагол СВ, обозначающий действие, ограниченное пределом, является предельным. Но вряд ли такое решение достаточно обосновано.

В силу обязательности категории вида в славянских языках и ее распространения на все глаголы значение СВ (ограниченность действия пределом и вместе с тем целостность действия) имеет значительно более широкую сферу распространения, чем область тех глаголов, у которых достижение предела могло бы быть соотносено с направленностью на предел. Многие глаголы СВ интерпретируют действие как ограниченное пределом вне соотношения "направленность на предел — его достижение" (см. 2-й из выделенных нами типов лимитативных отношений). Соответственно расширяется и сфера предельности. Она включает и такие "реальные пределы", которые не соотносятся с направленностью на предел (с потенциальным пределом).

Многое в направлении дальнейшего теоретического анализа зависит от того, в какой степени удастся согласовать анализ предельности/непредельности, направленный на универсальную сущность данного противопоставления, как понятийной категории, имеющей свое основание во внеязыковой действительности /см. I, с. I2-I7; см. также I7, с. 3-II/, с анализом его реализации в том или ином конкретном языке (см. о соотношении предельных/непредельных действий и предельных/непредельных глаголов 2, с. I64-I65). На наш взгляд, определение семантики предельности/непредельности на основе противопоставления "наличие/отсутствие предела" (как реального, так и потенциального) может быть приложено к языкам разных типов, однако конкретная применимость данного определения к фактам разных языков должна быть подвергнута специальной проверке.

ж

ж

ж

Итак, мы рассмотрели разные уровни лимитативных отношений в русском языке: 1) уровень категориально-грамматической лимитативности (противопоставление Огр./Неогр.); 2) уровень актуальной для выражаемого смысла спецификации указан-

ного противопоставления в видовых парах результативного типа (Направл. Проц./Результ.); 3) уровень лексически конкретной ориентации лимитативного отношения на отдельный глагол и на лексико-грамматические разряды глаголов (Предельн./Непредельн.).

Взаимодействие этих уровней создает поле лимитативности. В центре плана содержания данного функционально-семантического поля (ФСП) находится категориально-грамматическая лимитативность (включая указанную ее спецификацию), на периферии же — противопоставление семантики предельности/непредельности.

Если иметь в виду компоненты ФСП в единстве их содержания и выражения, то структура рассматриваемого ФСП в русском и других славянских языках может быть представлена следующим образом.

Поле лимитативности опирается на категорию вида как грамматическое ядро — центр данного поля (вместе с тем категория вида представляет собой грамматический центр всей группировки полей аспектуальности). Периферийными компонентами рассматриваемого ФСП являются лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов и связанные с ними способы действия, например, усилительный — развоеваться, разволноваться, делимитативный — полежать, помолчать и т.п.; к периферии лимитативности относятся также обстоятельственные средства, участвующие (во взаимодействии с видом) в выражении того или иного типа отношения действия к пределу: постепенно, не сразу, медленно, совсем, наконец, все (Он все смотрел... и т.п.), а также некоторые синтаксические средства, ср. конструкции типа "по мере того, как НСВ₁ — НСВ₂", "чем больше НСВ₁ — тем сильнее НСВ₂" и т.п.

Помимо поля лимитативности к данной группировке с семантикой "характер протекания и распределения действия во времени" относятся следующие ФСП: квантитативная детерминация действия (включая многоактность/одноактность, суммарность, различные виды кратности, рассматриваемые с количественной точки зрения, длительность и интенсивность), фазовость (фазы начала, продолжения и конца действия), перфектность, статальность, реляционность (выражение отношения). С группировкой полей аспектуальности пересекается временная локализованность, рассматриваемая нами как особое ФСП, а также таксис /см. 18, с. 70-98/.

Важно подчеркнуть, что среди указанных ФСП лимитативность занимает центральное положение. В семантике лимитативности находит наиболее полное и специфическое выражение семантика аспектуальности в целом.

Л и т е р а т у р а

- I. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
2. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллин, 1983.
3. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. — В кн.: Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
4. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
5. Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
6. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: Значение и употребление. М., 1971.
7. Шелякин М.А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
8. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
9. Барентсен А.А. К описанию семантики категорий "вид" и "время". На материале современного русского литературного языка. — *Tijdschrift voor slavische taal = en letterkunde*, 1973, N 2.
10. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
11. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
12. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1948, т. 7, № 4.
13. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М., 1972.
14. Thelin N.B. Aspekt und Aktionsart im Russischen. — *Die Welt der Slaven*. Jahrg. XXV, 1980, N 2.
15. Телин Нильс Б. К типологии глагольной префиксации и ее семантике в славянских языках. IX Международный съезд славистов в Киеве. 6-14 IX 1983 г. Упсала/Ольденбург, 1983.

16. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
17. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
18. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗНАЧЕНИЯ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ДЕЕПРИЧАСТИЯМИ)

Т.Г. Акимова, Н.А. Козинцева

Таксис как грамматическая категория был выделен Р.О. Якобсоном, который представил эту категорию как оппозицию граммем: зависимый/независимый таксис. Таксис "характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения" /1, с. 101/. Помимо названных хронологических отношений Р.О. Якобсон допускает отнесенность к таксису таких связей между действиями, как причинность, уступительность, цель и т.д.

Категория таксиса была также рассмотрена Ю.С. Масловым в плане ее связи с аспектуальностью и темпоральностью. По его мнению, не совпадая содержательно ни с одной из названных категорий, таксис располагается как бы "между" ними /2, с. 8/. Таксисные значения одновременности, предшествования или следования во времени являются результатом взаимодействия видовых форм, и в ряде языков, в частности в русском, они могут рассматриваться как дополнительные функции вида, неизбежно возникающие в высказываниях, содержащих несколько глагольных форм.

Дальнейшее развитие учение о таксисе получило в работах А.В. Бондарко, определяющего таксис как функционально-семантическое поле, формируемое различными средствами (морфологическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выражаемых в высказывании /3/. Таксис всегда включает аспектуальную характеристику соотносимых во времени действий и может взаимодействовать с причинно-следственными, уступительно-противительными, условными и некоторыми другими элементами. Выделяются две сферы в рамках таксиса: независимый таксис и зависимый. К средствам выражения независимого таксиса относятся сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, предложения с однородными сказуемыми. Действия, между которыми выяв-

ляются таксисные отношения, в перечисленных синтаксических конструкциях представляются как относительно равноправные. Зависимый таксис определяется как временное отношение между действиями, из которых одно является главным, а другое сопутствующим.

Из приведенных взглядов на таксис, относящихся в целом к одному направлению, следует, что, во-первых, данная категория реализуется в сложных синтаксических конструкциях, содержащих две и более глагольных форм (в сложных и осложненных предложениях) и, во-вторых, одним из необходимых условий для ее выявления является выражение, как минимум, двух действий в пределах одного высказывания. В связи с этим возникает вопрос о том, какие семантические связи между действиями обнаруживаются в предложениях, осложненных деепричастными оборотами, и в какой мере эти связи соответствуют приведенным выше определениям зависимого таксиса.

Задачи настоящей работы состоят в следующем: 1) последовательно рассмотреть предложения, осложненные деепричастными оборотами, в которых отношения между главной и второстепенной предикациями не сводятся к хронологическим или обстоятельственным; 2) выделить типы семантической связи между предикациями в указанном материале и указать на некоторые факторы, способствующие их реализации; 3) попытаться проинтерпретировать собранный здесь языковой материал в рамках категории таксиса.

Предварительно для более полного представления о функциях деепричастий мы кратко остановимся на "обычных случаях", когда действия, обозначаемые деепричастием и личной формой, соотносятся как главное и второстепенное и связаны только отношениями одновременности/неодновременности или же второстепенное действие, будучи одновременным или предшествующим по отношению к главному, соотносится с ним еще и как обстоятельство.

В тех случаях, когда первичная и вторичная предикация выражают действия, связанные хронологически, и не осложненные обстоятельственными отношениями причины, условия, уступки и др., предложение, содержащее деепричастие, может быть преобразовано в предложение с однородными сказуемыми, где обе предикации выступают как равноправные. Деепричастие несовершенного вида (НСВ), относящееся к сказуемому, выражающему единичное действие, выражает одновременный сопутствующий

ний процесс: Они шли по городу, разговаривая и заходя во все магазины — Они шли по городу, разговаривали и заходили во все магазины. Если деепричастие НСВ и личная форма в позиции сказуемого имеют значение неограниченно-краткого действия, как отмечает В.В. Виноградов, действие, обозначаемое деепричастием НСВ, может предшествовать основному: Вставая на рассвете, она спускалась на кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю (Горький); Раз в два года бывал в Москве и, возвращаясь оттуда, шумно рассказывал о том, как преуспевают столичные промышленники (Горький) /4, с. 385/. Дж. Форсайт, описывая употребление видов деепричастных форм, пишет, что в конструкциях, выражающих обычное следование одного повторяющегося действия за другим, употребляются деепричастия обоих видов. При этом деепричастия совершенного вида (СВ) он считает более точным средством выражения данных отношений, а деепричастие НСВ только в общем виде указывает на связь двух действий /8/. Принимая эту точку зрения, отметим, что деепричастие НСВ в контексте многократного действия может имплицитно предшествовать, как в приведенных выше примерах, но может и не выражать этого значения, ср. Они часто гуляют по улицам, останавливаясь перед всеми витринами.

Имплицитное значение предшествования выражается также в конструкциях, содержащих деепричастие НСВ с отрицанием, ср. примеры М.П. Одинцовой: Кирилл вызвался записаться первым, не обдумывая своего шага (Федин); Он /Облонский/ пожал руку мухику и присел на стул, не снимая пальто (Л. Толстой) /9/. Наличие отрицания при деепричастии НСВ, как отмечает М.П. Одинцова, не обуславливает реализации значения предшествования, ср. Она уходит, ни о чем не сожалев, где значение одновременности предикаций связано с неопределенностью лексического значения глагола в форме деепричастия.

Как видим, деепричастие НСВ в некоторых контекстуальных условиях — при обозначении неограниченно-краткого действия и при наличии отрицания — выступает с нейтральным значением, не маркирует одновременность. Это связано с более общим явлением нейтрализации видового противопоставления в указанных условиях /10, с. 72-75/.

Деепричастие СВ выражает действие, предшествующее основному, при этом оно выступает с конкретно-фактическим значением и располагается обычно в препозиции по отношению к сказуемому: Бросив небрежно письмо, Николай Аполлонович сел перед раскрытой книгой (А. Белый). Постпозитивное деепричастие

СВ не маркирует предшествования, обозначаемые им действия могут быть а) одновременны основному действию: — Впрочем нет, — прибавил он, внезапно встряхнув своей львиной гривой... (Тургенев), ср. прибавил он, встряхивая своей львиной гривой, где одновременность эксплицитно выражена; или б) следовать за ним: Он подвел меня к Дине, довольно своеобразно представив (пример из /II/); иногда последующее действие является результатом основного или его заключительной частью: У нее /часовни/ провалилась крыша, продавив потолок подземелья (Короленко), ср.: подвел и представил, крыша провалилась и продавила..., где последовательность действий выражена эксплицитно с помощью порядка слов. Как считает Дж. Форсайт, значение предшествования в этих случаях неактуализовано; употребление деепричастия СВ указывает на то, что выполнение одного действия тесно связано с выполнением другого /8/. Решающее значение для определения конкретного соотношения между главным и второстепенным действиями имеют семантика глагола и контекст.

Другой распространенный тип отношений между предикациями реализуется в предложениях с деепричастием, которые могут быть преобразованы в сложноподчиненное предложение. Вторичная предикация соотносится с первичной как обстоятельство времени, причины, условия, уступки и др. Указанные отношения так или иначе мотивируются хронологическими. При этом важна не только видовая форма деепричастия, но и взаимодействие лексической семантики деепричастия и личной формы, а также линейное расположение деепричастия по отношению к сказуемому¹. Необходимо учитывать также, что деепричастие выражает обстоятельственные отношения не всегда дифференцировано. Поэтому определение семантики обстоятельства, выражаемого деепричастным оборотом, оказывается не вполне однозначным /12/. Приведем в качестве иллюстрации лишь некоторые факты (деепричастие в роли обстоятельства времени и уступки), так как подробное рассмотрение соответствующего материала не входит в задачи настоящей работы.

Деепричастие — обстоятельство

¹ Последнее было хорошо показано И.М. Богуславским /7/, который сопоставляет два предложения: Волнуясь, он ходит по комнате (деепричастие — обстоятельство времени) и Он ходит по комнате, волнуясь (деепричастие указывает на сопутствующее состояние субъекта).

в р е м е н и. В этой функции деепричастие обычно препози-
тивно по отношению к основному сказуемому: ... и, вероятно,
теперь не одна старушка, проезжая мимо запустелых боярских
палат, вздохнет и вспомнит минувшие времена и минувшую мо-
лодость (Тургенев); Кириллов, уходя, снял шляпу и кивнул
Ивану Николаевичу головой (Достоевский). В этих предло-
жениях выражается зависимость времени основного действия от
наступления второстепенного без обязательной обусловленнос-
ти между ними.

В ряде случаев наблюдается внутренняя связь между пре-
дикациями одного высказывания. Действие, обозначаемое дее-
причастием, создает возможность для осуществления основного
действия: Выходя из парохода в Марсели, я встретил большую
процессию национальной гвардии (Герцен), либо может обозначать процесс, элементом которого является основное действие: Передо мной
предметы, привезенные мною с корабля, ... я не
упомянул о многих мелких вещах (Дефо). При выражении при-
чинно-временных отношений между действиями деепричастие мо-
жет располагаться после сказуемого: "Дон Кихот" - это длин-
ная дорога пожилого человека, он сам изменялся, познавая эту
дорогу (Икловский). Обычно в этом значении выступают деепри-
частия СВ от глаголов, обозначающих действия психической
сферы субъекта - идеальной деятельности: Убедившись, что во
Франции нечего делать, он вспоминает свою родину (Герцен);
чувственного восприятия: Услышав выстрел, Касьян быстро за-
крыл глаза (Тургенев).

Деепричастия НСВ от глаголов с этими же значениями вы-
ражают только причину: Смешнее всего показалось то, что Гав-
рила, видя, во что превратился экзамен, не выдержал, плюнул
и с укоризною произнес... (Достоевский); Чувствуя себя пред-
метом неразделенной любви, я, конечно, испытывал глупую гор-
дость... (Катаев).

Деепричастия СВ и НСВ от глаголов, обозначающих дости-
жение конечной точки движения (возвратиться, вернуться, вой-
ти и др.), обозначают пространственно-временную локализацию
основного действия: Возвратясь домой, Волынец был так уныл
и мрачен... (Тургенев); - А мы к вам все, все!... - щелба-
ла Анна Николаевна, входя в салон и жадно осматриваясь (Дос-
тоевский).

2. Деепричастия - о б с т о я т е л ь с т в о у с т у п к и. Это значение реализуется в том случае,
когда второстепенное действие является условием, вопреки ко-

тому осуществляется основное. Как правило, в роли обстоятельства с этим значением выступают деепричастия НСВ, образованные от глаголов эмоционального отношения: У нас правительство, презирая всякую грамотность, имеет большие притязания на литературу... (Герцен); знания: — Ключи я оставлю. Если что, запри и поднимайся к нам, — сказал он, зная, что Сима никогда этого не сделает (Глазов); идеальной деятельности: Допуская в теории негативные высказывания в духе общепросветительской критики дуэли, декабристы практически широко пользовались правом поединка (Лотман). Уступительно-противительные отношения могут реализоваться также на фоне пресуппозитивных знаний: так, в следующем случае условием обнаружения данных отношений служит наше практическое знание — жить рядом и каждый день встречаться — это обычно приводит к близости: Иногда, живя рядом и каждый день встречаясь, люди остаются чуждыми друг другу (Ореховская) (пример взят из книги А.А. Камыниной /13/).

В конструкциях этого типа деепричастный оборот выступает в роли второстепенного сказуемого с обстоятельством характеризующим значением, ср. /14, с. 645/.

Для интерпретации высказываний, условно охарактеризованных здесь как выражающих предикации, объединенные отношением к одному денотату, мы используем различие констатирующего и квалификативного планов семантики предложения. К констатирующему плану можно отнести ту часть значения предложения, которая соответствует положению дел в действительности и истинность которой не зависит от мнения или восприятия автора высказывания, а устанавливается в зависимости от соотношения с реальностью. К квалификативному плану относится часть значения предложения, отражающая мнение, восприятие, отношение говорящего, истинность которой непосредственно связана с субъектом оценки (т.е. говорящим).

В случаях, рассмотренных выше, обе предикации относились к одному и тому же плану — плану констатации. В материале, описываемом ниже, выделяются две группы случаев: а) предикации относятся к разным семантическим планам высказывания; одна из предикаций принадлежит к констатирующему плану, другая — к квалификативному; б) предикации относятся к одному и тому же семантическому плану — констатирующему. Рассмотрим каждую из групп в отдельности.

I. Предикации относятся к разным семантическим планам высказывания

Принадлежность предикации к квалификативному плану определяется в зависимости от 1) наличия оценочного значения в семантике предиката (быть правым/неправым, совершить ошибку, правильно/неправильно поступить, служить вызовом, принести жертву); 2) наличия слов, указывающих на включение восприятия говорящего в семантическую структуру высказывания, например, глаголов отношения, устанавливаемого говорящим, или сравнительных частиц словно, будто и т.п. Мы выделяем здесь три случая: 1) одна из предикаций выражает оценку другой: — Я был неправ, рассказав ей об этом; 2) одна из предикаций — устанавливаемое говорящим отношение другой предикации (относящейся к констатирующему плану) с явлениями действительности: Она постоянно ворчала и курила трубку, напоминая старого солдата; 3) вторичная предикация в составе сравнительного оборота выражает явление действительности, с которым сопоставляется первичная предикация: Он махнул рукой, будто что-то размешивая.

Перейдем к их анализу.

I. Конструкции с оценочными предикатами.

а) Оценочный предикат употребляется в личной форме; действие констатирующего плана выражено деепричастием. Предикации могут быть связаны в высказывании непосредственно; субъект оценки, говорящий, эксплицитно не выражен: И потому Марья Александровна превосходно поступила, сослав Афанасия Матвеича в подгородную деревню (Достоевский); — Вы правду сказали, дядюшка, ... предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться (Достоевский). Если повествование ведется от первого лица, субъект действия и субъект оценки (говорящий) совпадают: ... и мы часто себя обманываем, думая, что наша женщина любит за наши физические или нравственные достоинства (Лермонтов).

Предикаты могут быть соотнесены посредством пропозиционного глагола, который выражает модус эксплицитно. Субъект оценки в таких случаях всегда эксплицитован, он может совпадать с субъектом действия: Не оправдываю ничем своего поступка, но смело скажу, что выстояв эти полчаса на террасе и не потеряв терпения, я считаю, что совершил подвиг великоумчичества (Достоевский); но может и не совпадать с субъектом действия: — Знаешь ли Зиночка, что ведь я даже не

Понимал тогда, чем ты жертвуешь, выходя за меня! (Достоевский).

б) Оценочный предикат употребляется в форме деепричастия, действие, которое подвергается оценке, выражается в личной форме. Модус в таких случаях всегда имплицитно содержится в высказывании (он может быть выражен эксплицитно лишь в тех случаях, когда оценка передана личной формой — Я знаю, что ошибся...): предикаты соотнесены в высказывании непосредственно; субъект оценки — это говорящий, он не совпадает с субъектом действия: Кучка энергичных людей приплывает к несчастному неаполитанскому берегу, служа вызовом, живым свидетельством, что и еще не все умерло в народе (Герцен); Его мать так огорчилась тайным браком, что слегла в постель и умерла, принеся свою жизнь в жертву на алтарь этикета и приличий (Герцен).

Деепричастие, обозначающее оценку, в нашем материале всегда постпозитивно по отношению к главному сказуемому (ср. /9, 15/). При этом деепричастие НСВ выражает одновременность, а деепричастие СВ маркирует только наличие связи между предикациями, не дифференцируя хронологических отношений.

2. Конструкции с предикатами отношения, устанавливаемого говорящим

Один из предикатов в высказывании является предикатом отношения — казаться, напоминать, знаменовать. Интерпретирующим субъектом, субъектом восприятия, как и при выражении оценки, является автор, говорящий — он не совпадает с субъектом действия, которое интерпретируется. Предикат отношения употребляется в личной форме — действие в таких случаях выражено деепричастием НСВ: ... черневшие у основания гор пещерки, едва выделяясь над водой, чем-то напоминали ноздри громадин ... (Друцэ). Действие может быть выражено личной формой, его интерпретация, восприятие автором передается деепричастием НСВ: И течет, течет святая мистерия, Закрываются и открываются царские врата, знаменуя то наше отторжение от потерянного нами рая, то новое лицезрение его /Бунин/; Бесконечно несчастный, неумелый и невезучий, опротивевший сам себе, плетется господарь рядом со своей лошадкой, вместе составляя библейски печальное целое /Друцэ/; Николай Аполлонович Аблеухов стоял над лестничной балюстрадой в своем пестром халатике и раскидывал во все стороны переливчатый блеск, составляя полную противоположность колонне и столбику алебаstra (А. Белый); реже — дее-

причастием СВ: Выкормив, взбираясь на гору, стал браться за кремень...и вдруг, напомнив в этом карабканье ползущую саранчу, он...стал молниеносно красив в унизительности своих неестественных усилий (Пастернак).

В этом случае так же, как и в конструкциях с оценочными предикатами деепричастие обычно следует за личной формой, обозначающей действие констатирующего плана. Форма вида деепричастия (СВ или НСВ) повторяет форму вида основного сказуемого. При этом также хронологическое соотношение между предикациями либо неэксплицировано (две формы СВ), либо может трактоваться как одновременность (две формы НСВ).

3. Конструкции с деепричастиями в составе сравнительного оборота

Предикация, обозначаемая деепричастием в составе сравнительного оборота с частицами будто, как бы, точно, словно выражают действие, в соответствии которого действительности говорящий не убежден. Тем самым подчиненная предикация относится к квалифкативно-модальному плану, в то время как главная предикация выражает действие констатирующего плана.

В составе сравнительного оборота обычно употребляются деепричастия НСВ, образованные от глаголов со значением намерения, психического состояния, идеальной деятельности: Они стали укладываться перед огнем, как бы собираясь спать (Тургенев); Он поднял кулак, восторженно и грозно махал им над головой, и вдруг яростно опустил его вниз, как бы разбивая противника в прах (Достоевский).

В конструкции со сказуемым-глаголом речи деепричастие в составе сравнительного оборота характеризует цель высказывания. Деепричастия от глаголов извиняться, соглашаться, оправдываться, просить прощения, продолжать разговор, возобновлять разговор и др. выражают предполагаемое говорящим намерение субъекта речи: ...но вдруг Федя обратился к Илюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его... (Тургенев); - Я им давно хотел подарить, - прибавил он, как бы извиняясь (Достоевский); - Я не устала, - как бы соглашаясь, ответила Сима (Глазов); - Да чем же, Анна Нилорна, я-то виноват? Побойтесь бога! - проговорил дядя умоляющим голосом, как будто напрашиваясь на объяснение (Достоевский).

Деепричастия от глаголов эмоционального и интеллектуального состояния выражают предполагаемое автором (говорящим)

скрытое в словах персонажей отношение к тем или иным персонажам или событиям: — Гм! — промывчал Обноскин, как будто желая подразнить еще более слабо (Достоевский); И словно сочувствуя, за что-то оправдывая Лаевскую, она говорила... (Давидов).

Реже в составе сравнительного оборота встречаются деепричастия СВ, выражающие состояние субъекта во время основного действия: В течение обеда Ложнев и Рудин, как бы сговорившись, все толковали о студенческом своем времени (Тургенев); — Ничего особенно красивого не замечая, — тотчас же отозвался Вольдемар, как бы почувствовав во мне соперника (Кабаев).

II. Первичная и вторичная предикации относятся к одному и тому же семантическому плану высказывания

В зависимости от характера семантической связи между главным и второстепенными предикатами выделяются следующие случаи:

- 1) вторичная предикация замещает семантическую валентность основного предиката (Он провел три дня, работая над статьей);
- 2) вторичная предикация выступает в качестве обстоятельства образа действия по отношению к основному предикату (Он пол фальшивя);
- 3) вторичная предикация конкретизирует основную (Он ей писал, сообщая о своем приезде).

I. Вторичная предикация замещает семантическую валентность основного предиката

Как правило, деепричастие является факультативным членом предложения и может быть опущено без ущерба для синтаксической и смысловой завершенности предложения. При некоторых предикатах в позиции сказуемого деепричастный оборот обязателен; он необходим как рема для коммуникативной завершенности высказывания. Специфика такого восполнения предиката состоит в том, что деепричастие не является обязательной формой; вместо него может быть употреблен обстоятельственный член предложения, выраженный иначе: Он провел три дня в Москве; Он хорошо провел три дня; Он провел три дня с другой; Он провел три дня, работая над статьей. Р. Ружичка пи-

шет в аналогичных случаях о коммуникативно-прагматической валентности главного предиката /II/.

В нашем материале случаи этого типа представлены в предложениях со сказуемыми, выраженными глаголами, обозначающими:

а) начало, продолжение, конец процесса, связанного с передачей информации: заключатъ (письмо), начинатъ (сообщение), продолжатъ (лекцию) и др.; деепричастие передает содержание информации: Впрочем о приданом он говорил как-то таинственно, боязливо и заключал письмо, умоляя меня сохранить все это в величайшей тайне (Достоевский); высказывание он заключал письмо семантически незавершенно, вместо деепричастия может быть употреблена форма словами и дальнейшая прямая или косвенная речь;

б) воздействие на объект, предполагающее средство: ... один шутник-помещик вразумил своего лесника, выдрав у него около половины бороды (Тургенев); Тем, кто хотел обессмертить свое имя, связывая его со славным завтра, он предлагал подписаться... (Герцен). Среди глаголов этой группы особо выделяются глаголы каузации эмоционального состояния субъекта; предикативный актант, обозначающий средство каузации, при них обязателен, но может быть выражен не только деепричастием: Они-то тебя больше всего и раздражают, мешая благодетельствовать (Глазов); ... я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания - и никогда не мог насытиться (Лермонтов); Названия, которое им требовалось, у книгопродавца не оказалось, но он успокоил их, заверив, что Тургенев обещан ему, выслан из Москвы (Пастернак).

в) существование, времяпрепровождение: Жили Артамоновы, ни с кем не знакомясь (Горький); Ночи три я провозился, играя с первой картиной, и к концу третьей ночи я понял, что сочиняю пьесу (Булгаков).

Видовая форма деепричастия, как правило, совпадает с формой вида сказуемого кроме тех случаев, когда деепричастие НСВ относится к сказуемому СВ, обозначающему ограниченно-длительный процесс /провел работая, провозился играя и др./.

К данной группе случаев примыкает употребление деепричастий обращаясь, обратясь/ обратившись, которые позволяют ввести в семантическую структуру главного предиката указание на адресата речи. Введение такого деепричастного оборота позволяет назвать адресата речи, если даже глагол-сказуемое при прямой речи не сочетается со словами с данным значением: -

Племянник мой, Сергей Александрович, — добавил он, обращаясь ко всем вообще (Достоевский). Преобразование предложения с заменой деепричастия личным однородным сказуемым здесь невозможно: *добавил он и обращался ко всем вообще.

Наиболее употребительной и стилистически нейтральной является форма обращаясь. Она употребляется как при сказуемом СВ: — Барашек, а барашек! — воскликнул вдруг мужичок, обращаясь к прохожему в бурой свитке (Тургенев), так и при сказуемом НСВ: — А вы, батюшка, продолжал он, обращаясь ко мне, — охотиться изволите? (Тургенев). Деепричастие обращаясь может выражать как единичное действие (примеры см. выше), так и многократное, если сказуемое в личной форме передает многократность: Похоже он давно заготовил эту исповедь, проговаривал ее про себя, может, обращаясь к ней, но какое отношение имели эти старые обиды к чуду их встречи? (Нагибин). Деепричастный оборот обычно не содержит каких-либо иных зависимых от деепричастия слов помимо адресата речи. Иногда деепричастие имеет при себе обстоятельство образа действия, характеризующее семантически основное действие, т.е. речь: — Вы слышали? — продолжал Фома, с торжеством обращаясь к Обноскину (Достоевский).

Употребление деепричастия обратившись представлено в нашем материале редкими примерами; оно обычно встречается в конструкции с глаголом-сказуемым СВ, может сопровождаться словами, указывающими на внезапность и повторность действия: — Да вот так-то он всегда себя аттестует, мерзавец, — прибавил он, совершенно неожиданно обратившись ко мне (Достоевский); Так сказал отец и, снова обратившись к матери, повторил: — Надо решать (Пастернак).

Форма обратясь более употребительна в произведениях авторов XIX века, встречается в конструкциях со сказуемым СВ: ... и с болезненным выражением на лице, обратясь к Наталье, проговорил... (Тургенев) и со сказуемым НСВ: — Так как же, Африкан Семенович? — продолжала Дарья Михайловна, обратясь к Цигасову (Тургенев). В тех случаях, когда деепричастие обратясь имеет при себе наречие степени слегка глагол обратиться выступает в значении повернуться, оборотиться: — Что ты? — спросила Дарья Михайловна и, слегка обратясь к Рудину, прибавила вполголоса... (Тургенев). В этом случае речь идет о двух последовательных автономных действиях: Д.М. слегка оборотилась (повернулась) к Р. и прибавила вполголоса...

Форма вида деепричастия при обозначении единичного кон-

кретного действия оказывается нерелевантной. При отнесенности деепричастия к сказуемому с многократным значением употребляется форма НСВ: Он обычно входит в комнату и здоровается, обращаясь к каждому по-отдельности.

2. Вторичная предикация выступает в качестве обстоятельства образа действия по отношению к основному предикату

Деепричастия в рассматриваемых ниже случаях передают: а) состояние субъекта во время основного действия; б) характеристику протекания основного действия. При этом деепричастия в отличие от случаев, рассмотренных выше, являются факультативным элементом структуры предложения.

В случаях группы "а" основным средством выражения состояния субъекта выступают деепричастия СВ с перфектным значением: сказал нагнувшись; воспламенившись своим рассказом, он продолжал; засмеялся, прищурясь; сел, подобрав колени к подбородку; Больной, широко открыв глаза, смотрел в огонь, непрерывно кашлял... (Горький). Достаточно подробный анализ материала, касающийся приведенных употреблений, содержится в /4/ и /16/.

Здесь будут рассмотрены случаи группы "б", освещенные в литературе недостаточно. Деепричастия, относимые нами к группе "б", выступают в качестве обстоятельства образа действия, уточняя именно протекание действия, способ его осуществления: ходил прихрамывая; пел фальшивя; говорил заикаясь; сказал понизив голос и т.д. Семантическая связь между предикациями проявляется в рассматриваемых здесь случаях в том, что деепричастие имплицитно отнесенность лексемы сказуемого к определенному семантическому классу — прихрамывать можно только при ходьбе, фальшивить — при исполнении музыкального произведения, заикаться — при речи. В роли обстоятельства образа действия выступают в основном деепричастия НСВ; эта функция мотивирована передаваемым этими деепричастиями категориальным значением одновременности: характеристика действия, выражаемая указанной формой, хронологически неотделима от этого действия.

Перечислим некоторые разновидности характеристики действия, выражаемые деепричастием:

а) аспектуальная детерминация действия как прерывистого или непрерывного (останавливаясь, перебивая, прерываясь, пре-

рывая, не уставая, не отрываясь, не умолкая и т.д.): Ругает он всех не уставая (Горький); На Ставрогина смотрел не отрываясь (Достоевский); Потом стал ходить не останавливаясь (Пряхин);

б) темп действия (торопясь, не торопясь, слепа, не слепа): Она снова, торопясь и бессвязано, продолжала рассказывать о каком-то веселом товарище (Горький);

в) манера передвижения: шел, подпираясь палкой, с трудом переставляя ноги; легко перешагивая через две ступеньки, забегал по лестнице; медленно передвигая ноги, поднимался вдоль оврага; иногда манера похода характеризуется деепричастиями СВ с перфектным значением, обозначающими положение части тела субъекта: Анна шла, опустив голову... (Л. Толстой);

г) манера речи, способ артикуляции: ... говорил он, кокетничая и шегольски растягивая слова (Достоевский); - Да-с, прислала-с, - отвечал он, выговаривая букву с как английское (Тургенев); манера речи может быть также охарактеризована через содержание высказывания: ... она говорила, не навязывая, не убеждая, а как бы разбираясь в том, что знала (Горький);

д) громкость звучания: - Свой же снаряд, - говорит он понижая голос (Катаев).

Личный глагол в конструкциях с деепричастием, выражающим образ действия, выступает чаще всего в форме НСВ, обозначающей процессность (ср. также /4/). Из глаголов СВ в этой конструкции употребляются глаголы, обозначающие: 1) начало процесса и его последующую длительность: Долгин добрел к самолету, неловко ступая по кочковатому полю (Глазов); 2) завершение длительного процесса: Народ прошел через вокзал не задерживаясь; Столоначальник принялся за перо и не останавливаясь бойко настроил две бумаги (Герцен).

Как было показано, деепричастия, в функции образа действия, встречаются в предложениях со сказуемым, обозначающим ограниченный круг действий: конкретное физическое действие, движение, речь, положение в пространстве и нек. др. Преобразование осложненного предложения в предложение с однородными сказуемыми невозможно без введения слов "при этом".

- Если за время моей болезни, - сказал Цотемкин, чеканя каждое слово... (Друцэ) - ... сказал П. и при этом чеканил каждое слово.

3. Вторичная предикация поясняет, конкретизирует основную

В конструкциях, относимых к данной подгруппе, глагольная лексема в позиции личного сказуемого передает общее название события или процесса, деепричастие его конкретизирует, раскрывает его реальное содержание. Глаголы одного предложения в некоторых случаях повторяют друг друга или тесно связаны по смыслу: ... деревня жила, ... провожая годы (Распутин); ... над нами подшучивают, приводя шутку о ... (Шефнер); ... о философии отзывался дурно, называя ее... (Герцен).

Здесь выделяются два разных случая в зависимости от отношения вторичного предиката к главному: 1) деепричастие называет частное проявление, конкретное воплощение процесса, обозначаемого личной формой; 2) деепричастие передает внутренний смысл основного действия.

В первом случае деепричастие поясняет личное сказуемое, располагаясь по отношению к нему обычно в постпозиции: И почти десять лет околачивался он в Воронеже возле ссыпки хлеба, маклерствуя и пописывая в газетах статейки по хлебному делу... (Бунин); ... крошечный язычок света свечи плавил воск, слизывая его по краям и тут же роняя горячие капли... (Друцэ); Тогда она опять принялась за задачу... Она продолжала деление, выписывая период за периодом (Пастернак). Возможен также противоположный случай — общее название действия дается деепричастием, а личная форма конкретизирует его, при этом деепричастие оказывается в препозиции: Обдумывая свою жизнь, он казнил себя и оправдывал; Приступая теперь к подробному описанию полного безмолвия печальнейшей жизни, какая когда-либо выпадала в удел смертному, я начну с самого начала и буду рассказывать все по порядку (Дефо).

Во втором случае деепричастие может быть как препозитивным, так и постпозитивным, оно всегда выступает в форме НСВ, так как выражает направленность на достижение цели, а не реализованное и достигшее предела действие; Белые все время прижимались к железнодорожной линии, ища уюта в вагонах и станционных зданиях (Платонов); ... я простонал, оглянувшись тревожно, ища помощи и защиты от смерти (Булгаков); ... Наташа несколько раз присела, разминаясь (Глазов). В конструкциях с глаголами речи и передачи информации деепри-

частье раскрывает намерение говорящего: Прошел месяц, я написал письмо к Кавеньяку, спрашивая его, отчего полиция не возвращает моих бумаг (Герцен); Косвенно предупреждая обвинение в социализме, Гейнцен говорил, что... (Герцен);... только в последнее время, уведомляя о близком своем приезде, прислал два письма (Достоевский).

Нами были рассмотрены различные типы реализации основной синтаксической функции деепричастия — выражения вторичной предикации. Были выделены три типа отношений между первичной и вторичной предикациями, выражаемыми в осложненном предложении, содержащем деепричастный оборот. Относительно этих типов следует подчеркнуть, что границы между ними нечетки: они могут быть выстроены в ряд по степени уменьшения семантического равноправия действий, выражаемых личной формой и деепричастием.²

На степень взаимосвязанности предикаций влияют также условия, способствующие адвербиализации деепричастий, ср. /4, 17, 18/ и из них в особенности, отсутствие зависимых от деепричастия слов. Последнее сказывается на возможности преобразования деепричастного оборота в семантически близкие конструкции с личной формой и тем самым определяет семантическую спаянность предикаций.

Анализ отношений между предикациями, выражаемыми в осложненных предложениях, проводился здесь с целью выявления многообразия отношений, относительно которых не вполне ясно, относятся ли они к семантической зоне категории таксиса. Для того, чтобы решить вопрос о включении описанного материала в сферу категории таксиса, необходимо было рассмотреть значение видовых форм деепричастий в высказываниях, включающих сопряженные предикации. Как было показано, видовые формы деепричастий в конструкциях этого типа либо не маркируют предшествования (при употреблении постпозитивного деепричастия СВ), либо выражают одновременность (при употреблении деепричастия НСВ). Тем самым функционирование видовых форм деепри-

² Вопрос о градации типов связанности действий рассматривался М.В. Яковлевой /19/. Автор использует трансформационные операции 1) замены конструкции с деепричастием сочинительным или подчинительным оборотом и 2) элиминации деепричастного оборота. В работе содержится вывод о возможности построения шкалы, отражающей постепенное нарастание семантической связанности действий, переходящей в семантическую взаимообусловленность.

частий в рассматриваемых высказываниях, принципиально не отличается от употребления этих форм в других случаях.

Отсутствие четких границ (при наличии известных "крайних точек" — деепричастие выражает автономное сопутствующее действие и деепричастие передает действие, сопряженное с основным) не позволяет вывести отношения, реализуемые в высказываниях с сопряженными предикациями за пределы таксисных. К тем случаям, когда деепричастие не выражает таксисных значений, относятся лишь те, в которых деепричастие полностью теряет глагольность и должно считаться наречием.

Учет сопряженных предикаций рассмотренных типов при описании категории таксиса требует некоторого дополнения к определению общего значения категории зависимого таксиса в том виде, как оно было дано Р. Якобсоном. Зависимый таксис может выражать не только сообщаемый факт, соотнесенный с другим сообщаемым фактом, но и какую-то сторону, грань или оценку сообщаемого факта по отношению к самому этому факту.

Л и т е р а т у р а

1. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол /пер. с английского/ — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95—113.
2. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии. — В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 4—44.
3. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М.—Л., 1947.
5. Валимова Г.В. Деепричастные конструкции в современном русском языке. — Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та. Вып. 2, 1940.
6. Савина В.М. О соотношении во времени деепричастия и глагольного сказуемого в одном типе осложненных предложений. — Вестник Ереванского университета. Обществ. науки, 1976, № 2.
7. Богуславский И.М. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? — Известия АН СССР. Серия лит. и яз., т. 36, № 3, 1977, с. 270—281.

8. Forsyth J. A Grammar of Aspekt: Usage and Meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
9. Одинцова М.П. О временных значениях деепричастия. - В кн.: Вопросы лексики и грамматики русского языка. Вып. 2. Кемерово, 1974, с. 42-55.
10. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
11. Roušićka R. Studien zum Verhältnis von Syntax und Semantik im modernen Russischen. Berlin, 1980, 280 S.
12. Полковникова С.А. О некоторых частных значениях пост-позитивных деепричастий совершенного вида. - В кн.: Проблемы общего и русского языкознания. М., 1978, с. 50-61.
13. Камынина А.А. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1983.-102 с.
14. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
15. Ружицка Р. Семантические и синтаксические свойства видового противопоставления деепричастных форм. - В кн.: Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. /Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков МКС. Москва, 9-11 декабря 1981 г./ М., 1983, с. 80-84.
16. Васева-Кадынкова И. Деепричастия совершенного вида с перфектным значением. - Русский язык в школе, 1961, № 6, с. 20-24.
17. Дмитриева Л.К. Деепричастие и обособление обстоятельств. - В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980, с. 118-137.
18. Дерibas Л.А. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства. - Русский язык в школе, 1953, № 4, с. 41-48.
19. Яковлева М.В. Синтаксические функции деепричастий современного русского языка. - В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 115-123.

ПАРАДИГМА РУССКОГО ИМПЕРАТИВА

А.П. Володин, В.С. Храковский

0.1. Факт наличия парадигмы императивных форм глагола в русском языке никем из специалистов не ставится под сомнение, однако современная русистика до сих пор не выработала единой точки зрения относительно состава и строения императивной парадигмы. Впрочем, подобная ситуация характерна не только для русистики. Так, в тюркологии состав императивной парадигмы колеблется от четырех (иногда трех) до шести (иногда семи) личных форм; особенно показательна в этом смысле история описания якутского императива (1). В различных работах по грузинскому языку императивная парадигма включает две, четыре и пять личных форм (2). Число подобных примеров может быть без труда увеличено. Суть проблемы императивной парадигмы "заключается в том, что лингвисты и педагоги расходятся во мнениях относительно того, какие из глагольных форм и конструкций данного языка, способных выражать побуждение, должны рассматриваться как формы повелительного наклонения, а какие нужно считать лишь синонимами или заместителями императива?" (3 : 85)

0.2. Проблема состава и строения парадигмы является дискуссионной не только для императива, но и для других категориальных форм как глагола, так и имени: ср., например, дискуссию о парадигме русских залогов (4, 5, 6) или падежей (7). Вместе с тем известны и такие парадигмы, состав которых стабилен и, насколько нам известно, никогда не подвергался пересмотру. Такова, например, парадигма глагольных форм настоящего времени, в которую входит шесть форм, противопоставленных по лицу-числу: 1 л. ед. ч. смотру=ю, пишу=у; 2 л. ед. ч. смотри=шь, пиши=ешь; 3 л. ед. ч. смотри=ит, пиши=ет; 1 л. мн. ч. смотрим=им, пишем=ем; 2 л. мн. ч. смотрите=ите, пишите=ете; 3 л. мн. ч. смотрят=ят, пишут=ут. Эта парадигма характеризуется семантической однородностью — каждая из ее форм выражает настоящее время — и формальной однородностью строения словоформ, входящих в ее состав: (а) общая основа, (б) специфические флексии, выражающие грамматические значения каждой словоформы. Важно подчеркнуть, что, в соответствии с существующими представлениями, эти фор-

мы, хотя они и могут в определенных контекстах иметь другие значения (при переносном употреблении) – не имеют омонимичных форм в других частных парадигмах глагольных лексем (ср. /2/). Поэтому правомерно говорить о формальной выделенности (=маркированности) парадигмы настоящего времени.

1.0. Дискуссия о составе императивной парадигмы определяется тем, что разные авторы, во-первых, не одинаково определяют значение императива, и во-вторых, предъявляют неодинаковые требования к формам, которые должны включаться в императивную парадигму. Итогом этих разногласий является то, что для русского императива выделяется четыре основные разновидности парадигм:

1) "узкая" императивная парадигма, включающая только формы 2 л. ед. и мн.ч. (Н.П. Некрасов /8/, К.С. Аксаков /9/, М.П. Муравицкая /10/, И.П. Мучник /11/; отчасти А.В. Исаченко /12/, А.В. Бондарко /13/);

2) парадигма, включающая формы 2 л. и формы "совместного действия" (=формы 1 л.мн.ч.) (И.И. Давыдов /14/, А.М. Пешковский /15/, В.В. Виноградов /16/, РГ-80 /17/, отчасти А.В. Исаченко /12/);

3) парадигма, включающая формы 2 л., формы "совместного действия" и формы 3 л. (А.А. Шахматов /18/, А.В. Немешайлова /19/, Е.И. Зарецкая /20/, АГ-70 /21/);

4) парадигма, включающая формы 2 л., формы "совместного действия", формы 3 л. и формы 1 л.ед.ч. (А.Х. Востоков /22/, Ф.И. Буслаев /23/, Н.С. Трубецкой /24/).

1.1. Легко заметить, что каждая последующая из перечисленных парадигм включает в себя все предыдущие. Иными словами, в русистике не выделяются такие парадигмы, которые различались бы не количеством форм. Это подтверждает предположение, что основным моментом, влияющим на выбор концепции и построение императивной парадигмы, является более узкое или более широкое понимание императивного значения и/или императивной формы. Существенно подчеркнуть при этом, что, в соответствии с широко распространенным мнением, содержательно "самыми императивными" являются формы, обозначающие, что слушающий является одновременно исполнителем действия, относительно которого выражает свое волеизъявление говорящий (формы 2 л.); несколько "менее императивными" являются формы, обозначающие, что исполнителем является не только слушающий (слушающие), но и говорящий (формы "совместного действия"); "еще менее императивными" являются формы, обозначающие, что гово-

рящий, слушающий и исполнитель – разные лица (формы 3 л.); наконец, "наименее императивными" являются формы, обозначающие, что исполнителем является сам говорящий (формы I л. ед. ч.).

Небезынтересно отметить, что "ослабление" или "затухание" содержательной императивности сопровождается заменой синтетических форм аналитическими, хотя прямой корреляции между этими двумя явлениями нет.

Остановимся немного подробнее на взглядах разных авторов относительно состава императивной парадигмы.

I.2. О формах 2 л. (типа пой/пойте, спой/спойте) говорить, по-видимому, излишне: эти формы всеми безоговорочно включаются в императивную парадигму, если даже исключены все остальные (парадигма типа /I/). Формы 2 л. являются для императивной парадигмы центральными или парадигмообразующими, и с этим, видимо, никто не станет спорить. Колебания и разногласия касаются остальных форм, которые по отношению к формам 2 л. являются периферийными.

I.3. Формы "совместного действия" (типа споем/споемте, будем петь/будемте петь, давай(те) петь, давай(те) споем) характеризуются следующими особенностями. Во-первых, форма типа споемте не имеет омонимов в других частных парадигмах глагольных лексем, а форма споем омонимична форме простого будущего времени. Во-вторых, среди форм "совместного действия" есть аналитические, как омонимичные формам будущего времени (тип будем(те) петь), так и не омонимичные им (тип давай(те) будем петь, давай(те) споем). Думается, что именно эти формальные особенности заставляют разных авторов относить формы "совместного действия" к императивной парадигме с разными оговорками, напр.: "Излишне доказывать, что это особая категория в нашем языке, составляющая разновидность категории повелительного наклонения (собственно даже I-ое лицо множ. числа повелит. наклонения, но с теми именно особенностями значения, которые обуславливаются значением I-ого лица множественного числа)" (I5 : I89 – подчеркнуто нами, А.В., В.Х.). Ср. концепцию ак. В.В. Виноградова, который синтетические формы "совместного действия" включает в императивную парадигму, а аналитические не включает, ибо считает, что модально-императивная частица давай транспонирует значение формы I л. мн. ч. буд. времени сов. вида изъяв. наклонения в сферу значений повелительного наклонения (I6). Тем самым формы "совместного действия" со-

держательно включаются в парадигму императива, а формально включаются лишь частично. К этому близка концепция А.В. Бондарко, считающего формы "совместного действия" по значению собственно императивными, но формально не равноправными "формам императива, поскольку они характеризуются неполной парадигматичностью" (I3: 128, ср. 25: 218). А.В. Исаченко, включая эти формы в парадигму, подчеркивает, что здесь речь идет об императиве "в широком смысле", поскольку данные формы обозначают действие, "в котором будет участвовать и сам говорящий" (26: 487).

I.4. Относительно форм 3 л. (типа пусть (он) поет/сплет, пусть (они) поют/сплет), по-видимому, нет сомнений в том, что эти формы не имеют омонимов в других парадигмах глагольных лексем (если, конечно, считать их формами). Все авторы, которые включают формы 3 л. в императивную парадигму (I8, I9, 20), специально подчеркивают, что данные формы являются аналитическими; то же отмечается и в АГ-70 (21: 416). Что же касается интерпретации их содержания, то здесь наблюдаются существенные расхождения. Ак. В.В. Виноградов считает эти формы императивными только содержательно, но в императивную парадигму их не включает. По его словам, "частицы модально-императивного типа транспонируют изъявительное наклонение в сферу значений повелительного наклонения (I6: 458). К этой концепции примыкает точка зрения авторов РГ-80: речь идет скорее о регулярно образующихся сочетаниях слов (а не об аналитических словоформах), которые являются императивными только содержательно, а не формально, и поэтому не входят в парадигму императива. В обоснование этого приводятся следующие доводы: "во-первых, частицы пусть, да соединяются и с формами I и 2 л. (Пусть я расскажу. Гоголь; Да правлю я во славе мой народ. Пушкин.; Пусть мы будем первыми; Пусть вы пойдете); во-вторых, эти частицы во многих случаях распространяют свое значение на предложение в целом: Пусть стол стоит у окна!)" (I7: 622-623). Отказывая формам 3 л. в формальном статусе императивных, некоторые авторы и с содержательной стороны трактуют их как побудительные, но не собственно императивные (I2, I3, 25). Отдельно следовало бы упомянуть концепцию Р.В. Пазухина, для которого формы 3 л. и с содержательной стороны не являются императивными: "Выражения типа рус. пусть он придет недостаточно специализированы для включения их в парадигму императива. Они содержат неимперативные глагольные формы, сохраняющие функции и значения соответствующих неимперативных категорий" (3: 91).

1.5. Формы I л.ед.ч. (типа спою, спою-ка, буду петь, буду-ка петь, дай(те)/давай(те) буду петь, дай(те)/давай(те) спою) либо молчаливо оставляются за пределами описания (10, 13, 17, 20, 25), либо подчеркивается, что императив в принципе не имеет форм I л. (19); ср. АГ-70, где ясно сказано, что "по характеру своего значения повелительное наклонение не имеет форм I-го л." (21: 414).

Но эта точка зрения не является единственной. Ак. В.В. Виноградов в соответствии со своей концепцией считал и синтетические (типа спою-ка) и аналитические (типа дай спю) формы I л. императивными, но не формально, а содержательно. С его точки зрения, и постпозитивная частица =ка и препозитивная частица дай(те) транспонируют формы изъявительного наклонения в сферу повелительного наклонения. Рассматривая формы I л. в целом, т.е. формы как ед., так и мн. числа, В.В. Виноградов отмечает, что они "выражают побуждение, приглашение, совет сделать что-нибудь, например, давай поможем, дай посмотрю, давай-те сходим, дайте устрою" (16: 488).

1.5.1. Формы типа спою-ка, согласно концепции Р.О. Якобсона, относятся не к повелительному, а к побудительному наклонению. Если повелительное наклонение выражает требование совершить действие, то побудительное "добавляет к этому требованию известный элемент увещевания" (27: 106). Глагол в побудительном наклонении имеет следующую парадигму:

для отправителя: напишу-ка, буду-ка писать;

для адресата: напиши-ка, пиши-ка;

для адресатов: напишите-ка, пишите-ка;

для отправителя и адресата: напишем-ка, будем-ка писать (или более мягкое давай-ка писать);

для отправителя и адресатов: напишемте-ка, будемте-ка писать (или более мягкая форма давайте-ка писать).

Глагол в повелительном наклонении имеет ту же парадигму, но без частицы =ка и без формы для отправителя. Следовательно, по Р.О. Якобсону, императив не имеет формы I л.ед.ч., а формы типа напишу-ка, буду-ка писать являются формами особого побудительного наклонения.

1.5.2. По мнению А.В. Исаченко, все императивные формы с частицей =ка, кроме формы I л.ед.ч. презенса СВ, "являются не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей" (26: 491), поэтому нет оснований выделять побудительное наклонение. Более правильно говорить о специализированной побудительной форме I л.ед.ч. типа посмотрю-ка. При этом

А.В. Исаченко добавил, что данное значение может быть выражено и аналитическими средствами: дай зайду, дай-ка зайду. Сочетание такого типа "по форме и по значению приближается к собственному императиву, т.к. форма дай выражает здесь обращение, столь характерное для "императивной ситуации". В данном случае говорящий является одновременно и автором призыва (А) и адресатом этого призыва (В)" (26: 491). Исключая формы I л.ед.ч. из императивной парадигмы, А.В. Исаченко подчеркивает, что "с точки зрения общего значения очень трудно отграничить собственный императив от "побудительной формы", поскольку императив способен выражать целую гамму самых разнообразных оттенков побуждения" (12: 10).

1.5.3. Во всех вышеприведенных случаях речь шла, так сказать, о полупризнании императивного статуса форм I л.: трактуя их как содержательно императивные, побудительные и т.п., никто из цитированных авторов не признавал их императивными формально. Тем не менее уже в XIX в. Ф.И. Буслаев включая их в императивную парадигму. Вот что, в частности, писал Ф.И. Буслаев о русском императиве:

"Сверх собственного окончания, повелительное наклонение обозначается следующими формами:

1) союзами: да, пусть, пускай.

2) повелительным наклонением глагола дать: дай, дайте, давай, давайте, сочиняемым или с неопределенным наклонением, напр. дай взглянуть, давайте плакать, или с изъявительным, и именно с будущим временем, напр. дай трону, дай взгляну." (23: 157).

В XX в. этой же точки зрения придерживался Н.С. Трубецкой, и он же, по-видимому, единственный, кто относил к числу императивных форм I л.ед.ч. и синтетическую форму типа спой. Анализируя систематику форм русского глагола, предложенную Р.О. Якобсоном, Н.С. Трубецкой, в одном из писем к Р.О. Якобсону подчеркивает: "... существует ведь и настоящая форма повел. накл. I л.ед.ч. Вы неправы, утверждая, что такие формы существуют только в сочетании с =ка; не говоря уже об оборотах с "давай" (давай пойду!), укажу на такие фразы, как "ну что ж, выпью!" или "мне здесь делать нечего, пойду домой!"; попробуйте перевести эти фразы на второе лицо, и Вы получите "ну что ж, выпей!" и "тебе здесь делать нечего, пойдешь домой!", — явно свидетельствующие о том, что "выпью" и "пойду" в данном случае — повелительное наклонение" (24: 223).

1.6. Прежде чем переходить к изложению нашей концепции

русского императива, нам хотелось бы высказать два соображения методологического характера, которые мы стремились учитывать при анализе эмпирического материала: 1) если у определенных эмпирических явлений интуитивно усматривается семантическая общность, то более удовлетворительным следует считать такой подход, в рамках которого данные эмпирические явления получают единое объяснение; 2) если единое объяснение получает только часть из таких эмпирических явлений, то те факты, которые не объясняются, нужно не просто отбросить, но обязательно указать, какое место в языковой системе они занимают и как должны истолковываться.

2.0. Поскольку при обсуждении парадигмы императивных форм русского глагола наиболее дискуссионным является вопрос о наборе форм, составляющих ее, — представляется целесообразным обратиться к известным в языкознании определениям парадигмы. Следует сразу сказать, что определения парадигмы, даваемые разными авторами, в основном достаточно сходны. Образцом может служить следующее определение: "Морфологическую парадигму можно определить как некоторую совокупность словоформ, обладающих общим для них свойством, но противопоставленных друг другу по их индивидуальным семантическим и — за редким исключением — формальным свойствам. Такое широкое определение позволяет охватить три разновидности парадигм, представленных в морфологии: парадигму части речи, обладающей формоизменением, парадигму слова и парадигму грамматической категории" (28: 418)¹.

Итак, в соответствии с определением все формы одной парадигмы 1) должны обладать общим семантическим свойством, 2) должны иметь индивидуальные семантические свойства, 3) в виде исключения могут иметь индивидуальные формальные свойства. Принимая положения, сформулированные в пп. 1 и 2, мы считаем полезным разграничивать понятия общей парадигмы (парадигмы слова, относящегося к определенной части речи) и частной парадигмы (парадигмы грамматической категории). Частная парадигма — это совокупность системно организованных словоформ любой лексики данной части речи, которые регулярно вы-

¹ Очень сходные определения даются в работах (29, 30, 31, 32). Ср. впрочем своеобразный подход М.В. Панова: "единицы, чье различие вызвано разными условиями общения, объединяются в парадигму. Как видно, парадигма воплотила в себе требования, порожденные языковой номинацией. Это требования стабильности языковых единиц, очищения их от тех изменений, которые обусловлены изменением условий языкового общения" (33: 131).

ражают одно и то же грамматическое значение (грамматическую категорию) (ср. 2).

2.1. От форм, входящих в частную императивную парадигму, с семантической точки зрения требуется, чтобы они выражали грамматическое императивное значение. Это значение может быть характеризовано следующим образом. Каждая из форм, включаемых в императивную парадигму, должна (1) выражать адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно выполнения действия, (2) называть то действие, которое должно быть исполнено. Действие и волеизъявление относительно действия (побуждение) являются необходимыми и достаточными компонентами императивного значения. Формы, входящие в императивную парадигму, с семантической точки зрения различаются тем, что называют разных исполнителей действия. Исполнителем может быть слушающий (2 л.), говорящий (1 л.), любое лицо, не являющееся участником речевого акта (3 л.), любая теоретически возможная комбинация из этих трех лиц (2 л. + 1 л.; 2 л. + 3 л.; 1 л. + 3 л.; 1 л. + 2 л. + 3 л.).

Формальные требования, предъявляемые к словоформам императивной парадигмы, следующие: 1) они должны регулярно образовываться от тех лексем, которые по своей семантике допускают образование словоформ с императивным значением; 2) они должны опознаваться в контексте как формы, имеющие императивное значение. Все остальные формальные требования (однородность морфологической структуры, отсутствие омонимов в других парадигмах = полная парадигматичность) являются в соответствии с предложенным определением избыточными. Морфологический облик словоформы не может служить критерием включения ее в парадигму или исключения из нее. Ср. в этой связи замечание М.В. Панова: "Члены парадигмы могут быть предельно не похожи друг на друга или, напротив, сохранять предельное сходство. Это не существенно для парадигмы" (33: 135).

2.2. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что в русскую императивную парадигму входят следующие формы.²

I. Формы 2 л.: 1) спой 2) спойте

II. Формы "совместного действия": 3) (а) споем (ты + я), (б) давай споем, 4) (а) споемте (вы + я), (б) давайте споем

III. Формы 3 л.: 5) пусть (он) споет, 6) пусть (они) споют

IV. Формы 1 л. ед. ч.: 7) дай (давай) спю, 8) дайте (давайте) спю; 7, 8) спю.

² Приводятся только формы СВ.

Парадигма, как видим, включает восемь личных форм, сведенных в четыре пары. В пределах пар формы объединены общностью референтно-ролевой структуры. Формы первой пары обозначают, что слушающему и исполнителю соответствует один референт; при этом форма (1) означает, что слушающий — один, форма (2) — что слушающих более одного. Формы второй пары означают, что исполнитель совокупный: он состоит из слушающего (одного) и говорящего — форма (3), и слушающих (более одного) и говорящего — форма (4)³. Отсюда может создаться впечатление, что формы 1, 2 и 3, 4 различаются между собой по числу слушающего. Это не так. Перечисленные формы различаются по числу исполнителя. Наиболее отчетливо это видно на формах третьей пары, где трем ролям (говорящий — слушающий — исполнитель) соответствует три разных референта: форма (5) означает, что исполнитель — один, форма (6) — что исполнителей более одного.

В четвертой паре тоже две формы, но они различаются именно по числу слушающего. В данном случае это различие семантически существенно, поскольку исполнителем здесь является уникальный говорящий. Форма (7) означает, что слушающий — один, форма (8) — что их более одного. С аналитическими формами (7) и (8) соотносится синтетическая форма (7, 8), где различие по числу слушающего нейтрализовано.

Не следует думать, что "императивность" перечисленных форм падает от первой пары к четвертой. Все восемь форм парадигмы выражают одно и то же — "эксплицитное побуждение" (формулировка В. Лефелдта — 34). Более того, если побуждение, адресованное одному из участников речевого акта, определить как прямое, а побуждение, адресованное неучастнику речевого акта или совокупному исполнителю (куда могут входить как участники, так и неучастники речевого акта), определить как косвенное — то "наиболее императивными" будут как раз формы первой и четвертой пар: они выражают соответственно прямое побуждение слушающего и прямое побуждение говорящего или самопобуждение.

Типологические данные подтверждают это. Известны языки, имеющие специализированные формы императива I л. ед. ч., резко отличные от соотносительных форм индикатива (например, чукотско-камчатские языки), а также языки, имеющие формы импера-

³ Формы "совместного действия" представлены в парадигме синтетическими вариантами: 3а) споем, 4а) споемте и аналитическими вариантами: 3б) давай споем, 4б) давайте споем.

тива I л.ед.ч. при отсутствии форм "косвенного побуждения" (например, форм 3 л.) – таков язык кламат, один из языков аборигенов Северной Америки.

3.0. Русская императивная парадигма, состоящая из восьми форм, принципиально отличается от индикативной парадигмы как по формальному составу, так и по числу входящих в нее членов. Личная парадигма индикатива, например, в будущем времени, состоит, как известно, из шести форм. Императивная и индикативная парадигмы имеют разные парадигмообразующие центры: у императива это формы 2 л., у индикатива – формы 3 л.

Формальная специфика императивной парадигмы заключается в неоднородности ее морфологического строения, в наличии у некоторых форм ряда вариантов. Эту черту русского императива постоянно подчеркивал В.В. Виноградов (16: 462).

3.1. Именно эта черта, на наш взгляд, и служит определяющей причиной разногласий и взаимоисключающих суждений о составе и строении русской императивной парадигмы. Несколько огрубляя реальное положение вещей, но отнюдь его не искажая, можно расценивать все конкретные императивные концепции как разновидности двух подходов к парадигме: функционального и формального. Требования, предъявляемые к формам, включаемым в парадигму в рамках функционального подхода, изложены выше (§ 2.1). При формальном подходе, по-видимому, учитываются и функциональные соображения, но на первый план выдвигаются именно формальные требования, о которых также говорилось выше. Более мягкие функциональные и более жесткие формальные требования не вступают в противоречие только тогда, когда все формы, выражающие императивное значение, являются формально однородными и не имеют омонимов в других частных парадигмах. Для императивных парадигм разноструктурных языков такое явление представляет собой скорее исключение, чем правило. В наиболее отчетливом виде его можно наблюдать в уже упоминавшихся чукотско-камчатских языках (35. 36). В русском языке, как и во многих других, картина иная: парадигма императива состоит из специализированных, или первичных, форм, и из вторичных, которые вошли в императивную парадигму из других парадигм.

3.2. Первичными императивными формами в русском языке безоговорочно и бесспорно являются только формы (1) спой и (2) спойте. Дальше уже начинается дискуссия, и это не случайно. Формы (3а) споем и (7, 8) спою втянуты в императивную парадигму из парадигмы простого будущего времени индикатива. Синтетическая форма (4а) споемте и аналитические формы (3б) да-

вай споем, (46) давайте споем; (7) дай спою и (8) дайте спою — не имеют омонимов в других частных парадигмах. Тем не менее все они являются вторичными императивными формами.

3.3. Формы 3 л.: (5) пусть (он) споет, (6) пусть (они) споют — также не имеют омонимов в других частных парадигмах глагольных лексем, но и их нельзя отнести к числу специализированных первичных императивных форм. Есть основания полагать, что эти формы были втянуты в императивную парадигму из парадигмы пермиссивно=оптативного наклонения, — если согласиться с тем, что такое наклонение в русском языке существует или по крайней мере существовало.

В РГ-80 справедливо отмечается, что частицы пусть, пускай, да могут соединяться не только с формами 3 л., но и с формами I и 2 л. (см. § I.4). Такого рода аналитические формы выражают допущение или пожелание того, чтобы называемое действие было совершено. Помимо примеров, приведенных в РГ-80 (см. § I.4), можно привести следующие: (1) Пускай мы погибнем, но город спасем (Р. Рождественский); (2) Пусть вы победите нас сегодня — все равно вам не уйти от расплаты; (3) Пусть всегда будет солнце, пусть всегда буду я (Л. Ошанин).

На основании этих и подобных примеров может быть построена следующая парадигма:

- I л. ед. ч. пусть/пускай (я) спою (буду петь)
2 л. ед. ч. пусть/пускай (ты) споешь (будешь петь)
3 л. ед. ч. пусть/пускай (он) споет (будет петь)
I л. мн. ч. пусть/пускай (мы) споем (будем петь)
2 л. мн. ч. пусть/пускай (вы) споете (будете петь)
3 л. мн. ч. пусть/пускай (они) споют (будут петь)

3.3.1. Все эти соображения высказаны в порядке постановки вопроса. Проблема пермиссивно-оптативного наклонения требует специальной разработки. Вместе с тем достаточно очевидно, что формы 3 л. являются вторичными императивными формами.

Л и т е р а т у р а

1. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.
2. Володин А.П., Храковский В.С. Парадигма императивных форм (опыт исчисления). — Ученые записки Тартуского госуниверситета, вып. 65I. Тарту, 1983.
3. Пазухин Р. Так называемое "повелительное наклонение" и его парадигма. *Studia Rossica Posnaniensia*, N 6, 1974.

4. Иомдин Л.Л. Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 131. М., 1980.
5. Храковский В.С. Залог и рефлексив. - В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
6. Храковский В.С. Диатеза и референтность. - В кн.: Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
7. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1963.
8. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
9. Аксаков К.С. Сочинения филологические. М., 1875.
10. Муравицкая М.П. Полисемия императива. - В кн.: Математическая лингвистика. Вып. I. Киев, 1973.
11. Мучник И.П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке. Ученые записки Московского областного пединститута, т. 32, вып. 4. М., 1955.
12. Исаченко А.В. К вопросу об императиве в русском языке. - РЯШ, № 6, 1957.
13. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
14. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852.
15. Пешковский А.М. Интонация и грамматика. - В кн.: Избранные труды. М., 1959.
16. Виноградов В.В. Современный русский язык: Грамматическое учение о слове. Вып. II. М., 1938.
17. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
18. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
19. Немешайлова А.В. Повелительное наклонение в современном русском языке. Пенза, 1961.
20. Зарецкая Е.Н. Формы повелительного наклонения в русском языке. - ФН, № 3, 1976.
21. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
22. Востоков А.Х. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1844.
23. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858.
24. N.S. Trubetzkoy's letters and notes. *Lingua linguarum, Series Maior*, 47, The Hague, Paris, 1975.

25. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
26. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II, Братислава, 1960.
27. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
28. Абрамов В.А. О микропарадигме немецкого глагола. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 55, Heft 4, 1980.
29. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1955.
30. Ярцева В.Н. Проблема парадигмы в языке аналитического строя. - В кн.: Вопросы германского языкознания: Материалы второй научной сессии по вопросам германского языкознания. М., 1961.
31. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
32. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 1975.
33. Панов М.В. О парадигматике и синтагматике. Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, № 2, 1980.
34. Lehfeldt W. Zur Bestimmung der Imperativformen im Russischen. *Slavistische Beiträge*. Bd. 133, München, 1979.
35. Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. Ч. II. М., 1977.
36. Жукова А.Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
В ПОЗИЦИИ СОГЛАСОВАННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
(КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Н.М. Лиеина

В традиционной грамматике закрепились недифференцированное определение синтаксического поведения полных причастий и прилагательных, при этом обычно не делается различия между действительными и страдательными причастиями. Везде, где далее пойдет речь о причастиях, имеются в виду в первую очередь действительные причастия (ДП).

Занимаясь синтаксической характеристикой причастий, авторы работ обращаются к трем позициям в предложении, которые они рассматривают как синтаксические функции. К ним относятся: 1) согласованное необособленное определение; 2) согласованное обособленное определение; 3) предикат. Большая часть работ, связанных с синтаксической характеристикой ДП, посвящена первой и второй позиции (функции).

Общей чертой многих исследований являются ориентация на формальные признаки причастия, которые сближают его с прилагательным./См., напр., 2; 3; 4; 5/. Это приводит авторов к выводу, что на синтаксическом уровне различие между причастием и прилагательным установить невозможно: "Различие между причастием и прилагательным остается на уровне семантики и морфологии" /5, с. 5/. В другой работе о синтаксических признаках причастий написано: "Обозначая признак предмета, причастие, как и прилагательное, выступает в функции определения. При этом, обладая морфологическими свойствами имени прилагательного – изменяясь по родам, числам и падежам, оно согласуется с определяемым словом" /6, с. 213/. Подобный подход к синтаксическим функциям причастий можно наблюдать и в "Русской грамматике" – 80, где об их роли в предложении говорится следующее: "Полное прилагательное (включая порядковые числительные и местоименные слова) и причастия в присловной позиции являются согласуемыми определяющими словами" /7, с. 457/.

Более продуктивным представляется коммуникативный подход к решению данного вопроса, когда слово рассматривается не как

член формальной организации предложения, а как компонент его структурно-семантической модели, в единстве формы и содержания. Структурно-семантическое направление анализа языковых явлений значительно расширяет поле видения, позволяет обнаружить как общее в разнотипных единицах, так и различия в совпадающих формах. Если рассматривать синтаксические свойства ДП с этой точки зрения, то надо признать, что различия между причастием и прилагательным не только есть, но их и не может не быть, потому что категориальные значения данных групп различны.

В последних исследованиях /см., напр. 8, 9/ авторы, анализируя некоторые случаи употребления причастий и причастных оборотов, стремятся учесть три аспекта – формальный, семантический и коммуникативный, – что позволяет им расширить представление о синтаксических возможностях причастий. Настоящая работа примыкает к этому направлению. В ней предпринимается попытка описать синтаксические функции ДП в позиции согласованного определения по отношению к коммуникативным целям автора.

В качестве языкового материала используются фрагменты из рассказов современных советских писателей, представляющие разные коммуникативные типы речи. Коммуникативный тип речи и структурно-семантический тип предложения /I, с. 348–350/предопределяют функции используемых языковых единиц.

Текст рассматривается как основная коммуникативная единица, которая членится на блоки предложений и на отдельные предложения. В ряде случаев предложение оказывается недостаточным контекстом для определения функции ДП. Проиллюстрируем это следующим примером. В предложении Студенты, сдавшие экзамены, направляются на комсомольские стройки функция причастного оборота будет определительно-выделительной, если в предыдущем контексте сказано: Часть студентов сдала сессию досрочно или В некоторых вузах сессия уже закончена, т.е. в случае неопределенности субъекта. Если же в предшествовании будет помещена фраза: Сессия закончена, то причастие будет выполнять только функцию добавочного предиката.

Для анализа синтаксических функций ДП представляются релевантными следующие факторы:

I. Лексическое и категориальное значения причастия. Первое определяется по значению соответствующего глагола, так как причастия в словарях в виде самостоятельного слова обычно не помещаются.

На базе конкретных, лексических значений формируются абстрактные, категориальные, относящиеся к грамматической характеристике частей речи, влияющие на их синтаксическое поведение.

В существующих определениях причастий их категориальная семантика представлена по-разному. Например:

1) "Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т.е. значение действия и собственно определительное: горящий (костер), пронизывающий (ветер), потрескавшаяся (земля)..." /IО, с. 665 ./

2) "Причастия обозначают процесс как признак предмета и обладают общими с глаголом и прилагательными свойствами. Примеры: ... студенты, пишущие (писавшие, написавшие) дипломную работу; тропинка, ведущая к морю; улыбающиеся лица" /6, с. 212/.

3) "Причастие – это особая форма глагола, которая обозначает признак предмета по действию, которое он производит или испытывает: художник, рисующий картину; картина, нарисованная художником" /II, с. 226/.

В первом определении объединяются два разнотипных значения: категориальное значение глагола и синтаксическая функция прилагательного. Можно понять, что и то, и другое в равной степени присуще каждому причастию, между тем как даже приводимые примеры свидетельствуют о неоднородности причастий. Если первое причастие обозначает действие (состояние), то второе и третье называют свойства, а слово "пронизывающий" (синонимы "резкий, холодный") может быть отнесено к прилагательным.

Во втором определении семантика причастия сближается с семантикой глагола, если понимать термин "признак" в широком смысле. Если же он употреблен здесь в значении "свойство", то происходит сужение семантики причастия.

То же можно сказать и о третьем определении, в котором значение причастия очень похоже на словообразовательное значение отглагольных прилагательных. Напр., прилагательные "болтливый" (человек), "привлекательный" (вид), "взрывчатая" (смесь) и др. обозначают признак предмета по действию, которое они производят.

Объективные трудности формулирования категориального значения причастий заключаются в их природе: многие исследователи отмечают их синкретизм, относят к переходным явлениям между глаголом и прилагательным.

Причастия – признаковые слова, они соотносятся и с глаголами, и с прилагательными. Можно выделить три типа общих значений, в соответствии с которыми будут распределяться наблюдаемые причастия: 1) действие или состояние как процесс, 2) действие или состояние как свойство, 3) свойство по характерному действию или состоянию. Эти значения, представленные в речи, можно назвать функциональными.

2. Значимой для роли ДП в высказывании является его видо-временная семантика. При характеристике временных значений используются признаки, составляющие семантический потенциал временных форм глагола: одновременность, предшествование, следование, перфектность, временная локализованность/12/. Наличие временной семантики служит индикатором способности ДП обозначать действие. Ослабление или утрата связи со временем свидетельствуют о сдвиге причастия в сторону прилагательного. Исследования показывают, что грамматической точкой отсчета времени для причастия может быть как момент речи, так и другое действие, выраженное спрягаемой формой глагола. Содержание дифференциальных признаков при этом не меняется. Предмету нашего анализа более соответствует ориентир, имеющий синтаксическую природу – действие, обозначенное глаголом в предикативной форме.

При определении видовых значений ДП будем опираться на типы аспектуальных ситуаций, выделенные и описанные в "Русской грамматике" /10, с. 604–613/, учитывая, что видовые значения причастий соответствуют видовым значениям глаголов/13/.

3. И темпоральные, и аспектуальные значения глагольных форм конкретизируются в ситуации употребления, поэтому при анализе нельзя не принимать во внимание то словесное окружение, которое участвует в формировании отдельного высказывания и коммуникативного типа речи в целом. Показательно наличие (или отсутствие) у ДП объективных или обстоятельственных распространителей, эксплицирующих глагольное значение.

Особо следует выделить семантику субъекта действия, носителя признака, называемого причастием. Семантика признаковых слов имеет относительный характер, зависимый от значения определяемого слова. Ср.: "За бегущим днем" (название романа В. Тендрякова) и Он следил за бегущим конем. Имеет значение также определенность или неопределенность субъекта, к которому относится причастие^I. Определенность/неопределенность

^I А.А. Камынина различает функции причастных оборотов, относящихся к синсемантичным и автосемантичным существительным /8/. См. также /9, с. 9/.

устанавливается в зависимости от лексического значения существительного или из контекста.

4. Важным диагностическим признаком является синтаксическая синонимия, которая основывается на сходстве значений и выполняемых функций. Во многих работах авторы сравнивают причастные обороты и придаточные определительные предложения /напр.../14/ описаны факты синонимии действительных причастий и деепричастий /9/. Исследование синонимичных конструкций – прямой путь к выявлению синтаксического потенциала ДП и дифференциации функций ДП, представленного одной и той же формой.

Итак, учитывая изложенные выше критерии, их взаимодействие, рассмотрим три группы примеров в соответствии с выделенными общими функциональными значениями ДП.

1. Действительные причастия со значением действия или состояния как процесса

В конце сентября неожиданно установилось краснопогодье. Березы на росстанях, будто слезы, роняли с грустным шелестом янтарный свой лист. От преддесья доносилось мирное бормотанье тетеревов-чернышей, лакомившихся перезрелыми семенами иван-да-марьи. (Е. Максимов)

Коммуникативный тип речи отрывка изобразительный, так как целью автора является изображение времени и места действия в рамках сюжета. Первое предложение – сообщение о наступлении факта. Далее следует описательная часть, включающая ДП "лакомившихся".

Лексическое значение глагола "лакомиться" – "есть что-нибудь лакомое, вкусное"¹. Это же содержание передается причастием. Действие конкретное, дополнительную конкретизацию оно получает благодаря объектному распространителю. Ситуацию, в которой совершается данное действие, можно назвать процессной. На это указывает существительное "краснопогодье", называющее отрезок времени, в течение которого совершаются действия. Детерминант "в конце сентября" придает действиям временную определенность. Бормотанье тетеревов доносилось в то самое время, когда они лакомились, следовательно, причастие обозначает действие, соотносительное с другим (доносилось бор-

¹ Здесь и далее толкование значений глаголов, от которых образованы ДП, дается по "Словарю русского языка" С.И. Ожегова (14-е издание).

мотанье) и происходящее одновременно с ним.

Синонимичная конструкция – придаточное определительное "которые лакомились перезрелыми семенами иван-да-марьи". На этом же месте могло бы находиться самостоятельное по структуре предложение: От предлесья доносилось бормотанье тетеревов-чернышей. Они лакомились перезрелыми семенами иван-да-марьи. Это (второе) предложение может быть прочитано с пояснительной интонацией, указывающей на второстепенный характер сообщения, и с обычной, благодаря чему сообщения о том, что слышно было бормотанье тетеревов и что они лакомились, представлялись бы одинаковыми по значимости. Очевидно, что второй вариант неадекватен коммуникативной задаче автора. Организация высказывания, в котором одни действия передаются глаголами в предикативной форме, а другие – причастием, показывает, что автор хочет привлечь внимание к звукам: центр предложения – "доносилось бормотанье". Другое действие отодвигается на второй план. Второстепенность этого действия подтверждается синтаксическими синонимами: их синсемантичность проявляется в структуре придаточного предложения и в зависимой интонации обоих предложений. Предложения, синонимичные причастному обороту, имеют типовое значение "субъект и его действие": тетерева лакомились. ДП выступает в роли основы добавочного сообщения, свернутой пропозиции. Использование конструкции с ДП позволяет автору ввести в текст больше информации и в то же время выделить то, что в коммуникативном отношении для него важнее.

2) Все стихло так же внезапно, как началось: Норков провел рукой по лицу, огляделся. Темный, тесный чердак. Вернее, отсек чердака большого дома, пожарный пост номер три. Слева – мутное пятно другого окна. Отдаленные вспышки освещали его раму с разбитым стеклом, освещали стропила, выступ кирпичной стены, темную фигуру Сапунова, неподвижно стоявшего у окна. (Б. Евгенийев).

ДП "стоявшего" находится в текстовом фрагменте изобразительного коммуникативного типа речи. Первое предложение сообщает о наступлении состояния. Далее следует описание окружающей обстановки. Лексическое значение глагола "стоять" – "находиться в вертикальном положении, не передвигаясь". Именно этому значению соответствует причастие, которое вместе с семантическим субъектом состояния отражает часть изображаемой обстановки: Сапунов стоит. Обстоятельственные распространители конкретизируют состояние, уточняя, где и как стоял

Сапунов. Состояние это имеет характер процесса (конкретно-процессная ситуация), что связано с несовершенным видом глагола, выражающим длительность действия. Состояние наблюдается в конкретной обстановке, оно обладает временной определенностью, соотносится с действием "освещали" (вспышки освещали) и совпадает с ним по времени.

Синтаксическими синонимами причастного оборота с ДП "стоявшего" являются придаточное определительное "который неподвижно стоял у окна" или предложение "Он неподвижно стоял у окна", имеющее присоединительно-пояснительный характер, что выражается соответствующей интонацией: понижение среднего тона и убыстрение темпа речи. В данном случае важен не только сам факт, но и его место, значимость по отношению к основной части сообщения: вспышки освещали все вокруг. Синтаксические синонимы относятся к предложениям структурно-семантического типа "субъект и его состояние". Состояние Сапунова не является его характеристикой, так как оно зафиксировано в определенное время и может отсутствовать в следующий момент. Оно не выделяет данное лицо из ряда других лиц, эту функцию выполняет имя собственное, и не выполняет анафорической функции, так как ранее о подобном состоянии не сообщалось. ДП является основой добавочного сообщения (второстепенный характер сообщения подтверждается синтаксическими синонимами). Введение в текст этого сообщения делает описание более конкретным и содержательным, углубляет изображение за счет второго плана.

Анализ фактического материала, образцы которого были даны выше, позволяет сделать следующие заключения.

Основная коммуникативная функция ДП со значением действия и состояния как процесса - передача информации о конкретном действии или состоянии субъекта. Конкретизации глагольного значения ДП способствуют объектные и обстоятельственные распространители, которые обычно имеются у ДП этой группы. Видовые значения реализуются в ситуациях единичного и повторяющегося действия. Действия отличаются временной определенностью и соотносятся с другим действием как одновременные или предшествующие. В качестве синтаксических синонимов выступают сказуемые придаточные предложения и предложения пояснительно-присоединительного типа, близкие к вставным конструкциям. ДП и субъект причастного действия соотносятся с предложениями структурно-семантического типа "субъект и его

действие", "субъект и его состояние". Синтаксические функции ДП этой группы в тексте – функция добавочной (свернутой) пропозиции и функция добавочного предиката.

II. Действительные причастия со значением действия или состояния как свойства (постоянного или характерного признака)

I) Каменцов с Солюшкиным ринулись за Бураном.

Сотрудники местного отделения милиции, хорошо знавшие свой район, стали обследовать все дороги, проезды, тупики, подъезды к складам, заводам, предприятиям, железнодорожным станциям. (Н. Сизов).

Лексическое значение глагола "знать" – "иметь о чем-то понятие". ДП сохраняет этот же смысл, объектный и обстоятельный распространители показывают, что данное состояние (знание) является признаком, характеризующим профессиональные качества людей. Несвершенный вид ДП употреблен в ситуации постоянного отношения. ДП соотносится с основным действием "стали обследовать", но временные границы ДП не определены, состояние это шире сюжетного времени, оно было до описываемых событий и сохранится после них. В какой-то момент оно совпадает по времени с сюжетным действием, и в этом случае можно говорить об их одновременности. Эта часть предложения относится к информативному типу речи.

Синонимичными синтаксическими конструкциями являются придаточное определительное "которые хорошо знали свой район", деепричастный оборот "хорошо зная свой район", глагол с зависимыми словами "хорошо знали свой район". Может быть использована и вставная конструкция: Сотрудники милиции (они хорошо знали свой район) стали обследовать все дороги... Все синонимы имеют значение второстепенного добавочного сообщения, которое сопровождает основное сообщение о действиях сотрудников милиции. Это отражается и в структуре, и в интонации.

Добавочное сообщение, заключенное в причастном обороте, характеризует субъект, это зависит от того значения, которое данная форма реализует в контексте. То же значение может быть передано и спрягаемой формой глагола: Сотрудники милиции хорошо знают свой район. ДП с зависимыми словами соотносится с предложением типа "субъект и его свойство".

Сообщение о свойствах, качествах сотрудников милиции не является целью высказывания, поэтому на первом плане оказывается описание их действий, выраженных предикативной формой

глагола, а добавочные сведения передаются причастным оборотом.

Синтаксическая функция ДП – добавочный предикат или добавочное сообщение (свернутая пропозиция).

2) А затем он увидел ее руки: жилистые, огрубелые, с синеватыми пальцами, на которых так неуместен был яркий маникюр; руки, помороженные в военных очередях, когда одеревеневшими пальцами не ухватить было хлебного талона, в промозглых траншеях оборонительных сооружений, когда лом отрывался с кровью от ладоней, в ледяных овощехранилищах с опаленной морозом капустой и гнилой картошкой, исколотые иглой, обожженные растопкой печурок-временок, взрывающимися примусами, кастрюлями, сковородами и утюгами... (Ю. Нагибин).

Начало фрагмента относится к изобразительно-описательному типу речи: наблюдения героя рассказа происходят по ходу действия и играют определенную роль в развитии сюжета. Далее, со слов "руки, помороженные в военных очередях", следует информативная часть: сообщается то, что происходило за пределами изображаемого места и времени, автор не показывает эти события, а знакомит с ними, ставит читателя в известность о том, что было.

В этой части рассмотрим ДП "взрывающиеся". Лексическое значение соответствующего глагола – "разлетаться на части". Множественное число существительного "примусы" указывает на неоднократность наблюдения данного факта. Перед нами ситуация повторяющегося действия, которое в данном контексте имеет значение свойства. Это не выражено явным образом, но раскрывается при попытке заменить ДП придаточным определительным "которые взрываются". Оно оказывается не вполне адекватным ДП "взрывающимися". Более близким по значению будет предложение "которые постоянно (часто) взрываются", "которые имеют обыкновение взрываться". Добавление распространителя такого рода свидетельствует о том, что действие здесь понимается как свойство. Хотя причастие сохраняет значение действия, но локализация во времени отсутствует, что ведет к утрате временного значения. Форма ДП на -щий в данном контексте имеет вневременной характер (ср. с причастием "взрывавшимися", которое подчеркнуло бы отнесенность фактов к прошлому). Отвлеченности ДП от конкретных обстоятельств способствует отсутствие распространителей и значение субъекта. Слово "примусы" означает неопределенное множество приборов, приобретает общий символический смысл, как и другие существительные в этой части текста.

Свойство субъекта может быть передано и глагольной формой: примусы взрываются, поэтому допустимо рассматривать ДП в этом случае как синоним предиката, но затрудненность синонимического преобразования в предикативную конструкцию говорит о более тесной связи между ДП и существительным.

Причастия второй группы используются для характеристики лица или предмета и в случае синонимических преобразований соотносятся с предложениями структурно-семантического типа "субъект и его свойство". Они встречаются в аспектуальных ситуациях постоянного отношения и повторяющегося действия. Для них характерно отсутствие локализации действия, или состояния во времени. Временное значение ДП ослаблено, но в некоторых случаях можно говорить об одновременности (частичной) с основным действием, временные границы которого обычно уже.

ДП со значением действия или состояния как свойства чаще, чем причастия со значением действия или состояния как процесса употребляются в препозиции по отношению к существительному – субъекту и без распространителей, что связано с большей отвлеченностью семантики этих слов и более тесной связью с субъектом.

Замена синонимичной конструкцией ДП второй группы не всегда возможна, однако обычно они выполняют синтаксические функции добавочного сообщения и добавочного предиката с характеризующим значением.

III. Действительные причастия со значением свойства по характерному действию или состоянию

I) Вернемся к предыдущему примеру, где есть ДП "одеревеневшие". Оно входит в информативную часть текста. Образовано от глагола "одеревенеть" с лексическим значением "стать твердым, онемелым, утратить чувствительность". Глагол совершенного вида имеет значение результативного состояния. Существительное "в очередях" указывает, что это состояние повторялось неоднократно. Локализация во времени отсутствует, автор стремится дать качественную характеристику предмета, ситуация представлена не конкретной, а обобщенной (типичной) и поэтому перфектное значение формы преобразуется в значение признака. Глагольный элемент "стать" утрачивается, остается только значение "твердые", "онемелые", и ДП оказывается в одном синонимическом ряду с прилагательными.

Синонимичных синтаксических конструкций нет. Придаточное определительное неадекватно причастию, т.к. в нем субъ-

ект и признак разведены и признак приписывается субъекту, а в анализируемом фрагменте текста признак представляется данным.

При этих условиях ДП не может выступать как добавочный предикат или добавочная пропозиция, оно выполняет функцию атрибутивного признака, тождественную атрибутивной функции прилагательного (ср. одеревенелый).

2) Как только началась близкая стрельба, заглушившая ноющий звук струны, гнетущее чувство беспомощности прошло. Наоборот, он испытывал редкое для него чувство внутренней собранности. (Б. Евгенийев)

Отрывок относится к изобразительному типу речи: изображены события и состояние, включенные в сюжет рассказа. Причастная форма "ноющий" образована от глагола "нсть" с лексическим значением "издавать тягучие, жалобные звуки", переносное значение — "жаловаться". Семантика слова "ноющий" расходится с семантикой глагола. Оно не содержит семы "издавать" (ср. ноющий ребенок) и не связано с действием "жаловаться". В семантике причастной формы элемент "звук" становится излишним в соседстве с существительным "звук", поэтому сохраняется лишь качественное значение "тягучий, жалобный". Никакие объектные и обстоятельственные распространители здесь неуместны.

Глагол "нсть" несовершенного вида, но ни одно из видовых значений словом "ноющий" не передается, нет аспектуальной ситуации. Оно лишено и временной семантики, т.к. отсутствует отнесенность к какой-либо точке отсчета.

Синтаксических синонимов нет: ни добавочным предикатом, ни свернутой пропозицией это слово не является. Оно выступает в единстве с существительным "звук", что подчеркивается его положением в препозиции. Синтаксической функцией данной причастной формы является функция атрибутивного признака, причем по совокупности признаков можно говорить об адъективации причастия.

Третья группа ДП встречается в разных коммуникативных типах речи, но чаще в изобразительном. Третья группа отличается однородностью грамматических признаков: видовые и временные значения не выявляются. Отсутствуют синтаксические синонимы. Все ДП этой группы находятся в препозиции и лишены объектных и обстоятельственных распространителей. Функция их чисто атрибутивная, совпадающая с функцией прилагательных.

На основе наблюдений за условиями реализации синтакси-

ческих функций ДП можно сделать следующие выводы о синтаксическом поведении ДП.

1. Синтаксические функции ДП не однородны. Они зависят от той коммуникативной задачи, которую причастие выполняет в тексте.

ДП с актуальной глагольной семантикой, которая проявляется в наличии видовых, временных значений, способности к регулярным синонимическим преобразованиям в конструкции с глагольным предикативным ядром, выполняют роль добавочного предиката или добавочного сообщения (дополнительной пропозиции). Вместе с определяемым существительным – семантическим субъектом – они соотносятся со структурно-семантическим типом предложения "субъект и его действие или состояние". Если представить, что причастия как разряд слов имеют полевую структуру, то данная группа окажется центром поля.

К ней примыкают причастия, сохраняющие значения действия или состояния, но с ослабленной видо-временной семантикой. Синонимичные преобразования в конструкции с глагольной основой нерегулярны. Причастия этой группы способны выступать в функции добавочного предиката или добавочного сообщения, вместе со своим семантическим субъектом они соотносятся с предложениями структурно-семантического типа "субъект и его свойство".

ДП со значением свойства располагаются на периферии поля глагольных слов. Может быть, их уместнее называть не причастиями, а причастными формами. Они переходят в разряд прилагательных и выражают атрибутивный признак. Только в этой области синтаксические функции ДП и прилагательных совпадают.

2. Широко распространенное определение причастий как особой формы глагола, обладающей признаками как глагола, так и прилагательного, при коммуникативном подходе можно отнести к причастиям в целом, имея в виду разные группы слов, но нельзя отнести к каждому слову. Анализ фактического материала показывает, что ДП в составе коммуникативной единицы выполняет либо функции глагола (на семантическом уровне) и при этом обладает признаками глагола, либо функцию прилагательного, но тогда оно теряет глагольные признаки. Но ни в том, ни в другом случае оно не является гибридным словом.

Л и т е р а т у р а

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982.
2. Кавецкая Р.К. Конструкции с нестрадательным (действительным) причастием в современном русском языке. Канд. дис. М., 1952.
3. Квонг Лай Ю.И. Предикативная функция полных причастий и отглагольных прилагательных с причастными суффиксами. Канд. дис. Л., 1974.
4. Демьянова Е.М. Соотношение причастий и отглагольных прилагательных с омонимичными суффиксами и их сочетаемость с наречиями. Канд. дисс. Л., 1974.
5. Камынина А.А. К вопросу о полупредикативности причастий в строе простого предложения - Славянская филология. Вып. XI, М., 1979.
6. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык, ч. II. - М.: Просвещение, 1981.
7. Русская грамматика, ч. II. - М.: Наука, 1980.
8. Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. - М., 1983.
9. Фокина Н.А. Синонимическое употребление причастий и деепричастий. Канд. дисс. М., 1982.
10. Русская грамматика, ч. I. - М.: Наука, 1980.
11. Современный русский литературный язык /Под ред. П.А. Леканта. - М.: Высшая школа, 1982.
12. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
13. Луценко Н.А. Категория вида в причастиях. Канд. дисс. - Тарту, 1982.
14. Меделец Н.М. Об условиях употребления определительных придаточных предложений, соотносительных с причастными оборотами. - В кн.: Нормы современного русского литературного словоупотребления. Л., 1966.

- Источники: 1. "Москва": Избранное, 1957-1982. Сборник. - М.: Московский рабочий, 1983.
2. Московский рассказ: Сборник. - М.: Московский рабочий, 1981.
3. Рассказ-81. - М.: Современник, 1982.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

П.А. Эслон

I

До сих пор в языкознании актуален вопрос о стратификации понятия "модальность" и разграничении ее типов. Исследователи не раз указывали на неоднородность, многоаспектность данного явления, на отсутствие единого понимания языковой модальности, на то, что типы модальности выделяются "интуитивно, не по единому основанию" и при этом нарушаются основные правила логической операции деления понятий /Бондаренко, 1980; Ломтев, 1969; Небыкова, 1973; Колшанский, 1961/.

В связи с этим отдельные модальные значения не получили однозначного и строгого определения, в частности и модальное значение возможности. Большинство исследователей при определении семантической зоны возможности опирается на философское истолкование ее как онтологической категории, выражающей свойства и отношения между предикативными предметами по способу существования. Так, С.И. Небыкова в качестве подтипов возможности выделяет алетическую возможность, субъективную возможность и деонтическую возможность и указывает на их связь с категорией необходимости /1973/. Подобное выделение подтипов возможности базируется на значении модального глагола "мочь", который является основным носителем семантики возможности: "собственная", "внутренняя" характеристика возможности – алетическая возможность; нормативность – деонтическая возможность; способность – субъективная возможность /Рудник, 1976, с. 145/.

Аналогично выделяют подтипы возможности Е.А. Крашенинникова /1958; 1960/, С.С. Ваулина /1978/, В.Н. Бондаренко /1980/ и др., только объединяя алетическую и деонтическую возможность в объективную возможность и противопоставляя ее субъективной возможности. Однако такое определение возможности и ее подтипов не может быть признано удовлетворительным, так как понятия "объективное" и "субъективное" строго не определяются в отличие от обычного выделения объективной и субъективной

модальности как области выражения отношения сообщаемого к действительности. С другой стороны, в понятие субъективной возможности вкладывается модальность, которая на самом деле является разновидностью объективной модальности. Например: (1) Преподаватель может сегодня опоздать (имеется такая возможность; предполагается такая возможность); (2) Этот преподаватель может о самых сложных понятиях говорить просто (умеет, способен). С.И. Небыкова определяет (1) как выражение субъективной возможности (допускается модальная модификация), а (2) как выражение алетической возможности (модальная модификация не допускается) /1973, с. 86/. Представляется, что эти предложения передают разные значения объективной возможности.

Другим подходом к разработке категории возможности можно считать уточнение ее семантики на основе признака осуществимости действия. С этой точки зрения действие может характеризоваться как действие осуществившееся, действие осуществляющееся или как действие, реальность осуществления которого или возможна, или желательна, или необходима, или только предполагается (см. Волкова, 1978, с. 3). Все эти значения относятся к сфере модальности реальности, так как реальность бывает двоякой: достоверной или же предполагаемой (см. Еромолаева, 1977, с. 99 и др.). Это дало исследователям основание рассматривать модальность предположения наравне с модальностью реальности и нереальности в качестве отдельного типа (напр., Дуброва, 1978, с. 5). Однако ряд исследователей включает значение предположения в модальность недействительности (напр., Журавлева, 1977) и наравне с предположительностью выделяет в качестве синонимов значения потенциальности, гипотетичности и возможности (напр., В.П. Володин, Б.В. Хрычков), в связи с чем возникает вопрос об их различии. Если предположительность и гипотетичность – модальные синонимы (см. Будильцева, 1984, с. 6), а потенциальность есть разновидность объективной возможности (там же, с. 10), то в чем заключается связь между предположительностью и возможностью? Ведь вслед за Г.Г. Лебедевой /1962, с. 8/ можно считать, что понятие "возможность" просто включает в свое значение в качестве компонентов значения гипотетичности (предположительности) и потенциальности (т.е. возможности в будущем, наличности в потенции). Все попытки характеризовать предположение (гипотетичность) как субъективно-модальное значение (оценка достоверности сообщаемого с точки зрения говорящего), а потенци-

альность как объективно-модальное значение (оценка осуществимости действия), образующих во взаимодействии сферу предположительной (гипотетической) возможности (см. Будильцева 1984, с. 10, с. 17), на наш взгляд, не оправданы.

Отсутствие строгого определения семантической зоны модальности возможности объясняется, как нам кажется, тем, что до сих пор она не изучалась как функционально-семантическая категория, представляющая собой, по словам А.В. Бондарко, "отражение свойств и отношений реальной действительности" и имеющая "опору на язык" /1978, с. 73/. Основываясь на идеях материалистической диалектики, в частности, на мыслях Г.А. Брутяна, А.В. Бондарко констатирует, что объективная реальность (действительность) отражается в человеческом сознании именно в понятиях и языковых значениях: действительность опосредована для нас языком. "В реализации данного отражения существенную роль играет языковая семантическая интерпретация понятийных категорий, т.е. способ их языкового представления - представления в языковых значениях" /1978, с. 88-89/. Поэтому при определении сущности категории модальности и ее типов, в частности, при создании типологии возможности необходимо анализировать их языковую семантическую структуру и найти те семантические дифференциальные признаки, которые наиболее адекватно отражали бы сущность исследуемого объекта. В научной литературе уже имеется удачный опыт определения семантической зоны одного из модальных значений с помощью выделения определенных семантических дифференциальных признаков. Мы имеем в виду работу Н.Л. Мышкиной, посвященную анализу понятия "необходимость" /1979/. Семантические дифференциальные признаки понятия "необходимость" выделяются Н.Л. Мышкиной путем изучения содержания тех понятий, с которыми данное понятие находится в диалектической взаимосвязи /1978, с. 164/. Для категориального понятия "необходимость" это категории обусловленности, детерминантности, возможности и действительности. Взаимодействие этих категорий представлено исследователем в виде семантических оппозиций противоположных семантических дифференциальных признаков: 1) незакономерность-закономерность; 2) детерминированность-обусловленность; 3) обязательность-вынужденность; 4) потребность-долженствовательность; 5) регулятивность-предназначенность /1978, с. 171-179/. На основе данных дифференциальных признаков понятия "необходимость" и определяются модальные типы необходимости: закономерная необходимость; детерминирующая и обуславливающая

необходимость; каузальная, каузативная и целевая необходимость /1978, с. 181/.

На наш взгляд, существенным в изложенной концепции модальности необходимости является принципиальное ограничение понятия "необходимость" от категории необходимости. В понятии "необходимость" действительность отражается обобщенно в языковых семантических дифференциальных признаках, категория же необходимости выражает отношения (связи) данных семантических признаков, мыслимых в их целостности, обобщенно. Подобное разграничение понятий и категорий находится в соответствии с философским их пониманием. При этом само понятие "отношение (связь)" философы считают структурным, характеризующим именно структуру как систему отношений, а структура языка есть прежде всего система отношений между семантическими дифференциальными признаками, находящими свое отражение в грамматических категориях. Исходя из этого, грамматические категории – категории структурные, характеризующие непосредственные отношения (связи), присущие самой структуре языка. С другой стороны, все отношения обладают определенными свойствами – проявлениями их природы, внутреннего содержания – которые характеризуют данные отношения качественно, качество же есть единство элементов и системы их отношений на уровне всеобщности. Это – опосредованные отношения, которые философами понимаются как понятия функциональные.

На основе вышеизложенного можно предложить понимание категории модальности как категории функциональной, характеризующей качество (свойства) отношений между предикативными предметами в предложении с точки зрения говорящего лица, а грамматической категории наклонения как системы отношений семантических дифференциальных признаков, закрепленных за отдельными формами глагола. Поскольку основным носителем предикативного признака в предложении является глагол, то значения форм глагольного наклонения выражают основные, типичные модальные значения, но не исчерпываются ими. Чтобы акцентировать специфику подобной взаимосвязи между грамматической, по существу структурной категорией наклонения и функционально-семантической категорией модальности, мы предлагаем определить языковую модальность как категорию по существу функционально-структурную. Мы видим в этом удовлетворение единства системного и функционального подходов в анализе языковых явлений (см. Шелякин, 1979, с. 21).

Выше мы определили, что функционально-структурная категория модальности является нашим обобщенным представлением о качестве предикативных отношений. Это обобщенное представление базируется, с одной стороны, на качественной характеристике глагола-сказуемого, носителя предикативного признака, и с другой, — на речевой ситуации. Причиной (и стимулом) возникновения данного обобщенного (опосредованного) представления является познавательная-оценочная сущность человеческой деятельности: во-первых, человеку необходимо определить статус действительности относительно себя и, во-вторых, свой статус относительно действительности.

В первом случае это означает, что действительность или существует налицо или же она представлена в мыслях, в сознании в виде мыслимого представления, предположения, допущения, в виде возможного. Кроме того, действительность может вообще отсутствовать (ее нет или же быть не может) или она невозможна (в силу определенных обстоятельств, условий или самого себя).

Во втором случае статус говорящего относительно действительности может определяться или как наличный факт существования самого себя (я был, есть и буду); или же как обязанность, долженствование (не) существовать (я (не) должен; я (не) обязан; я буду (не) обязан, должен; я был (не) обязан, должен и т.д.);

или как допускаемость, разрешаемость (не) существовать (мне можно, мне нельзя, мне (не) допускается, мне (не) разрешается, я (не) имею право(а) и т.д.);

или как способность (я (не) могу желать, допускать, разрешать, приказывать и т.д.; (не) имею право(а) желать, допускать, разрешать, представлять себе в мыслях и т.д.);

или же как возможность/невозможность (со мною (не) может что-либо быть, случиться; что-либо возможно (невозможно) со мной; со мною что-либо предполагается, допускается, разрешается и т.д. делать-сделать и т.д.).

Таким образом, оценка статуса действительности и самого себя — это прежде всего модальная оценка, а качество модальных отношений, как отмечается исследователями, заключается именно в установлении наличия/отсутствия сообщаемого в действительности или же в очевидности/неочевидности сообщаемого, представляющей собой противопоставление по действительнос-

ти/недействительности. В сущности это означает, что качество модальных отношений определяется говорящим прежде всего относительно осуществяемости-осуществимости/неосуществяемости-неосуществимости, т.е. на шкале действительности или возможности сообщаемого. Поэтому свойства всех имеющихся модальных отношений делятся нами на действительные и возможные.

Данные свойства отношений могут быть обусловлены случайными обстоятельствами (случайностью) или необходимыми условиями (необходимостью), а также волей говорящего лица. Это положение подкрепляется диалектикой необходимого и случайного: "Необходимыми называются свойства и связи, обусловленные внутренними причинами вещи, явления, внутренней природой элементов, составляющих материальное образование; случайными называются свойства и связи, имеющие причину своего существования в другом, обусловленные стечением внешних обстоятельств" /Диалектический материализм, 1974, с. 254/. Поскольку диалектика необходимого и случайного относится к сфере существенных внутренних отношений объектов, то система модального противопоставления базируется, на наш взгляд, на семантических дифференциальных признаках действительности и возможности сообщаемого, обусловленных или необходимыми условиями, или случайными обстоятельствами.

Свойством действительности модальных отношений обладают те отношения, которые реально существуют как наличный факт, событие, состояние или такие отношения, которые осуществились (осуществлены) к моменту речи или должны осуществиться с объективной необходимостью (напр., ученик пишет; мама дома; он умолок; она увлечена музыкой; а также вам ехать, мне некогда, пора; идем, поехали и др.).

Свойством возможности обладают те модальные отношения, которые можно осуществить-осуществлять, что может осуществиться-осуществляться, т.е. то, что возможно, допускается, позволительно, разрешается осуществить-осуществлять (реализовать, совершить-совершать, выполнить-выполнять, привести-приводить в исполнение и т.д.): Я бы провозился (допущение) с палатками часа три, не менее (В. Белов) и под. Это то, что, во-первых, имеет возможность осуществления, совершения: можно (было) прибегнуть к использованию чего-л. в чем-л.; можно сыграть в рулетку; В любое время суток могла прийти к Лавевским ... (Г. Глазов); Есть бутерброд с сыром. Могу поделиться (Г. Глазов); Согласен на дополнительный тариф за срочность. Могу приехать немедленно (Г. Глазов); Ты можешь сме-

до не приезжать три дня (Н. Камышинская); Ничего, на третий этап можно носить раствор и носилками (В. Белов); Таля тоже потянулась к самолету, но довговязый не дал. - Ты изломаешь (имеется такая возможность). Таля захныкала ... (В. Шукшин); ... в них (в глазах) и потонуть недолго (С. Воронин); бывает любовь с первого взгляда (имеется такая возможность); - Оба, - повторила Сима, - по одному из них найдете (имеется возможность найти) меня ... (Г. Глазов); Разумеется, она не ни-када в подробности, это успеется (имеется такая возможность) (Н. Камышинская) и под.;

во-вторых, обладает возможностью, т.е. может что-либо делать-сделать, превращать-превратить какую-либо возможность в действительность при наличии определенных условий: Нако-нец в тепляке устанавливается тишина. Теперь Зорин сможет сесть за наряды (В. Белов); ... лишить места его можно лишь в случае совершения им каких-либо злоупотреблений или пре-ступлений ... (Из газеты); - Если ты не перестанешь сюда хо-дить, я спущу тебя туда. Понимаешь? Вниз головой (В. Белов); Я вполне мог отказаться от больного, поскольку на отделении и так имеется десять человек "сверх штата" (В. Белов) и под.;

в-третьих, имеет способность, умение что-либо осуществи-вить-осуществлять, обладает способностью (свойством, умени-ем и т.д.) делать-сделать что-либо, обладает возможностью осуществлять-осуществить что-либо: Шестьдесят две души ждут от меня немедленной помощи. Но я могу (способен, в силах) не больше того, что могу (на что способен, в силах) (В. Бе-лов); Зорин знает, каково ей в этой бригаде, но что он мо-жет делать (способен, в силах, в состоянии делать)? (В. Бе-лов); у вас есть способности к игре; я умею играть в волей-бол (я играю в волейбол); он любил (обладал способностью лю-бить) ее; Сможете вы отличить (в состоянии, способны) на ощупь разницу в два грамма? (В. Белов); он гениален, умен, способен, знающ и под.;

в-четвертых, может с нами случиться, произойти: Из лю-бого лабиринта можно выбраться. Даже из тупика (Г. Глазов); Благо в любое время, в любое место можно завербоваться (В. Белов); А тут еще какая-то дура сказала маме, что нельзя, чтобы парнишка так много читал, что бывает - зачитываются (В. Шукшин) и под.

Общим признаком, объединяющим приведенный набор модаль-ных значений возможности, является признак предполагаемости. Ср. толкование слова: предполагаемость I. допускаемость воз-

возможности чего-л.; 2. возможность чего-л.; 3. условие, пред-
посылка; 4. мыслимое допущение; догадка, соображение о воз-
можности, вероятности чего-л. Синон.: гипотеза, догадка, до-
мысел.

Любая предполагаемость есть единство допускаемости/не-
допускаемости и мыслимости⁺. Ср. толкование слова: допускае-
мость - 1. возможность предположения; 2. вероятность. Веро-
ятность - 1. возможность; 2. устар.: предположение, гипоте-
за. Синон.: возможность, шанс(ы), вероятие (устар.). Недопус-
каемость - 1. невозможность предположения; 2. невероятность.

Ср. толкование слова: мыслимость - 1. возможность; 2.
осуществляемость-осуществимость; 3. мысленная допускаемость-
допустимость, мысленное представление, предположение чего-л.
в мыслях, допущение. Синон.: возможность.

Допускаемость/недопускаемость конкретизируется в значе-
нии позволяемости/непозволяемости. Ср. толкование слова: поз-
воляемость - 1. разрешаемость; допускаемость; 2. представ-
ление возможности что-л. сделать-делать, предпринять-пред-
принимать. Синон.: позволительность, допустимость, возмоз-
ность. Непозволяемость - непозволительность, невозможность че-
го-л.

В данном случае говорящий оценивает возможность или не-
возможность осуществления события, сообщаемого с точки зре-
ния объективной - с точки зрения норм (поведения). Традици-
онно это - удел деонтической логики. Однако примеры типа Кре-
нивший Козлов ... пришел на объект пьяный. Зорин не мог до-
пустить (не имел права, возможности - непозволяемость) его к
работе (В. Белов); Все. Штукатуры и каменщики могут присту-
пать (имеют возможность, имеют право - позволяемость) (В. Бе-
лов); Что? Можете спокойно сидеть (имеете возможность, право
- позволяемость) в своем кресле ... (В. Белов); "Можешь не
возвращаться"! (имеешь возможность, право - позволяемость) А
что я такого сделал? Смех на палочке ... (В. Белов); Можете
идти (имеете право, возможность - позволяемость) и под. ука-
зывают на то, что понятие позволяемость/непозволяемость яв-

⁺ На связь данного понятия с допускаемостью/недопускае-
мостью указывается, в частности, как в философской литературе
(напр., Материалистическая диалектика, 1981, с. 199), так и в
модальной логике. Например, О.Ф. Серебряников, стремясь вы-
яснить источник трудностей в модальной логике, обратился к
лингвистическому анализу многозначности модальных операторов
и выделил в качестве основного, наиболее общего компонента
значения модального оператора "возможно" значение "допускае-
мо" /1964, с. 109/.

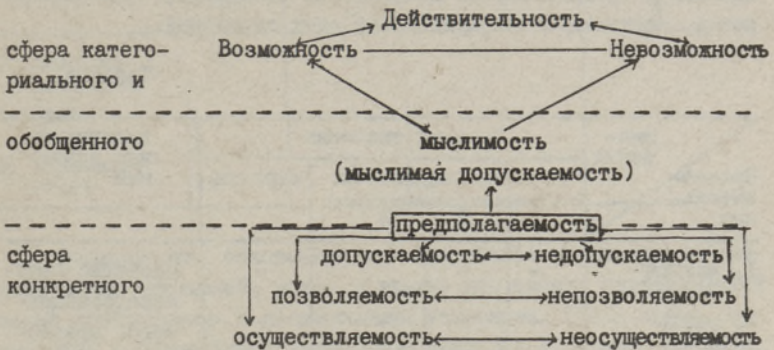
ляется пограничным, ограничивающим сферу возможности/невозможности, например, от сфер необходимости, обязательности, вынужденности.

Продолжая наши рассуждения, отметим, что предполагаемость конкретизируется далее в признаке осуществляемости/неосуществляемости события или сообщаемого. Ср. толкование слова: осуществляемость - свойство осуществляемого; то, что можно осуществлять-осуществить, что может осуществляться-осуществиться. Синон.: возможность, реальность (действительность), выполняемость-выполнимость (исполняемость-исполнимость, совершаемость-совершимость), достигаемость-достижимость (возможность достигнуть чего-л.). Неосуществляемость - свойство неосуществляемого, невозможного. Синон.: невозможность исполнения, превращения в жизнь (в реальность, в действительность), невозможность становления действительным, реальным, исполнимым, совершимым. Что же касается мыслимости, то она есть возможность представления чего-либо в мыслях как субъективная возможность или невозможность допущения чего-либо. С другой стороны, мыслимость есть и то, что может быть, случиться - то, что способно быть возможным или невозможным. Исходя из этого, мы будем говорить о мыслимости как о субъективно-объективной оценке возможности или невозможности осуществления события. Ведь, в конечном итоге, любое субъективное определяется объективным, предполагаемость как мыслимость есть их единство: мыслимой допускаемости и присущей предикативным предметам внутренней способности (потенции). В этом плане смысловая структура понятия "возможность-невозможность" есть выявление его онтологической сущности, всякое же деление возможности и невозможности на субъективную и объективную условно, искусственно и является, по сути дела, абсолютизацией противоположностей, вместо того, чтобы видеть их сущность - диалектическое единство противоположностей.

Таким образом, понятие "предполагаемость" имеет собственную иерархическую структуру, элементы значения которой в диалектическом взаимодействии друг с другом и во взаимозависимости раскрывают содержание категории возможности/невозможности (см. схема I).

В схеме изображены в виде триад, с одной стороны, сфера категориального (Возможность - Действительность - Невозможность) и с другой - понятийного содержания "возможность-невозможность", объединенных воедино в центральном понятии

Иерархическая структура понятия "предполагаемость"

"предполагаемость" (допускаемость—предполагаемость—недопускаемость; позволяемость—предполагаемость—непозволяемость, осуществляемость—предполагаемость—неосуществляемость). Таким образом, предполагаемость определяется нами как понятийно-языковое ядро категории возможности/невозможности.

В выборе данных компонентов значения сыграла роль также степень конкретности того или иного значения. Так, например, допускаемость—допустимость является относительно своих синонимов (позволительность, дозволительность, дозволенность) менее конкретным, более отвлеченным компонентом значения, как и осуществляемость—осуществимость относительно совершаемости—совершимости, реализуемости, исполнимости—исполняемости, выполнимости—выполняемости, достижимости—достигаемости. С другой стороны, эти компоненты значения наиболее непосредственно и однозначно связаны с компонентом значения "возможность" и "реальность" (см. табл. I, 2), образуя тавтологический круг. В семантических определениях, как известно, тавтология необходима как показатель взаимоотношения между словами, как наиболее экономный и доступный метод выявления связи между ними.

Далее, допускаемость/недопускаемость в плане предполагаемости всегда в одних связях, отношениях необходима, в других — случайна. Это философское положение дало ученым основание рассматривать необходимое и случайное как "разные способы" осуществления возможности, т.е. ее превращения в действительность (см. Материалистическая диалектика, 1981, с.

207). Поэтому возможность можно рассматривать, во-первых, как возможность, основанную на объективной необходимости отношений между предикативными предметами; во-вторых, как возможность, основанную на случайности этих отношений.

Таблица I

Сущест- витель- ные	Зна- чения	Частные значения			Инвариант- ное значе- ние	
		возможн. осуществл.				вероятн.
		I	2	3		
1. возмож- ность	-	-	-	-	свойство при- знака сообщае- мого: предпо- ложение, ука- зание на веро- ятность, воз- можность его осуществления	
2. реаль- ность	-	-	-	-		
3. осу- ществляе- мость	+	+	-	-		
4. соверши- мость	-	-	+	+		
5. реализуе- мость	+	-	-	-		
6. исполним- мость	+	-	-	-		
7. выполни- мость	+	+	-	-		
8. достижи- мость	-	+	-	-		

I - возможность привести в исполнение что-либо

2 - возможность прийти к цели (исполнение намеренного)

3 - возможность превращения в действительность

Таблица 2

Сущест- витель- ные	Зна- чения	Частные значения			Инвариант- ное значе- ние
		предпол.	вероятн., возможн.	допущение правилами, нормой	
I		2	3	4	5
1. возмож- ность		+	+	+	см. табл. I
2. допус- кае- мость		+	+	+	

I	2	3	4	5
3. позво- литель- ность	-	+	+	
4. дозво- литель- ность	-	-	+	
5. дозволен- ность	-	-	+	

Возможность, основанная на объективной необходимости предикативных отношений, может обладать для своего осуществления всеми необходимыми и достаточными условиями. Такая связь называется в философской литературе реальной возможностью (напр., Смирнов, Штофф, 1964, с. 66 и след.). Это значит, что возможность допускаема и тем самым реально осуществляется (в силу объективной необходимости).

Нам представляется, что понятие реальной возможности конкретизируется, исходя из наличия/отсутствия или взаимодействия необходимых условий и случайных обстоятельств в осуществлении возможности условия. Во-первых, в настоящее время (а также в прошлом) имеются (имелись) налицо все необходимые для осуществления возможности условия. При этом отсутствует (отсутствовало) воздействие каких-либо случайных обстоятельств. В итоге возможность осуществляется (осуществилась) в силу объективного положения дел. Такую возможность мы назвали объективно обусловленной возможностью (есть к кому пойти; есть о чем поговорить; есть где отдохнуть; гулять здесь не запрещается; конца не предвидится и под.). Во-вторых, имеется (имелось, будет) наличие необходимых условий и положительное содействие случайных обстоятельств. В результате возможность переходит (перешла, перейдет) в действительность, т.е. осуществляется (осуществится, осуществилась). Такую возможность мы назвали ситуативно обусловленной возможностью (в переулке едва разминуться двум машинам; перерывы допускаются/возможны - потому что все устали и под.). В-третьих, для осуществления возможности реально отсутствуют (отсутствовали, будут отсутствовать) необходимые условия, однако свою роль сыграет (сыграл) "счастливый случай", "стечение обстоятельств", и в итоге возможность реализовалась. Такую возможность мы называем возможностью, обусловленную случаем (может случиться встретиться с разными людьми; случается ошибаться; случилось заблудиться;

бывают случаи; в случае чего; начинает становиться не о чем говорить; ему стало не до расспросов; начинает становиться (быть) проблемой и под.). По сути дела, этот тип возможности представляет собой разновидность ситуативно обусловленной возможности.

Таким образом, реальная возможность внутренне неоднородна. Область реальной возможности представляет собой определенную шкалу степеней (взаимопереходов) по признаку необходимости осуществления возможности. Эти степени можно рассматривать также как степени обязательности перехода в действительное (и наоборот - действительного в возможное).

Возможность, основанная на случайности, характеризуется как такая, которая может быть, а может и не быть. Поэтому не всякое случайное есть возможное. Чтобы определить, какое же случайное есть возможное, какое - нет, необходимо определить степень (меру) их возможности. А степень возможности есть вероятность их появления. Это значит, что возможность осуществления сообщаемого, события предполагаема и в силу случая может быть осуществляема или неосуществляема. При этом следует отметить, что понятия "вероятность" и "предполагаемость" в данном случае обозначают для нас разные сущности. Вероятность характеризует отношения между предикативными предметами с точки зрения онтологической, объективной, а предполагаемость - с точки зрения говорящего лица, т.е. с точки зрения гносеологической, субъективной. Таким образом, и здесь, в принципе, можно составить шкалу возможностей по признаку степени, однако степени случайности их осуществления, перехода в действительность. Полярными моментами при этом являются, с одной стороны, свойства отношений между предикативными предметами, вероятность осуществления которых равняется 1 (могут произойти, для их осуществления нет (не было) препятствий - реальная возможность), и с другой стороны, для осуществления которых нет, не было и не будет никаких условий - они объективно не могут появиться. Вероятность подобных событий равняется 0. Это - неосуществимая возможность (ему ни слова не сказать; его не убедишь; он бы не согласился и под.). Для ее осуществления нет, не было и не будет ни необходимых условий, ни воздействия случайных обстоятельств, ни наличия объективной тенденции развития. С другой стороны, существует и такая возможность осуществления чего-либо, когда имеются (имелись) все условия для ее осуществления, но помешали случайные обстоятельства ("роковой случай"). В итоге реальная возможность

не может осуществиться. Таку́ю возможность мы назовем неосуществленной (неосуществившейся) возможностью (выигрывать не случилось/не было возможности; голосов не слышно; цветов не посажено; следов не заметно - в действительности нет ожидаемого результата действия и под.). Приведенные два типа возможности, основанные на случайности связей, отношений между явлениями действительности, объединяются нами в область нереальной возможности.

Кроме названных типов возможностей, следует указать еще на такой тип, который, по сути дела, объединяет противоположные области реальной и нереальной возможностей. Это тот случай, когда необходимые для осуществления возможности условия реально отсутствуют (отсутствовали), случайные обстоятельства никак не воздействуют (воздействовали), но условия для реализации возможности появятся в будущем объективно как тенденция развития всеобщего в единичном и конкретном. Это значит, что возможность чего-либо допускаема (позволяема) и в целом в силу объективной необходимости явлений природы и общества осуществима. Такая возможность есть теоретическая возможность (намечается организовать кружок; предполагается закончить ремонт; мечтаю отправиться в море, думал(надеялся) отпраздновать свой день рождения в кругу друзей; ... украду я кружку - куда ее денешь? (Троепольский); - Ух, она же и поест у нас сейчас /о корове/ (В. Шукшин); Так и вижу нашу Райку - как она уткнет свою морду в это добро (В. Шукшин) и под.).

Итак, на основе вышеизложенного получено представление о нашем понимании онтологической сущности функционально-структурной категории возможности (см. табл. 3).

Выше описывалась обусловленность возможности сообщаемого необходимыми условиями и случайными обстоятельствами. Теперь обратим внимание на признак обусловленности возможности сообщаемого волей говорящего лица.

Обусловленность осуществимости/неосуществимости предикативного отношения волей говорящего есть проявление его активности/пассивности.

Возможность осуществления события, сообщаемого обусловлена волей, если мы имеем в виду наши действительные, реальные, присущие нам умения, знания, способности что-либо делать-сделать (я умею петь, он поет, он знает и под.). Однако всякое умение, пока оно не реализовано, остается возможностью, но возможностью вполне реальной, осуществимой по воле гово-

зойти), то такая возможность скрыта от нас в действительности и есть, по Аристотелю, "бытие в возможности" /Слинин, 1982, с. 28/. Мы можем ее лишь мысленно допускать, предполагать, основываясь на наших познавательных способностях. Поэтому скрытая возможность - "бытие в возможности" - это "пассивная способность" (Аристотель) /Слинин, 1982, с. 23/. На наш взгляд, это возможность в потенции, или пассивная возможность. Напр.: может случиться несчастье; может случиться встретиться (согласиться); мы можем ошибиться; они могли не знать дороги и под.

Признаки и активности и пассивности включает такая возможность, которая характеризуется, по Аристотелю, "способностью к бытию" /Слинин, 1982, с. 29/: что-либо может быть и (может) не быть. Это, на наш взгляд, - "потенция в бытии", или потенциальная возможность. Напр.: а он мог мне на это ответить; а он мог уйти отсюда и не расплатиться; не скажу, не вспомню и под.

Признак активности/пассивности конкретизируется нами в дальнейшем в признаке детерминированности/недетерминированности. Так, активная возможность (способность) детерминирована как закономерностями развития, так и волей говорящего. Пассивная возможность, или "бытие в возможности", детерминирована закономерностями развития или обязательно (с присущей действительности необходимостью развития), или необязательно. Назовем первую тендентивной возможностью (создались, создаются, имеются; есть, были все возможности для чего-л.; что-л. тянет слушать - т.е. имеется такая тенденция, исходящая из пассивной возможности субъекта и под.). По своей природе она связана с теоретической возможностью и является ее подтипом. Вторую же мы назовем потенцией (быть грозе, быть дождю; если бы не дождь, я бы пошла и под.) и включаем тоже в теоретическую возможность, однако в такую, которая обнаруживает определенную связь с ситуативно обусловленной возможностью. Ведь потенция может быть необязательно реализована, если для этого нет необходимых условий или же она может быть реализована, но не обязательно, а в силу каких-либо содействующих обстоятельств. Превращение имплицитно содержащегося в эксплицитное всегда детерминировано какими-то закономерностями, однако иной вопрос, проявляются ли эти закономерности с объективной необходимостью или же они просто необязательны.

Потенциальная возможность, или "способность к бытию" ничем не детерминирована - ни закономерностями развития, ни во-

лей говорящего. Поэтому она является тоже подтипом теоретической возможности. Однако посредством признака "может быть, а может и не быть" она связана со сферой случайного и через нее - с нереальной возможностью, а через нее - с невозможностью (она было заснула; мальчик упал было и под.).

Таким образом, функционально-структурная категория модальности определялась нами на основании оценки говорящим наличия/отсутствия в действительности события или сообщаемого, обозначенного предикативным отношением. Исходя из этого, мы выделили модальность действительности, противопоставив ей модальность возможности.

Второе деление производилось на основании оценки осуществяемости/неосуществяемости события или сообщаемого. Поскольку понятие "осуществяемость" непосредственно связывается с тем, что можно осуществлять-осуществить, что может осуществляться-осуществиться, то понятие "осуществяемость" относится только к сфере модальности возможности. Говорящий оценивает возможность или невозможность события (сообщаемого) с точки зрения его реальности, предполагаемости или нереальности. В итоге нами выделены три типа возможности: реальная возможность осуществления события, теоретическая возможность осуществления события и нереальная возможность осуществления события. Реальная возможность взаимодействует с модальностью действительности, нереальная возможность - с модальностью невозможности.

Кроме того, следует отметить, что осуществяемость события может быть оценена и с точки зрения его обусловленности необходимыми условиями, случайными обстоятельствами и волей говорящего, а также с точки зрения детерминированности закономерностями развития и волей говорящего лица.

В итоге приведенные выше признаки в их взаимодействии позволили нам представить типологию модальности возможности в онтологическом аспекте (см. табл. 4). Дальнейшая разработка сущности категории возможности/невозможности в модальном плане должна производиться, на наш взгляд, на основе анализа качественной характеристики действия, выражаемого предикатом. Отметим, что в этом ракурсе модальность действительности и модальность возможности конкретизируются по признаку направленности/ненаправленности действия на предел (по времени и по результату). В итоге модальность действительности характеризуется, с одной стороны, как обладающая признаком временной локализованности действия (в настоящем или в прош-

Типология модальности возможности
(онтологический аспект)

Признаки	Типы возможности				
1. Оценка события с точки зрения его осуществимости/неосуществимости.	Возможность ← → Невозможность				
2. Оценка отношения между предикативными предметами с точки зрения	реальная возм.	теоретическая возм.			нереальная возм.
а) наличности-предполагаемости-отсутствия,	активн. возм.	пасс. возм.	потенц. возм.	↓ неосуществимая возм.	
б) внутренней присущности/неприсущности.					
3. Оценка обусловленности/необусловленности предикативного отношения (необходимыми условиями, случайными обстоятельствами и волей говорящего).	объект. обусл. возм.	ситуат. обусл. возм.	обусл. волей возм.	объект. и волей возм. (неосуществленная возм.)	объект., ситуат. и волей возм. не обусл. возм.
4. Оценка детерминированности/недетерминированности предикативного отношения (закономерностями развития и волей говорящего).	детерминированная закономерностями развития возм.	дет. закономерностями развития возм. (тендентивная возм.)	не обязательно детерминированная закономерностями развития возм. (потенция)	не дет. ни закономерностями, ни волей говорящего возм.	
		детерминированная волей говорящего возм.			

лом, и, с другой стороны, как обладающая признаком результативности действия. Модальность возможности характеризуется: а) признаком локализованности действия планом будущего или же признаком временной нелокализованности действия, что обуславливает появление значения неопределенности, т.е. мысленной допускаемости, предполагаемости и связывает его со сферой возможного; б) признаком нерезультативности действия.

Следует отметить, что в философской литературе подчеркивается, с одной стороны, соотносительность категории возможности исключительно планом будущего времени (напр., Силин 1982, с. 20), а с другой стороны, существует мнение, согласно которому диалектика возможного охватывает все временные планы /Маковка, 1972, с. 42, с. 159/ и устанавливается относительно момента речи или же настоящего момента действительности. В этом аспекте прошлое является не только осуществленной возможностью, т.е. действительностью, но и множеством возможностей, определяющих сущность настоящего, а настоящее, в свою очередь, есть множество возможностей, определяющих будущее, будущую действительность. Представляется, что диалектика возможного заключается именно в его всесторонней связи с действительностью во всех временных планах. Ведь, как отмечается, превращение возможности в действительность есть переход из неопределенности в определенность /Маковка, 1972, с. 157/. Кроме того, в основе диалектики действительности и возможности видят именно взаимосвязь временных планов настоящего и будущего. /Материалистическая диалектика как... 1983, с. 295/. Поэтому, на наш взгляд, прошлое включает в себя и определенность, и неопределенность; настоящее есть определенность, включающая зачатки неопределенности (в чем, на наш взгляд, причина споров относительно настоящего-будущего времени совершенного); а будущее есть неопределенность.

Таким образом, именно признак локализованности действия во времени противопоставляет модальность действительности модальности возможности в плане определенности/неопределенности, соотносимой с конкретностью/абстрактностью (отвлеченностью, обобщенностью) действия. Данная проблематика, однако, является темой специального изучения.

Л и т е р а т у р а

И. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

- 175 с.

2. Бондаренко В.Н. О содержании категории наклонения в описательных грамматиках. - Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1980, № 6, с. 563-570.
3. Будильцева М.Б. Выражение модальных значений возможности и предположительности в русском и испанском языках. АҚД. М., 1984. - 21 с.
4. Ваулина С.С. Выражение возможности в модальных конструкциях с прямым пассивным субъектом. - В сб.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1978, с. 38-44.
5. Волкова Л.Б. Морфологические средства выражения модальности реальности в современном немецком языке (парадигма реализа). АҚД. М., 1978. - 25 с.
6. Диалектический материализм /Под ред. А.П. Шептулина. М., 1974. - 328 с.
7. Дуброва А.С. Система средств выражения нереальности в современном английском языке. АҚД. М., 1978. - 24 с.
8. Ермолаева Л.С. Типология системы наклонений в современных германских языках. - ВЯ, 1977, № 4, с. 97-106.
9. Журавлева В.В. Взаимодействие отрицания с модальностью недействительности в простом предложении (на материале немецкого языка). АҚД. М., 1977. - 18 с.
10. Крашенинникова Е.А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке. Изд. 2-е. М., 1958. - 186 с.
11. Крашенинникова Е.А. Ирреальная модальность в немецком языке. - ВЯ, 1960, № 3, с. 86-90.
12. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности. - ВЯ, 1961, № 1, с. 94-98.
13. Лебедева Г.Г. Условное наклонение в итальянском языке (на материале сложного предложения). АҚД. М., 1962. - 14 с.
14. Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности. - В сб.: Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 341. М., 1969, с. 205-232.
15. Маковка Н.М. Категория возможности и действительности. Краснодар, 1972. - 320 с.
16. Материалистическая диалектика, т. I. Объективная диалектика /Отв. ред. Ф.Ф. Вяткерев. М., 1981. - 374 с.
17. Мышкина Н.Л. К вопросу об исследовании системы значений необходимости и способов их выражения в немецкой и русской научной речи. - В сб.: Стиль научной речи. М., 1978, с. 164-182.

18. Мышкина Н.Л. Значение необходимости и способы передачи этих значений в оригинальных и переводных текстах немецкой и русской научной речи. АКД. М., 1979. – 25 с.
19. Небыкова С.И. Синонимия средств выражения модальности возможности и необходимости (на материале художественной литературы). – ФН, 1973, № 3, с. 85–92.
20. Рудник Э.Я. Семантический анализ модального глагола мочь методом сопоставления его с немецкими эквивалентами. – В сб.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1976, с. 144–148.
21. Серебрянников О.Ф. Понятие модальности в формальной логике. – В сб.: Вопросы диалектики и логики. Л., 1964, с. 101–111.
22. Слинин Я.А. Об аристотелевском понимании возможности. – В сб.: Логика и философские категории. Л., 1982, с. 19–32.
23. Смирнов Л.В., Штофф В.А. Соотношение возможности, вероятности и необходимости. – В сб.: Проблема возможности и действительности. М.–Л., 1964, с. 55–72.
24. Шелякин М.А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий. Статья вторая. – Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 486. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XXX. Проблемы описания системы языка и ее функционирования. Тарту, 1979, с. 3–22.
25. Штофф В.А. См. Смирнов Л.В.

О ФУНКЦИЯХ ВИДОВЫХ ФОРМ РУССКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ОТРИЦАНИИ ДЕЙСТВИЯ

М.А. Шелякин

Употребление видовых форм при отрицании действия имеет свою специфику и особые закономерности. Это связано с тем, что при отрицании формы вида выбираются с учетом того семантического потенциала, которые они содержат вследствие влияния отрицания на значения целостности/нецелостности и нейтральную функцию формы несовершенного вида.

"Механизм" появления новых функций у видовых форм при отрицании заключается, на наш взгляд, в следующем. Наличие отрицания при глаголе не превращает значение нецелостности (несовершенного вида) в значение целостности (совершенного вида) и наоборот: отрицаются не видовые значения, а действия с видовыми характеристиками. Однако в связи с тем, что значение целостности в известном смысле предполагает "процессную" часть (правда, не для всех глаголов), оно при отрицании может имплицитно содержать указание на "нецелостность" в проявлении действия: ср. он так и не решил задачу. Вместе с тем это не значит, что при отрицании глаголы совершенного вида выражают отсутствие признаков совершенного вида: отрицается достижение тех пределов, которые обозначаются тем или иным глаголом совершенного вида, а не сами пределы. На основании такого влияния отрицания на значение целостности действия у формы совершенного вида возникают различные модальные созначения, указывающие на причины недостижения пределов целостного действия: ср. он так и не решил задачу = не смог решить. Этих модальных созначений форма совершенного вида в утвердительных высказываниях может иметь и может не иметь, но в условиях отрицания действия они становятся одним из релевантных признаков совершенного вида, который учитывается в определенных речевых и предметных ситуациях: ср. здесь не пройти = нельзя пройти, его не понять = невозможно понять.

Так как значение нецелостности действия сводится к обозначению его в самом осуществлении, как имеющее временную перспективу в развитии или течении и непосредственно связанное

с субъектом, то отрицание данного значения - это отрицание реализации действия. Значение отрицания реализации действия может быть связано с выражением а) реализации другого действия (ср. я не пишу, не писал, не буду писать, а читаю, читал, буду читать), б) возможной, ожидаемой реализации отрицаемого действия (ср. почему ты не уходишь? дрова долго не разгорались), в) реализации отрицаемого действия в других условиях или в другом характере проявления (ср. Волга не течет на север, она течет на юг; я не хожу каждый день к нему, как ты), г) отсутствия умения привычки или каких-либо обстоятельств для осуществления отрицаемого действия (ср. я не курю, не играю в шахматы, не спал всю ночь из-за шума машин). Такое значение отрицания реализации действия можно назвать значением обусловленного отрицания реализации действия (в дальнейшем - отрицания реализации действия).

Однако в русском языке наблюдается и другое значение отрицания, связанное с формой несовершенного вида, когда отрицается обобщенно-фактическое и частно-фактическое значения несовершенного вида, которые мы считаем аспектуально нехарактеризованными (нейтрализованными): ср. Я никогда не читал этой книги; ты покупал/купил эту книгу? - Нет, я не покупал этой книги. Здесь уже подчеркивается несколько другой характер отрицания - полная непричастность субъекта к действию, отсутствие даже намерения его совершать, т.е. значение необусловленного отрицания реализации действия. Назовем это значение значением эмпатического отрицания. Становится понятной природа эмпатического отрицания: оно основывается на отрицании действия, не осложненного аспектуально-видовой характеристикой: выражение полной непричастности субъекта к действию безразлично к аспектуальному способу его проявления.

Таким образом, в отрицательных высказываниях мы имеем дело с новыми, дополнительными функциями видовых форм: с функцией абсолютного отрицания действия несовершенного вида (с вариантами: отрицания реализации действия и эмпатического отрицания) и с функцией модального (относительного) отрицания действия совершенного вида. Их особый функциональный статус или аспектуальная релевантность подтверждается противопоставлением одной видовой формы с отрицанием двум видовым формам в утвердительных высказываниях: ср. об этом надо рассказать/рассказывать - об этом не надо рассказывать (об этом надо рассказать ему - об этом не надо рассказывать ему,

об этом надо рассказывать всем - об этом не надо рассказывать всем), ср. также: Ты возьмешь сейчас эту книгу? - Нет, я не буду брать сейчас эту книгу, возможно и употребление совершенного вида "нет, я не возьму сейчас эту книгу", но он подчеркивает модальность отрицания (не могут, нет портфеля и т.д.). Под функцией абсолютного отрицания действия мы понимаем выражение отсутствия связи субъекта с действием, отсутствия действия как реального факта. Под функцией модального (относительного) отрицания - отрицание достижения пределов вследствие каких-то, главным образом модальных причин.

В связи с тем, что при отрицании форма несовершенного вида "покрывает" как частные значения совершенного вида, так и частные значения несовершенного вида, встает вопрос об отношении функции абсолютного отрицания к видовой аспектуальности. Можно подумать, что здесь совмещаются в одной форме частные значения несовершенного и совершенного вида и, следовательно, форма несовершенного вида предстает как сложная форма. Представляется, однако, более правильным другое решение вопроса. При выражении отрицания реализации действия происходит совмещение (омонимия) частных значений несовершенного вида, так как при этом имеются в виду соответствующие аспектуальные ситуации. При выражении отрицания формой несовершенного вида действия совершенного вида мы имеем дело с нейтрализацией видов, т.е. с переходом говорящего на эмфатическое отрицание: при выборе формы вида в таких случаях он руководствуется не формой вида в утвердительных предложениях, а коммуникативной задачей выразить эмфатическое отрицание действия. Нейтрализация видов при эмфатическом отрицании снимает не только противопоставление несовершенного/совершенного вида, но и противопоставление частных значений несовершенного вида в утвердительных предложениях: ср. Не входить! (применимо к любому аспектуальному проявлению действия), но: Входить по одному (только кратное значение), Не встречаться бы тебе с ним и Встречаться бы тебе с ним, Не встречайся с ним и Встречайся с ним, Не ходи туда и Ходи туда (каждый день). Напротив, при выражении отрицания реализации действия говорящий руководствуется аспектуальными ситуациями утвердительных предложений: ср. отрицание конкретно-процессного действия: "Фахнин намеренно молчит, а Таланов все не уходит" (Леонов), конативного действия: Я не давал ему денег: он бы их не взял, неограниченно-кратного действия: Он больше не встречается с ней, потенциально-постоянного действия: Он не избегает встреч со мной.

Так как эмфатическое отрицание не связано с отрицанием видовых значений, то оно предполагает определенные значения отрицательных предложений. К таким значениям мы относим:

1. Обобщенно-фактическое значение в индикативе: Я не читал этой книги, не брал этой книги и под.

2. Значение запрещения: Не входить! Не ходи туда!

3. Значение отрицательного желания: Не встречаться бы тебе с ним.

4. Значение отрицательного отношения говорящего к реализации действия: Не ночевать же тут? Зачем же вам уходить! Что тебя убеждать? Куда тебе драться?

5. Значение предопределенной (предсказуемой) ненужности, объективной неизбежности отсутствия действия: Ему экзамена не сдавать, Тебе с такими данными в театре не выступать, Нам за них не отвечать, Мне некогда книги читать, Хвалить его не за что, И смотреть тут не на что.

6. В сочетаниях с зависимым инфинитивом: а) значение каузации не совершать действие: отговорить ехать, просить не читать, разрешить не присутствовать, советовать не рассказывать и под.; не рекомендовать читать, не давать говорить; не надо/не нужно/не следует/не стоит/не имеет смысла/, необязательно/нет оснований писать, ходить, решать и т.д.; надо ли/следует ли/, имеет ли смысл читать, писать и т.д.; стыдно плакать, глупо говорить об этом, вредно курить, неприлично шептаться, нехорошо обманывать, опасно играть с огнем и под.; б) значение категорического нежелания субъекта совершать действие: и не думал говорить с ним, у меня нет никакого желания ехать туда, никакой охоты смотреть этот фильм, я так не хочу идти туда, я их терпеть не мог, видеть его не могу и под.; в) значение отказа субъекта от намеренного осуществления действия: решил не брать ребенка из детсада, договориться не переносить собрание, обещать больше не ходить туда, дать клятву больше не обманывать, передумать отправлять посылку и под.

Функция модального отрицания совершенного вида, как и функция абсолютного отрицания несовершенного вида, несколько шире частных значений совершенного вида, обнаруживающих себя в утвердительных высказываниях. Так, употребление формы совершенного вида в функции модального отрицания распространяется не только на конкретно-фактическое и др. частные значения совершенного вида, но и на значения, характеризующиеся обобщенностью: ср. " - Есть некоторые оскорбления, Авдотья

Романовна, которые при всей своей доброте забыть нельзя-с" (Достоевский) – модальность обобщенной субъективной невозможности, противопоставленная модальности запрещения (ср. забывать нельзя). Для функции модального отрицания совершенного вида характерны три типа модальности:

1. Модальность субъективной невозможности совершить действие, основанная на каких-то объективных или субъективных причинах: а) в личных формах типа: я здесь не пройду, ты не переведешь текст, он не прошел дистанции, не уснул всю ночь; б) в форме независимого инфинитива: тебе не поступить в институт, нам пешком туда не добраться, ему дороги не найти, ему не решить этот вопрос, вас не понять, похвалить его не за что, лучше не придумать и под.; в) в форме зависимого инфинитива: он может не решить эту задачу, здесь нельзя пройти – грязно, окно невозможно открыть – оно забито гвоздями, в такую погоду разве можно удержать детей дома, неужели можно переплыть эту реку? не сумел достать билеты, не удалось купить пальто, не успел прочитать книгу;

2. Модальность опасения в возможном осуществлении действия: а) в личных формах индикатива: как бы он не простудился, мы беспокоились, что ты забудешь прийти в гости, я очень сомневаюсь, чтобы они выполнили работу в срок, я не думаю, что он вернется б) в императивной форме: не упади, смотри, не заболей!, ср. также в форме сослагательного наклонения: не повредила бы ему эта затея и под.

3. Модальность невозможности ожидаемого действия: "Отец не придет, – откладывая письмо, сказала мать, – у него много работы..." (Гайдар), я ничего не узнал о нем, это лекарство не помогло больному, тропинка нам не попалась и под.

Особый функциональный статус абсолютного отрицания несовершенного вида и модального (относительного) отрицания совершенного вида подтверждается также тем, что они могут нейтрализоваться при условии, если контекст или лексическое значение глагола содержат показатели той или иной функции отрицания. Следовательно, мы опять сталкиваемся с явлением нейтрализации видов, но уже на новой основе. Ср. "Рассудок пытался (модальность попытки, ожидаемости действия) возмутиться, и не возмущался" (А. Толстой), возможна замена "не возмущался"; "... пробормотал Ставрогин, который очень бы мог (модальность возможности) встать и уйти, но не вставал и не уходил" (Чехов); "Он живо, без малейшей раскачки вскочил на ноги, начал звонить одному секретарю, другому, треть-

ему. Никто (показатель абсолютного отрицания) не отозвался". (Абрамов), возможна замена на "не отзывался". Ср. также: "Я был уверен, что именно здесь, в этом парке, встречу свою незнакомку. Но она не приходила" (Паустовский), возможна замена "не пришла" – модальность ожидания; Сколько я ни звонил и ни писал ему, но он не отозвался/не отзывался, Он не старался обмануть/обманывать его, Я не хотел обидеть/обижать вас – модальность ожидания; Почему вы не хотите со мной даже говорить/поговорить, слушать/послушать меня? – ситуативно представленное ожидание действия; Она не отошла/не отходила от меня ни на минуту – показатель абсолютного отрицания (эмпатического).

Отмеченные условия нейтрализации абсолютного и модального отрицания действия могут встречаться и в отвлеченно-потенциальных высказываниях, являющихся позициями нейтрализации видов в утвердительных предложениях: ср. Он никогда ничего никому не делал/не сделал плохого, Она никогда не говорит/не скажет неправды, не отступала/ не отступила от своих принципов, С тех пор он ни разу не упоминал/не упоминал о своем поступке.

Следует отметить, что во всех случаях указанной нейтрализации отрицательных функций видовых форм несовершенный вид подчеркивает более категорический характер отрицания, а совершенный вид – оттенок отрицания потенциального действия, т.е. формы видов сохраняют свои коннотации.

В итоге рассмотрения функций видовых форм при отрицании можно сделать общий принципиальный вывод: выбор форм видов в отрицательных высказываниях диктуется особыми правилами, не всегда совпадающими с правилами выбора форм вида в утвердительных предложениях.

ПЕРЕХОД [Е] В [О]
(ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Ю.С. Кудрявцев

I

Переход [е > о] – сравнительно хорошо изученное явление русской исторической фонетики. Установлены синтагматические условия перехода /Шахматов 1915/. Доказано нефонетическое происхождение [о] на месте старого [е] в абсолютном конце слова¹. Отмечена дополнительная дистрибуция звуков [о] и [е] установившаяся после вторичного смягчения подумягких /Якобсон 1929; Аванесов 1947/, тем самым вскрыты функциональные предпосылки интересующего нас явления. Различия в объеме языкового материала, охваченного переходом, по разным восточнославянским языкам спроецированы на временную ось /Ягич 1889; критику иных интерпретаций см.: Филин 1972, 186–187/.

Наряду с этим многие моменты остаются дискуссионными, а высказанные по ним соображения должны расцениваться как гипотезы. Споры идут по вопросам об отношении перехода к ударению, о хронологии явления, о надежности письменных фактов, трактуемых разными учеными как проявление перехода [е] в [о] и по ряду других, более мелких.

В последние годы больше, чем раньше, пишут о возможных причинах перехода /Иванов 1968, 100–101, 106; Колесов 1980, 174–179/. При этом разные авторы дружно подчеркивают слабость функциональной нагрузки противопоставления [е ~ о] на стыке основы и флексии и соответственно "функциональную тождественность" данных звуков в составе флексий. Однако эксплицитный анализ всей причинно-следственной проблематики перехода [е > о] в литературе отсутствует. Наша точка зрения на место проблемы причинности в диахронической фонологии охарактеризована ранее /Кудрявцев 1982; ср. аналогичные соображения в работе: Журавлев 1984/. Не останавливаясь подробно на этой теме, хотим подчеркнуть, что переход языкознания с описательного на объяснительный уровень возможен лишь при условии установления причинно-следственных закономерностей, проявляющихся в фактах истории языка². В соответствии с этим убеждением мы и

в данной работе уделим основное внимание причинам перехода [e > o].

Равным образом недостаточно освещались в литературе и детали механизма рассматриваемого звукового изменения. Осуществлялся ли первоначально переход по признаку ряда или по признаку лабиализации? Было ли изменение первично аллофонным или фонемным? Каковы аналоги славянскому переходу [e > o] в истории других языков и в чем суть аналогии; иными словами, к какому реально засвидетельствованному типу фонологических изменений принадлежит обсуждаемое нами? Эти и другие вопросы возникают при функциональном анализе нашего перехода.

II

Прежде чем перейти к основному изложению, целесообразно рассмотреть некоторые моменты, по которым зафиксирован спор в литературе вопроса.

Фонологические отношения [e] и [o]. Повод для дискуссии дает дополнительное распределение указанных звуков, надежно установленное для времени после вторичного смягчения. При некоторых трактовках /Журавлев 1963; Кудрявцев 1982а/ подобные отношения могут быть реконструированы и для более ранней, праславянской эпохи. Это помогло бы объяснить переход *o > e после исконно мягких согласных / **marīas* > море и под./ и известное соотношение [je : o] в начале слова /типа *кѣсень* : осень/. Признать или нет такие трактовки, суть дела остается одинаковой: и в том и в другом случае комплементарная дистрибуция [e] и [o] связана с функционированием в системе суперсегментного признака, распространяющегося на целый слог /см. подробнее: Кудрявцев 1983/. Наши рассуждения будут справедливы для обоих случаев. Поэтому ограничимся разбором положения после вторичного смягчения полумягких.

Отношения дополнительного распределения обычно оценивают как показатель вхождения звуков в одну фонему. Так поступил и Р.И. Аванесов, установив, что после вторичного смягчения [e] и [o] не встречаются в одинаковой позиции /Аванесов 1947/. Затем он расширил этот вывод и на ситуацию после фонетического перехода [e > o] /Аванесов 1949, 43/. Большинство исследователей признало монофонематичность /e+o/ в древнерусском языке /Калнынь 1961; Горшкова 1968; Колесов 1980 и др/. В качестве оппонента Р.И. Аванесову по данному вопросу выступил В.В. Иванов /Иванов 1968/.

Один из аргументов В.В. Иванова основан на заимствован-

ном у Н.С. Трубецкого неубедительном понятии "косвенно-фонологической" оппозиции. Его разбор мы отнесем в примечание³. Второй аргумент связан с принципиальным положением о том, что "аллофонами одной фонемы две звуковые единицы, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, будут лишь тогда, когда такая дистрибуция сопровождается совпадением этих единиц по большинству присущих им конструктивных признаков", а "отличительные признаки данных двух единиц полностью обусловлены положением их на синтагматической оси" /Иванов 1968, 26, 27/. Если первое условие для древнерусских [е] и [о] выполняется, то с отличительным признаком - в качестве такового В.В. Иванов рассматривает лабиализацию - дело обстоит сложнее.

По В.В. Иванову, "признак отсутствия - наличия лабиализации сохраняет свою самостоятельность и не определяется положением гласного на синтагматической оси" /там же, 213-214/. Дело в том, что на другом участке системы признаком лабиализации различаются фонемы /и+ы/ - /у/.

Однако это положение в системе фонем может оцениваться и совершенно по-другому. По К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаеву, "признак лабиализованности ~ нелабиализованности носил релевантный характер в частной системе гласных верхнего подъема", а "для гласных <е~о>, <ь~ъ> признак лабиализованности ~ нелабиализованности был избыточным" /Горшкова - Хабургаев 1981, 44/. Вопрос, следовательно, в том, надо ли при определении релевантности признака проследивать его функционирование во всей системе, или можно разбить систему на участки, для каждого из которых релевантность признака определяется имманентно. На первой точке зрения стоит В.В. Иванов, на второй - К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев.

Спор двух методик ведется в русской фонологии давно. Московская фонологическая школа решала его однозначно - в пользу второго положения. Тот факт, что твердость/мягкость - фонологическое качество согласных, не мешал московским фонологам отрицать его релевантность для частной подсистемы заднеязычных. Для школы же Л.В. Щербы отношения твердых и мягких заднеязычных фонологизовались еще до утраты дополнительного распределения /Зиндер 1957/.

С чисто синхронных позиций спор этот вряд ли может быть решен доказательно. Специфика случая в том, что расцепившиеся скрытно фонемы никак не проявляют себя внешне - до появления в системе заимствованных слов с нетривиальной дистри-

будией /гяур, крест/ и следствий аналогического выравнивания /ткѣт, берѣзе/. Диахронический анализ свидетельствует в пользу точки зрения Л.Р. Зиндера – В.В. Иванова /см. Кудрявцев 1982а, 131–132/. Однако этим дискуссия о фонемном статусе [e] и [o] в древнерусском языке еще не завершается.

Требуется доказательства релевантный характер признака лабиализации во всей системе. Ср.: "После вторичного смягчения полумягких ... утрачивалось противопоставление по ряду, а противопоставление по лабиализованности у гласных еще не оформилось парадигматически" /Колесов 1980, 176/. См. также: Журавлев 1968. Легко представить себе, что и в области верхнего подъема фонемы различались не лабиализацией, а другим признаком, например дифтонгоидностью. Время фонологизации признака лабиализованности остается неизвестным.

Все это следует иметь в виду при оценке фонологических отношений звуков [e] и [o] в исследуемый период.

Время отвердения [ж] и [ш]. В настоящее время никто не сомневается, что переход [e > o] происходил также перед отвердевшими шипящими /иначе Соболевский 1907, 63; примеры с непереходом немногочисленны и должны быть объяснены иначе, см.: Филин 1972, 193/. Это дает возможность для относительной хронологии завершающей стадии интересующего нас процесса. В момент отвердения [ж] и [ш] переход [e > o] был еще живым фонетическим процессом. Следовательно, верхняя граница перехода располагается на временной оси выше отвердения шипящих. Когда же отвердели последние?

Этот вопрос после А.И. Соболевского редко привлекал внимание исследователей. На основании данных письменных памятников А.И. Соболевский считал очевидным, что "к XIV в. шипящие ж и ш во многих говорах уже вполне отвердели" /Соболевский 1907, 136/. Основанием для такого утверждения служат написания жн, шн в источниках XIV в. Аналогично П.С. Кузнецов 1965, В.В. Иванов 1964, В.В. Колесов 1980. У Ф.П. Филина находим более категоричный вывод: "В XIV в. шипящие согласные подвергаются отвердению" /Филин 1972, 202/. Есть ли основания для такой поправки? На наш взгляд, никаких.

Во-первых, отражение на письме фонетического факта свидетельствует лишь о том, что данный факт уже имеет место. Но такое отражение ничего не говорит о положении в предшествующий период. Отвердение могло произойти раньше, но до поры не проявиться на письме.

Во-вторых, речь идет о сложном участке русской орфогра-

фической системы. Отражение твердости/мягкости шипящих согласных через характер последующей гласной буквы никогда – ни в XI, ни в XX веке – не было последовательным и определялось сложным, всякий раз новым соотношением различных орфографических принципов. Поэтому вполне оправдана осторожность А.И. Соболевского. Мы считаем, что говорить об абсолютной хронологии отвердения [ж] и [ш] при наличном состоянии разработки вопроса еще рано.

III

В отличие от многих звуковых изменений переход [е] в [о] не объясняется тенденцией к фонематической экономии. Он не привел к сокращению числа фонем ни в системе, ни в тексте. Напротив, после фонологизации признака огубленности, проявления аналогических воздействий /берёзе, весёленький/ и включения в русский язык разного рода заимствований /крест, лента/ количество фонем в системе возросло. Это произошло даже в тех говорах, в которых ять сохранился как особая фонема, а [ц'] не подверглось отвердению. Искать причины нашего перехода целесообразно не в фонологических отношениях, а в особенностях аллофонного варьирования.

Бесспорно, что дополнительная дистрибуция звуков [е] и [о] сыграла важную роль в осуществлении перехода. Переход не мог создать новых омонимов, функциональное сопротивление системы отсутствовало. Однако такое положение могло существовать еще в праславянском языке⁴, в то же время изменения *е > о не наблюдалось, осуществлялся обратный переход.

До падения редуцированных фонетическая эволюция праславянского и отдельных славянских языков определялась тремя тенденциями: 1) законом "идеального слога" /см. Кудрявцев 1982/, 2) взаимным приспособлением элементов слога, установлением группового сингармонизма, 3) межслововыми воздействиями. Первые две тенденции преобладали в праславянском языке, они формировали слог как функциональную единицу праславянской фонетики. Третья тенденция могла проявиться, когда это уже произошло. Действительно, III палатализация и образование редуцированных верхнего подъема – поздние изменения. Сюда же логически относится и переход [е > о]. Он представляет собой результат приспособления произношения мягкого /палатального или палатализованного/ слога к произношению последующего лабиовелярного слога. "Для всех лингвистов совершенно очевидно лабиализующее воздействие на е последующих твердых согласных" /Филин 1972, 137/.

Наша мысль заключается в том, что в период, когда [e] переходило в [o] по фонетическим причинам, а не под действием аналогии, это было комбинаторным изменением аллофонного характера. Переход не изменял ни в чем функционирование фонем, группофоном, силлабофоном – какую бы функциональную единицу ни реконструировать для соответствующего периода. Как всякое аллофонное изменение, переход осуществлялся как бы автоматически и не имел в соответствующих языках исключений. Он никоим образом не затрагивал фонологического противопоставления мягкого и лабиовелярного слогов. В то же время, вопреки В.Н. Сидорову /Сидоров 1966, 3–4/, переход не противоречил закону слогового сингармонизма.

По мнению В.В. Сидорова, изменение [e > o] разрушало слоговую модель, базирующуюся на принципе сингармонизма. Отсюда делался вывод о том, что переход [e] в [o] осуществлялся только после падения редуцированных, когда данный принцип перестал действовать. Первоначально переход осуществлялся только в новых закрытых слогах.

Предположение В.Н. Сидорова ничем не подтверждается /Шилин 1972, 188/. На наш взгляд, ошибка исследователя заключалась в переносе позднейших фонологических отношений, когда /o/ стало самостоятельной, отличной от /e/ фонемой, на предшествующий период. В каком-то смысле В.Н. Сидоров даже прав, но то, что он утверждает, справедливо лишь для позднейшего, фонемного изменения и неверно для первоначального, аллофонного. При первичном переходе [e > o] гласный [e] изменял артикуляцию не на всем участке звучания, а лишь в пределах своей финали, там, где он примыкал непосредственно к лабиовелярному слогу. Поэтому принцип слогового сингармонизма данным изменением не нарушался. Позднейшие преобразования связаны с фонологизацией признака лабиализованности для гласных и имеют другую природу.

Итак, переход [e > o] следует рассматривать как межслоговую регрессивную аккомодацию, действовавшую в период распада праславянского языка вплоть до падения редуцированных и фонологизации лабиализованности. Изменение могло происходить только в тот период, когда признак лабиовелярности имел релевантный характер /Стеблин-Каменский 1966/. Соответственно возможность перехода наличествует лишь в тех славянских языках /диалектах/, которые данным признаком обладали. Это положение соответствует действительности.

Мы наблюдаем переход и однородные явления в северных

славянских языках – восточнославянских, польском, лужицких. Вторичное смягчение полумягких, характерное для этих языков, свидетельствует о фонологическом характере признака лабиовелярности /Кудрявцев 1983, 95-97/. Там, где лабиовелярность отсутствовала /южнославянские языки/ и произошло совпадение твердых и палатализованных слогов, переход *e* о не наблюдается. Промежуточную зону образуют чешский, словацкий и украинский языки. В их системах данный признак был релевантным, но фонетически слабо выраженным. Вторичное смягчение произошло, однако впоследствии его результаты в ряде положений утратились /прежде всего перед [и, е]/. Соответственно данные языки обнаруживают изменение [е] в [о] преимущественно после палатальных согласных /украинский/ или совсем не обнаруживают /чешский, словацкий/.

Если наши соображения находят себе подтверждение на славянском материале, то типологические данные также не противостоят им.

Впервые славянский переход [е > о] поставил в соответствие к однородным звуковым изменениям других языков И.А. Бодуэн де Куртене /Бодуэн 1894/. Сопоставляя славянский, кельтский, латинский переход [е > о], Бодуэн находит определенные моменты, характерные для данного изменения вообще, и проецирует найденные закономерности на систему индоевропейского языка, объясняя таким образом известное чередование е/о. В наше время объяснение Бодуэна поддержано и развито В. Маньчаком /В. Маньчак 1960/.

Для нас важно, что основатель современного языкознания подчеркивает связь анализируемого процесса с твердостью согласного, следующего в потоке речи за гласным е/о. Наблюдения Бодуэна можно развернуть и дополнить. Ценность полученной путем типологических сопоставлений информации заключается в том, что она объективно свидетельствует в пользу существования универсальных для данного изменения закономерностей, действующих при известной ситуации в любом языке. Собственно, только установление подобных закономерностей и может служить доказательством причинных связей в истории языка.

Что же показывают типологические сопоставления?

1. Связь лабиализации [е] с губным характером соседнего [v] настолько тривиальна, что в примерах нет необходимости. Вместе с тем эта связь не специфична: возможно влияние как последующего, так и предшествующего [v], а главное, она сама по себе не является фонетическим законом: сочетания [ev, ve]

существуют без изменения во многих и многих языках.

2. Связь нашего перехода с велярностью последующего согласного менее очевидна, однако она также отмечается исследователями. Например, в латинском языке ё изменяется в о перед велярным л, "то есть л перед гласными заднего ряда а, о, у и согласными /за исключением -л-/" /Семереньи 1980, 51/.

3. Более или менее системный характер переход [$e > o$] и подобные явления носят в тех языках, для которых установлено или можно предполагать, что лабиовелярность является локальной корреляцией, а не локальным рядом, ср. сказанное выше, а также положение в языках хауса /Смирнова 1960/, лингала /Топорова 1973/, малинке /Токарская 1964/, игбо /Фихман 1975/, где имеются локальные ряды лабиовелярных, однако следов интересующих нас процессов нет, по крайней мере среди живых чередований.

4. Интересующий нас процесс не изолирован, а входит в группу велярных умлаутов и преломлений по ряду, которым в разных языках подвергаются разные гласные, а не только [e]. Общая черта этих изменений – понижение второй форманты гласных, как следствие удлинения резонатора по горизонтали, под влиянием звуков последующего слога.

5. Языки, в которых нами отмечены данные процессы, локализируются на севере Европы.⁵ Это севернославянские, германские и финно-угорские языки.

В последних наблюдается веляризация гласных фонем в случае утраты языком сингармонизма /саамский, коми, удмуртский, ханты, манси; Основы 1974, 169/ и лабиализация гласных, особенно в пермских и марийских языках. Анализ материала позволил В.И. Лыткину /Лыткин 1972/ выдвинуть предположение о влиянии на предшествующий гласный лабиовелярного согласного, параллельно или аналогично русскому переходу [$e > o$].

В германских языках обнаруживается большое число звуковых изменений, подобных севернославянскому [$e > o$] и польскому [$ě > 'a$]. Одни из них называются велярными умлаутами, другие – преломлениями. Теоретическую разницу между ними трудно уловить, что существенно для нашей темы. Можно лишь сказать, что умлауты иногда сопровождаются утратой влияющего звука /а иногда не сопровождаются/, в то время как при преломлении звук, вызвавший его, всегда сохраняется в слове, по крайней мере на первых порах. Общее же между умлаутами и преломлениями то, что влияние оказывают последующие звуки и выражается

оно в изменении второй форманты гласного.

Детальный разбор положения в древних германских языках на этих страницах, разумеется, невозможен. Поэтому мы ограничимся позитивной частью наших рассуждений, в качестве иллюстраций используя факты истории английского языка.

Слабая расчлененность понятий умлаута и преломления позволяет выдвинуть гипотезу об их единой природе. Известно, что в древний период германские языки переходили от выражения грамматических значений с помощью флексий и суффиксов к экспликации этих значений через вокализм корня. В это время гласные звуки грамматических морфем либо исчезали из произношения, либо переставали различаться, но следы их наличия/различия сохраняли гласные корня — в виде тех или иных изменений, модификаций. Такого рода изменения и называются умлаутами и преломлениями. До сих пор, однако, не ясен фонологический механизм этих процессов, особенно умлаутов с утратой влияющего звука. Если такой умлаут первоначально является аллофонным варьированием, то почему варьирование не устранялось после утраты влияющей фонемы /гласной/? Если же изменение с самого начала было фонемным, то почему его результаты находились в дополнительном распределении с исходными гласными корня?

Суть нашего предположения в том, что умлауты и преломления совершались не через, а посредством согласного звука, непосредственно примыкающего к гласному корня. Под влиянием гласных переднего ряда и согласного j этот согласный /примыкающий/ превращался в палатальный, под влиянием гласного непереднего ряда — в лабиовелярный. Когда такое изменение совершилось, влияющий звук грамматической морфемы мог отпадать или сливаться парадигматически с другим — информация о его качестве сохранялась согласным корня. На втором этапе соответствующий согласный передавал это качество — палатальность или лабиовелярность — гласному корня, а сам утрачивал его. Такая схема позволяет объяснить преломления, когда они не зависят от гласного флексии, а определяются лишь качеством согласного на стыке корня и флексии. Этот согласный мог быть лабиовелярным или палатальным по своей собственной природе. Ср. древнеанглийское преломление перед / e, i, x /.

Таким образом, мы реконструируем для древнегерманского состояния некий период, когда имела локальная корреляция по палатальности — лабиовелярности.

Покажем, как в этом свете выглядит история древнеанглийского вокализма.

Общегерманские дифтонги со вторым компонентом -и преобразовались в древнеанглийском языке в дифтонгоиды с направлением скольжения от переднего ряда к заднему /Плоткин 1976/. В советской англистике установилось мнение, что они представляют собой самостоятельные фонемы, образующие с другими гласными оппозицию по тембровому скольжению. Однако типологически это почти невероятно, что признает и В.Я. Плоткин /с. 16/. Если скольжение по раствору – типичный признак дифтонгов как самостоятельных фонем, то скольжение по ряду, в сущности, используется в языках мира только как средство аллофонного варьирования гласных в соседстве палатальных/велярных согласных. Поэтому предполагаем, что лабиальный элемент дифтонга на -и передавался последующему согласному, который становился лабиовелярным. В таком окружении дифтонгоид типа eo представляет собой вариацию монофтонга /e/, вариацию аккомодирующего характера.

Если монофтонгизация создала долгие дифтонгоиды с обратным скольжением по ряду, то преломление преобразует краткие i, e, æ в аналогичные краткие дифтонгоиды. Преломление вызвано велярностью согласных r, l, x, которая является свойством их собственной природы /разумеется, для древнеанглийского языка той поры; отметим, что перед кратким i преломления не происходило, оно, по-видимому, не было велярным/. Именно этот переход обнаруживает непосредственное фонетическое тождество со славянскими: [e > eo, æ > æa] Осуществляясь лишь в определенной фонетической позиции, преломление также не создает новых фонем /вопреки В.Я. Плоткину/ – оно на первом этапе представляет собой аллофонное варьирование /ср. славянские данные/.

В дальнейшем источником аналогичных дифтонгоидов являются палатализация и велярный умлаут. Это тоже процессы типа аллофонного варьирования, вызванные палатальностью предшествующего согласного /палатализация/ и задним характером последующего гласного /велярный умлаут/ – с нашей точки зрения лабиовелярностью промежуточного согласного. В ходе велярного умлаута, также как и в ходе преломления, имеют место процессы [e > eo], [æ > æa].

Исчерпывает эволюцию древнеанглийского вокализма палатальный умлаут. Его испытывают гласные заднего ряда перед палатальными /по положению перед i или j / согласными. Это тоже аллофонное варьирование, очень похожее на русскую аккомодацию перед мягкими согласными: ср. лат. *Latina* > др.-англ.

æden и рус. [gaɹ] - [gäɹ'].

Древнеанглийские изменения более системны, чем русские, так как они охватывают все степени раствора. В остальном, как видим, во всех существенных чертах процессы в древнеанглийском языке совпадают с процессами в славянских.

Аналогичную картину можно было бы продемонстрировать для других германских языков. Вывод из нашего неполного разбора типологического материала уже ясен. Во-первых, переход [e > o] связан причинными отношениями с наличием в языке локальной корреляции по лабиовелярности/палатальности. Во-вторых, переход первоначально представляет собой аллофонное варьирование. Первый тезис вскрывает причину исследуемого изменения, второй - наиболее существенную черту его механизма.

IV

Вернемся к славянскому материалу. Аллофонное варьирование по признаку "ряд+огубленность" могло иметь место в период распада праславянского языка, до падения редуцированных и фонологизации огубленности. Как показывает положение в украинском языке и свидетельствуют некоторые данные древнерусской письменности /Филин 1972, 200-201/, на первом этапе варьирование осуществлялось только после палатальных согласных. Когда произошло вторичное смягчение полумягких, варьирование распространилось и на позицию после новых смягченных.

Конец этому живому фонетическому процессу положила фонологизация признака лабиализованности для гласных. После нее стали возможны различные аналогические влияния, сначала в грамматических морфемах: оно → мое > моё, затем в корнях: берёза → березѣ > берёзѣ. В результате заимствований из церковнославянского языка появились пары типа небо - нёбо. Все это свидетельствовало о латентной фонологизации противопоставления /e/ ~ /o/, причем бывшие лабиализованные аллофоны /e/ отошли к фонеме /o/. На данном, третьем по счету этапе перехода его основным механизмом становится грамматическая аналогия.

Когда начался третий этап? Очень трудно сейчас сказать что-нибудь определенное о времени приобретения лабиализацией релевантности для гласных фонем. Если опираться на относительную хронологию перехода, можно предположить, что в польском это произошло до падения редуцированных, а в лужицких и восточнославянских языках - после падения /ср.: Филин 1972, 185/. Дело в том, что в польском [e < ь] не изменялось, а в других языках /включая украинский/ переходило в [o]. Но этот

критерий, в сущности, ненадежен: еще до падения редуцированных [ь] в соответствующих позициях мог перейти в [ъ], а затем разделить его судьбу, т.е. измениться в [о]. Примеры [ъ < ь] из памятников нам не известны, но ведь их и не искали специально, тогда как примеры [о < е] для того же времени остаются единичными, хотя исследователи разыскивают их уже столетие.

Что касается относительной хронологии, связанной с утверждением шипящих, то она вполне надежна, но, как мы видели, не дает абсолютной даты. Можно лишь утверждать, что аллофонное варьирование прекратилось не позднее XIV в.

Исследуя механизм перехода [e > o], надо найти ответ еще на три вопроса. Почему славянская аккомодация не была такой системной, как английская, почему она сосредоточилась в области среднего подъема? Почему в восточнорусских говорах не происходило перехода вообще /как фонетического явления/? Какое отношение имело к переходу ударение?

Ответ на первый вопрос в общем ясен. Пока существовало аллофонное варьирование, оно было автоматическим и, следовательно, распространялось на все гласные переднего ряда. Фонологизация же его результатов в одних случаях происходила, в других нет. В польском измененное [ě] совпало с [a]. То же самое, в сущности, произошло в области нижнего подъема в восточнославянских языках. Здесь имелся [ä] другого происхождения, из носового. До перехода он артикулировался как передний на всем протяжении звучания, в результате перехода изменился в [ä] продвинутый вперед в начале звучания и слился с фонемой /a/. Рефонологизация была невозможной – гласные нижнего подъема в славянских языках не лабиализировались. Относительно возможности [ь > ъ] мы уже высказались выше. В средневерхнем подъеме переход в [о] происходит, хотя и нечасто /сводку примеров см.: Обнорский 1947/. Обычно считают, что подобные случаи /типа звѣзды > звѣзды/ – результат действия аналогии. Возможны и другие предположения, на которых мы сейчас не станем останавливаться. Наконец, в верхнем подъеме фонологизации мешала противопоставленность /и+у/ ~ /у/: появились бы новые омонимы.

Выше мы отмечали, что В.Н. Сидоров был в известной мере прав, относя наш переход к времени после падения редуцированных. Как фонемное изменение переход вполне мог относиться к этому времени. Не объясняет ли это предположение особенности фонетики восточнорусских говоров? Может быть, к моменту фо-

нологизации лабиализованности новое аллофонное варьирование, связанное с мягкостью соседних согласных, перекрыло старое и уничтожило его? А в каких-то говорах старое варьирование могло победить в закрытых слогах и утратиться в открытых. Интересно, что материал непрядевского говора /Сидоров 1949/ демонстрирует переход преимущественно в новых закрытых слогах. Может быть, с подобными соображениями была связана настойчивость В.Н. Сидорова, когда он подчеркивал влияние на наш процесс закрытости слога.

Что касается связи между переходом [e > o] и местом ударения, то возможности что-нибудь выяснить об этом на славянском материале, по-видимому, исчерпаны. Новую информацию могут дать только типологические сопоставления. И.А. Бодуэн де Куртене на основе весьма неполных данных подтверждал такую связь. Германский материал в этом вопросе не показателен, так как ударение всегда падает на корневой слог. Ответ на поставленный вопрос требует новых разысканий.

Подведем итоги. Путем критической реконструкции и типологических сопоставлений нам удалось подтвердить мысль, впервые высказанную А.А. Шахматовым: причиной перехода [e > o] является влияние последующего слога с лабиовелярным согласным. С большой вероятностью установлен также первоначальный механизм изменения – аллофонное варьирование. Выделены три этапа изменения, из которых последний – фонемный по результатам и аналогический по механизму. Хронология явления смещена по сравнению с традиционной в сторону удревнения. Это связано, по-видимому, с обнаружением первоначальных этапов перехода – раньше он оценивался только как фонемный. Наконец, установлена связь верхней временной границы аллофонного периода изменения с временем, когда признак лабиализации у гласных приобретал релевантность.

Вместе с тем ряд вопросов ждет своего разрешения. Успех в этом деле зависит как от исследований по русской исторической фонетике, так и от типологических разысканий.

Примечания

I Доказательством, на наш взгляд, служат обнаруженные Р.И. Аванесовым говоры, в которых нет фонетического перехода [e > o], но имеется [ʰo] аналогического характера, в то время как обратное не известно /см.: Аванесов, 1949а/.

² Ср. высказывание известного физиолога Н.А. Бернштейна: "Каждая наука перерастает стадию первоначального эмпиризма и становится наукой в точном смысле слова в тот момент, когда она оказывается в состоянии применить к каждому явлению в своей области два определяющих вопроса: 1) как происходит явление и 2) почему оно происходит" /цит. по: А.А. Леонтьев 1968/. На наш взгляд, диахроническая фонология созрела для такой постановки вопросов.

³ Вопрос этот уже разбирался в литературе. Повторим вкратце суть дела. Н.С. Трубецкой полагал, по-видимому справедливо, что не всякая дополнительная дистрибуция свидетельствует о тождестве фонологического содержания. Для иллюстрации он взял два контрастных примера /Трубецкой 1960, 40-41/: [ç] и [x] в немецком языке распределены дополнительно и входят в одну фонему, [ʁ] и [ʁ̥] также не встречаются в одной позиции, но фонемы это разные. Чтобы доказать последнее, автор обращает внимание на способность [h] и [ʁ] независимо друг от друга вступать в оппозиции к одной и той же фонеме: hacken - packen Ringe - Rippe. Такие оппозиции Трубецкой и назвал косвенно-фонологическими. Но дело в том, что [ç] и [x] также вступают в подобные отношения: ich - in, ach - an. Вообще любые два аллофона, также как и фонемы, могут быть независимо друг от друга противопоставлены какой-либо третьей фонеме. Понятие косвенно-фонологической оппозиции является фикцией.

⁴ Показано в работе: Кудрявцев 1982а. К сожалению, по техническим причинам таблица дистрибуции на с. 127 этого издания напечатана с искажениями, из-за чего теоретический тезис повисает в воздухе. Пользуемся случаем исправить опечатки. Твердые согласные могли сочетаться в восточном диалекте позднего праславянского языка с гласными [а о у ы ъ], а также [ʁ], если носовые к тому времени еще не исчезли. Полумягкие выступали /включая ц' з' с' / перед [ä ü и ь ё ę / ? / е]. Мягкие встречались перед [ä ü и ь е ę / ? / ǫ / ? / .

⁵ Исключая албанский и предположительно индоевропейский. Об албанском см.: Десницкая 1976, где отсутствие лабиовелярности или ее проявлений объясняется влиянием славянской речи, а наличие - собственно албанскими тенденциями.

Л и т е р а т у р а

Аванесов Р.И. Из истории русского вокализма: Звуки i и y. - Вестник МГУ, 1947, № 1.

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. I. - М.: Учпедгиз, 1949. - 335 с.

Аванесов Р.И. Очерки диалектологии рязанской мещеры: I. Описание одного говора по течению р. Прн. - В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 135-236. /а/

Горшкова К.В. Очерк исторической диалектологии северной Руси. - М.: Изд-во МГУ, 1968.

Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. - М.: Высш. шк., 1981. - 359 с.

Журавлев В.К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке: Опыт диахронической фонологии. - Минск: Изд-во АН БССР, 1963. - 46 с.

Журавлев В.К. Диахроническая фонология: состояние и перспективы. - ВЯ, 1984, № 5, с. 39-48.

Зиндер Л.Р. О звуковых изменениях. - ВЯ, 1957, № I, с. 73-74.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. - М.: Просвещение, 1964. - 452 с.

Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. - М.: Просвещение, 1968. - 358 с.

Калнынь Л.Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. - М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. - М.: Высш. шк., 1980. - 215 с.

Кудрявцев Ю.С. Проблемы фонологического анализа в диахронии. - В кн.: История русского языка: Среднерусский период. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 5-13.

Кудрявцев Ю.С. К вопросу о механизмах звуковых изменений. - В кн.: Фонология. Тамбов: Тамбовск. пед. ин-т, 1982, с. 122-137. /а/

Кудрявцев Ю.С. Падение редуцированных в фонологическом освещении. - В кн.: Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка. Тарту: Тартуск. гос. ун-т, 1983, с. 89-103.

Кузнецов П.С., Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд.. - М.: Наука, 1965.

Леонтьев А.А. Предисловие. - В кн.: Березин Ф.М. Очерки по истории языкознания в России /конец XIX - начало XX в./. М.: Наука, 1968, с. 3-24.

Лыткин В.И. Лабиализация гласных в пермских и марийском языках. - Сов. финноугроведение, 1972, VIII, с. 101-103.

Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. - М.: Наука, 1974.

Плоткин В.Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. - М.: Высш. шк., 1976. - 152 с.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. - М.: Прогресс, 1980. - 407 с.

Сидоров В.Н. Об одном тульском говоре с гласной e, не изменившейся в o. - В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 277-289.

Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. - М.: Наука, 1966. - 159 с.

Смирнова М.А. Язык хауса. - М.: Изд-во вост. лит., 1960.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. - М., 1907. - 309 с.

Стеблин-Каменский М.И. К теории звуковых изменений. - ВЯ, 1966, № 2.

Токарская В.П. Язык малинке /мандинго/. - М.: Наука, 1964.

Топорова И.Н. Язык лингала. - М.: Наука, 1973.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960. - 372 с.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. - Л.: Наука. Ленинградск. отд-ние, 1972. - 655 с.

Фихман Б.С. Язык игбо. - М.: Наука, 1975.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. - Пг., 1915.

Ягич И.В. Критические заметки по истории русского языка. - СПб., 1889.

Десницкая А.В. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения: Из истории славяно-албанских языковых контактов. - В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976, с. 186-198.

Bandouin de Courtenay J. Einiges über Palatalisierung (Palatalisation) und Entpalatalisierung (Dispalatalisation).

Mańczak W. Origine de l'apophonie a/o en indo-européen.
- *Lingua*, Amsterdam, 1960, IX, p.277-287.

Jakobson R. Remarque sur l'évolution phonologique du
russe. - Prague, 1929. - (Travaux du Cercle Linguistique de
Prague, 2).

СОСТАВНЫЕ И ПЕРИФРАСТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА С АСПЕКТУАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

А.И. Писляк

Из-за недостаточности аффиксальных средств эстонский язык использует широко лексико-аналитические структуры (сочетание полнозначного элемента с элементом в связанном значении) для производства новых единиц номинации, т.н. "семантически склеенных лексем"¹. Их использование - тенденция к дифференцированному выражению смысла, типологически характерно для эстонского языка.

В.Н. Телия, рассматривая лексико-аналитические структуры русского языка, подчеркивает роль связанного значения в выражении грамматических явлений, особенно - аспектуальных, которые связанное значение описывает лексическим способом (Телия 1981, 262). Логично полагать, что семантически склеенные лексемы эстонского языка в этом смысле не представляют исключение.

В настоящей статье описываются результативные лексико-аналитические структуры. При изложении фактического материала мы будем широко прибегать к сопоставлению с русским языком, поскольку в нем преобладают глаголы, в которых полнозначное значение комбинируется с функциональным в пределах одного слова. Значение знака - это перевод его на другой знак, в особенности в знак, в котором это значение выявлено более эксплицитно (R. Jakobson. *Linguistic aspects of translation*. In R.A. Brower (ed). *On Translation*. Cambridge, Mass., 1958, p. 233 цит. по (Падучева 1975, 550). Возможность однословного перевода - свидетельство устойчивости сочетания.

Категорию глагольного вида в славянских языках позволяет связать с категорией аспектуальности в неславянских языках трехфазное представление действия: I фаза - предшествующая критической точке, процесс, стремящийся к своему пределу; II фаза - критическая точка, достижение предела; III фаза - сле-

¹ Под семантически слитной (склеенной) лексемой разумеется лексическая единица, в которой полнозначное значение комбинируется с функциональным (Розенцвейг 1981, 230).

дующая за критической точкой, процесс, ограниченный в начале, исходящий из ранее достигнутого предела и не ограниченный концом (Степанов 1977, 145). Результативное действие охватывает первые две фазы (в объекте или субъекте возникает состояние), начинательное действие охватывает вторую и третью фазу. Разница между начинательностью и результативностью заключается таким образом в том, что результативное действие стыкуется с последующим состоянием (Вы уже все забыли), а начинательное действие стыкуется с предшествующим действием или состоянием (Он запел) (Лейнонен 1982, 69). Например, *Me jäi-me ühe õnnetu juhuks läbi pisikesteks* 'Мы стали через один несчастный случай маленькими' (результативность), *Ta hakkas äkki laulma* 'Он вдруг запел' (начинательность), *Ta vihtus tantsida* 'Он отплясывал' (процесс).

Прежде всего среди результативных выделяются составные глаголы (эст. *ühendverbid*).² Они состоят из: а) полнозначного глагола и наречия ориентации (из них результативными являются интралокальные (куда?), экстралокальные (откуда?) и часть транслокальных (через что?) (*end*) *püstakile ajama* 'приподняться', *maha heitma* 'залечь', *alla paiskama* 'закинуть (вниз)' *kõrgvale paiskama* (*heitma*) 'отшвырнуть', *taha paiskama* 'закинуть (за что-л)', *üles tõstma* 'поднять' и т.д.³); б) полнозначного глагола и наречия состояния (из них результативными являются интралокальные наречия, которые указывают на состояние, ситуацию, в которое переходит субъект или объект (Рятсеп 1978, 49) *siruli heitma* 'растянуться', *laiali kandma* 'разносить (по разным местам)', *lahku minema* 'разойтись', *ümber paiskama* 'свалить', *pikali tõukama* 'подтолкнуть и свалить', *ümber veenma* 'переубедить' и т.д.); в) полнозначного глагола и наречия перфективности (наречия, указывающие на законченность действия, на доведение его до результата или до предусмотренного предела (Рятсеп 1978, 31) *minema ajama* 'прогнать, угнать', *ära ajama* (*hobust*) 'загнать (лошадь)', *ära astuma*, *minema/tulema* букв. 'ушагать', т.е. уйти, шагая⁴, *ära*

² В резюме к работе (Рятсеп, 1978) этот термин переведен как "слитный глагол" (стр. 254).

³ Как тут, так и в дальнейшем будем избегать фразеологизмов.

⁴ Хотя в работе (Рятсеп 1978, 31) утверждается, что наречие *tulema* 'прийти' сочетается только с глаголом *tulema*, встречаются сочетания *ära astuma-raamata-zaama tulema/minema*. При этом *tulema* имеет presupпозицию "уходить и прийти в местонахождение собеседника или самого действующего лица" (а не уход "вообще, куда угодно").

augama 'испариться', ära heegeldama 'извязать (шерсть)', ära hellitama 'разбаловать', ära hirmutama 'запугать', ära hoidma 'предотвратить', kõrvale juhtima 'отвести', ära kannatama 'вытерпеть', ära kaotama 'потерять', täis kirjutama 'исписать', valmis kirjutama 'написать', ära kägistama 'задушить', läbi lugema 'прочсть', minema minema 'уйти', ära/maha müüma 'продать', tulema saama 'выбраться (откуда-нибудь)', ära sööma 'съесть', tulema tulema 'уйти'.

Между интралокальными наречиями состояния и ориентации жесткой грани нет (ср. maha tõukama/pikali tõukama) 'свалить (столб)' – интерпретация зависит от того, сделан ли акцент на ориентацию или на состояние. Специально нужно оговорить, однако, что в группу интралокальных наречий состояния входят многочисленные прилагательные в транслативе и несколько инфинитивов на "-ma", выражающие состояние, вытекающее логически из действия исходного глагола, который рассматривается как "нечто, содержащее в себе зародыши возможных семантических связей, то целое, из которого получаются те или иные языковые образования" (Лосев 1981, 404). Например, läikima hõõguma 'налощить, натереть до блеска (букв. 'тереть блестя')'; kuivaks, tühjaks imema 'иссосать' (букв. сосать до сухоты), pehmeks keema 'развариваться', sirgeks rippuma 'отвисеться', rohelisteks värvima 'заселенить', magama uinuma 'заснуть', magama uinutama 'убаюкивать', и т.д. (значение результирующих наречий переводится, как правило, приставкой). Если взять английский язык, где также существуют составные глаголы⁵, то там оговорено, что некоторые комбинации глагола и результирующего прилагательного (прилагательного, выражающего результат процесса, обозначенного глаголом), напоминают составные глаголы. Например, She put the tablecloth straight 'Она натянула скатерть', Ta tõmbas laudlina sirgeks и She put the tablecloth out 'Она расстелила скатерть' Ta pani lina lauale – прилагательное может находиться до или после существительного (также как наречие), но не может предшествовать личному местоимению She put it straight – She put it out, She

⁵ Phrasal verbs состоят из глагола и частицы: drink up quick 'выпей быстро'. Большинство частиц являются адъюнктами места, они обычно неотделимы от глагола. Phrasal verbs имеют разную степень фразеологичности: put out/down/outside/away/aside the cat; take/turn/bring/push/send/drag/ the cat out (свободные); put off (фразеологизм) (Кверк 1982, 303-304). Согласно информации ELT Journal vol. 37, N:2, April 1983, вышел Longman Dictionary of Phrasal verbs, включающий 12000 двусловных глаголов (two-word verbs).

put straight the tablecloth - She put out the tablecloth, *She put straight it - *She put about it. Особо отмечается, что во многих случаях наблюдается близкая семантическая связь между глаголом и прилагательным (cut short, wash clean, drain dry, pack tight (Кверк 1982, 322). На самом деле, предложения, приведенные в упомянутой работе как иллюстрация использования результирующих прилагательных (Кверк, 1982, 109) - He pulled his belt tight 'Он затянул пояс' Та tõmbas vöö pingule; He pushed the window open 'Он распахнул окно' Та tõukas akna lahti/valla - оказывается лишены смысла без прилагательных (He pulled his belt 'Он тянул свой пояс', He pushed the window 'Он толкал окно').

Ниже приводятся выборочный иллюстративный материал - список нефразеологических составных глаголов с переводными эквивалентами - как правило приставочными глаголами - на русском языке. При этом приставка соответствует (примерно) значению наречия, основа - значению глагола. Эстонская сторона расположена по алфавитному порядку наречий, чтобы лучше передать словообразовательную аналогию.

Alla kirjutama 'подписать', auklikuks kulutama букв. 'затаскать до дыр', edasi andma 'передать', ette jookama 'забегать', haigeks jooma 'опиться', istukile tõusma 'приподняться', jalule hüppama 'вскочить', jalust rabama 'сбить (с ног)', juurde arvama 'приписать', juurde hiilima 'подкрасться', kaasa kiskuma 'завлечь', kaela langema 'подвешивать' (беда, напасть)', kallale ässitama 'натравить', kangeks istuma (jalga) 'отсидеть (ногу)', kangeks külmuma 'иззябнуть', kinni ajama (auku) 'закидать' (яму)', kokku ajama 'сгонять', kuivaks imema 'иссосать', kõrgele lendama 'залететь (высоко)', kõrgele tõusma 'возвыситься', kõrvale juhtima 'отвести (в сторону)', kõveraks painutama 'загибать', lahti haakima 'расцепить', lahti mõtestama 'осмыслить', laiali ajama 'разогнать', ligi meelitama 'приманить', lõhki kiskuma 'разрывать', läbi arutama 'обсудить', läikima hõõrsuma 'налощить, натереть до блеска', lühemaks saagima 'подпилить', maasse kaevama 'зарыть (в землю)', magama kiigutama 'укачать', magama uinutama 'убаюкивать', maha ajama 'сгонять', maha jooma 'пропить', mahakeksima 'проскакать (часть дороги)', maha laskma 'застрелить', minema ajama 'прогнать', minema peksima 'прогнать с ударами', minema sõudma 'уходить гребя', букв. 'угрести', mööda lendama 'пролететь', nattemadama hõõrsuma 'обтrepать', nüriks lööma 'сбивать (топор)',

tükkideks rebima 'раздирать (на части)', otse jookama 'набегать (на что-то)', paljaks jookama 'опивать (кого-л)', peale ajama 'набрасывать (земли)', peale kirjutama 'написывать', peeneks, läbi hõõrsuma 'перетереть', pehmeks keema 'развариться', pehmeks rääkima 'уговорить', maha tõukama 'свалить', pikaks venitama 'растягивать', (kõri) puhtaks kõhatama 'откашливаться', puhtaks lakkuma 'облизать', puruks lööma 'разбить', püstakile ajama 'приподняться', püsti kargama 'вскокить', (segi) loksutama 'взбалтывать', sildedaks kammima 'расчесать', siruli, pikali heitma 'растягиваться', sirgeks painutama 'разгибать', sisse astuma 'заходить', sisse hõõrsuma 'втереть', surnuks litsuma 'раздавить', surnuks lööma 'добить', surnuks magama 'приспать (ребенка)', surnuks nokkima 'заклевать', taha kallutama 'наклонить (назад)', tasa-seks siluma 'сглаживать', teravaks tahuma 'затесать', terveks hooldama 'отхаживать', terveks ravima 'залечивать', tui-maks istuma 'отсидеть (ногу)', täis jootma 'напоить', uima-seks lööma 'заглушить', vaeseomaks pekama 'отколотить', va-hele kirjutama 'вписывать', valmis segama 'замесить', va-paks kandma 'изнашивать', vastu kajama 'отдаваться (звук)', vastu nähvama 'огрызнуться', välja kihutama 'потурить', väl-ja saatma 'выслать', ära kaotama 'потерять', üle andma 'передавать', üle kuhjama 'загромождать', üles hirmutama (lin-de) 'вспугнуть', ümber adresseerima 'переадресовать', ümber kukkuma, minema 'опрокинуться'.

Непременной чертой составного глагола является то, что глагольный компонент в нем семантически полнозначен, а наречие его перфектирует и "осложняет". Однако существует многочисленная группа устойчивых словосочетаний, состоящих из фразеологически связанного глагольного элемента, который выражает динамические признаки полнозначного именного или инфинитивного элемента, особенно признак результативности. Например: hõõgvele ajama 'раскалять', turri ajama 'взьерошить', tülli ajama 'сеорить', nõusse jääma 'согласиться', plekili-seks tegema 'запятнать', kuivaks tõmbuma 'засыхать'. Имена в таких сочетаниях встречаются в основном в иллативе (kaot-si minema 'потеряться', lahti minema (uks) 'открываться', uppi minema 'перекувыркаться', vaidlusse astuma 'заспорить'), аллативе (õhtule jõudma 'вечереть (день)', rahule jääma 'смириться, успокоиться', oksele ajama 'тошнить'), транслативе (uimaseks jääma 'осоловеть', viluks minema, tõõbuma 'свежеть'). Из инфинитивов встречается в основном иллатив-

ная форма (инфинитив на "-ша") (panema mängima (raadio) 'включить (радио)'). По приведенным примерам видно, что граница между ними и составными глаголами зыбка: *terveks arstita* 'вылечить' относится к составным, поскольку глагольный компонент полнозначен, а *terveks tegema* 'излечить' не относится к составным, так как полнозначным является именной компонент (также *sirgeks painutama* 'разгибать' или 'выпрямить' в зависимости от того, какой компонент считать полнозначным – процесс "гибания" или результат "прямой").

Такие устойчивые сочетания эстонского языка сравнительно мало изучены. В. Таули посвящает им меньше одной страницы, объединяя их при этом с составными глаголами под определение "перифрастических глаголов"): это семантически целостные синтагмы "глагол+имя", "глагол+наречие" (*andeks andma* 'forgive' 'простить', *ette võtma* 'undertake' 'предпринять', *hukka minema* 'perish' 'гибнуть' *kinni panema* 'shut, close' 'закрыть' и т.д.) и синтагмы, состоящие из лативного наречия (иллативного и аллативного, отвечающего на вопрос *where to?*) и глаголов движения, перехода, направления, ухода, пребывания (*alla kukkuma* 'fall down' 'упасть', *haaki panema* 'hook up' 'ставить на крючок (дверь)' (Таули 1973, II 4, I 91). В отечественной лингвистике сочетания "глагол+имя" называются *väljendverbid* (оборотные глаголы) (Рятсеп 1973, 1978), при этом сочетания типа "глагол+инфинитив" в этой связи игнорируются, так как в них видят либо обычные словосочетания, либо элементы фразеологии. Мы предлагаем принять для обозначения устойчивых сочетаний "глагол+имя", "глагол+инфинитив" термин "перифрастические глаголы" (вслед за В. Таули), так как суть таких сочетаний не идиоматичность, а способность перифразировать, выражать смысл подробно. Что же касается их "идиоматического статуса", то М. И. Умарходжаев относит их к периферийным элементам фразеологии (нем. *in Schrecken setzen* 'испугать', *ausser Kraft setzen* 'аннулировать', *in Rollen bringen* 'привести в движение', *zur Kenntnis (bringen)* 'доводить до сведения') (Умарходжаев 1980, 156).

Перифрастические глаголы нуждаются во всестороннем анализе, так как их роль в языке велика и их использование составляет одну из типологических характеристик того или иного языка (В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. диссерт. М., 1967, с. 457, 460, цит. по (Телия 1981, 183).

Несвобода перифрастических глаголов обусловлена тем,

что один из лексических компонентов (вспомогательный глагол или "компенсатор" – термин (Золотова 1982, 158–159) переосмыслен и помогает отвлеченным именам действия и качества выступать в функции предиката (ср. проверяет – производит проверку; устойчив – характеризуется устойчивостью (Золотова 1983, 30). Он осознается как "связанный", так как указывает на мир и выполняет знаковую функцию только при совместной реализации с одним определенным словом (или рядом определенных слов), которое тоже в определенной степени лишается полноты словесно-знаковой функции.⁶ Так, в русском языке в глагольных и именных перифразах типа "завести знакомство, обладать терпением, круг знакомых и т.д." опорные наименования как бы снижают свой словесный ранг, выполняя знаковую функцию, сходную с той, которую выполняет основы ("основные морфемы"), а слова в их связанном значении либо понижают свой ранг до знаковой функции, характерной для служебных слов (обладать терпением – иметь терпение), либо выполняют нагрузку, присущую аффиксальным средствам языка ("аффиксальные морфемы"), придавая опорным наименованиям то или иное категориально-признаковое осмысление (давать приказ, получить приказ, завести знакомство – познакомиться) (Телия 1981, 9–10, 76). Для утверждения статуса перифрастических глаголов как словарных единиц важно, что наблюдается аналогия между словообразовательной парадигмой – смысловым соотношением в ней основ и аффиксов – и соотношением опорного наименования и семантически зависимого от него слова, способных вместе обозначать то же категориальное значение, что и словообразовательные структуры (Телия 1981, 49). В связи с тем, что наряду со словообразовательным способом наименования имеется лексико-семантический способ наименования, выдвигается принципиально важная для описания системы эстонского глагола мысль о целесообразности включения в глаголь-

⁶ В английском языке выделяются результирующие (resulting) связочные глаголы, которые используются с определением, выражающим результат события, описанного глаголом и распространяющим подлежащее (Кверк 1982, 307): become 'становиться', get 'стать', go/grow/turn 'превратиться', make 'делать' – turn blue 'посинеть', become old 'постареть', go mad 'сойти с ума', grow wild 'озвереть', become restless 'забеспокоиться'. Но поскольку названные сочетания не признаются глаголами, авторы вынуждены считать слово happy 'счастливый' в предложении He made his wife happy 'Он осчастливил свою жену' распространителем дополнения. Опускание последнего лишает предложение, однако, смысла (*He made his wife 'Он делал свою жену').

ную парадигму наряду с синтетическими формами форм аналитических (см. Васильева-Шведе 1981, 57).⁷

Наличие и функционирование в системе языка перифраз оправдывается тем, что они выражают какие-то новые оттенки смысла, фиксируют в своем значении один и тот же референт в каком-то ином ракурсе, под каким-то обновленным углом зрения, который не выражается в соответствующем глагольном корреляте (Вакк 1983, 130). Например, *võimalikuks tegema* 'сделать возможным' (англ. *make possible* фр. *rendre possible*) обладает в отличие от *võimaldama* 'позволять' значением достижения результата в прошлом или будущем (*Pime õõ tegi/teeb põgenemise võimalikuks* 'темная ночь сделала/сделает побег возможным'), в то время как *võimaldama* означает регулярное, обыденное, повторное действие (*Pime õõ võimaldab põgenemist* букв., 'Темная ночь позволяет побег(и)').

В виду многочисленности и регулярности образования перифрастических глаголов эстонского языка представляется, что они находятся на полупути к грамматикализированным. В подтверждение этой мысли можно привести высказывание В.В. Иванова, что на протяжении истории языка одни и те же (или весьма сходные) грамматические категории могут быть выражены сначала с помощью синтаксических средств, а затем с помощью средств морфологических, которые частично могут развиваться из синтаксических (В.В. Иванов. О соотношении развития морфологического и синтаксического кровней языка. В кн. II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Диалектика развития языка. Тезисы докладов. М., 1980, с. 96; цит. по (Николаева 1981, 27).

Приведем выборочный иллюстративный список результативных перифрастических глаголов в алфавитном порядке по глаголу, так как в переводах глагол как функциональный элемент соответствует приставке русского глагола. *Hõõgvele aajama* 'раскалять', *kihama* 'переполюшить', (*kõrvu*) *kikki* 'наострить (уши)', *kuumaks* 'нагреть', *turri* 'взьерошить', *tüllu* 'ссо-рить', *mõista andma* 'намекать', *õhtule jbudma* 'вечереть',

⁷ Мы вполне осознаем дискуссионность данного утверждения - ср. "Парадигмы, созданные на основе синтетической техники, не вызвали сомнений, в то время как парадигмы аналитического склада всегда были предметом ожесточенных споров у лингвистов" (В.Н. Ярцева, предисловие к (Кверк 1982); ср. также "В парадигме императива могут быть и аналитические формы, обычно допускаемые весьма неохотно или вообще не допускаемые в состав парадигмы" (Володин 1983, 17).

hooletusse jätma 'запускать', katki (juttu) 'перевать', meelde 'запомнить', seisma 'останавливать', ellu jääma 'уцелеть', haigeks 'заболеть', hooletusse 'запустеть', keeletuks 'онометь', kinni 'завязнуть', külmaks 'охладевать', lohakile 'запустить', nõusse 'согласиться', ripsuma 'повиснуть', uskuma 'увериться', võlgu 'задолжать', protokolli kandma 'запротоколировать', kaavada laakma 'отрастить', keema 'взваривать', kuivaks 'осушить', kukkuda 'выронить', kuuldavale tooma 'испустить', käima 'запускать', (pead) norgu 'опустить (голову)', sigineda 'расплодить', (välgul) sähvida 'просверкать (молнией)', avameelsustesse laakuma 'разоткровенничаться', hukka minema 'развращаться', kaotsi 'потеряться', kaklema 'подражаться', liikvele 'приходить в движение', lehte (puud) 'покрыться листьями (деревья)', lokki 'закучерявиться', rikki 'портиться', segi 'перенутаться', somru (ilm) 'становиться туманной (погода)', täide 'сбыться', tülli 'ссориться', tuhaks muutma 'испепелить', араатseks muutuma 'раскиснуть', laisaks 'разлениваться', kiilaspräiseks 'облысеть', hukka mõistma 'осуждать', õigeks 'оправдать', ranema ehmuma 'страшить', hakkama 'угробить, испортить', imeks 'удивиться', kirja 'записать', kollendama 'озолотить (солнце листья)', käima 'заводить', lukku 'запирать', tuhaks põlema 'испепелиться', hukka saama 'погибнуть', kannatada 'пострадать', kurvaks 'вспечалиться', kuulda 'услышать', muljuda 'помяться', pidama (vere) 'остановить (кровь)', tulema 'выбраться', vanaks 'состариться', vintsutada 'понатереться', hukka saatma 'загубить', häbisse 'осрамить', häbisse sattuma 'осрамиться', lobisemis-
 hoogu 'разболтаться', jooksema sundima 'погнать', maanduma 'посадить', süvenema mõtteisse 'задумываться', arusaadavaks tegeма 'разъяснить', juttu 'заговорить', ohvriks tooma 'пожертвовать', lahti tulema 'открываться', higiseks tõmbama/tõmbuma 'запотеть', kõssi 'сьеживаться', (nägu) vingu 'накук-
 ситься', norgu vajuma 'сникнуть', tõllakile (suu) 'отвисать (рот)', unistusse 'возмечтать', raevu viima 'разгневать', higestama võtma 'вспотеть от чего-то', kuulda 'внимать', laenuks 'занимать', nõuks 'замышлять'.

Отдельную группу составляют результативные глаголы, где глагольный компонент не только иницирует состояние, но сообщает ему свое лексическое значение. Например, põlema hõõguma не значит просто 'загореться' (põlema minema), но 'растлеться' (тлеть и от этого загореться), käima tõmbama не просто 'завести' (käima ranema), но 'заводить, потянув за что-то'. Сюда

входят: *istuma aitama* 'подсадить (помогая)', *seisma nõksatama* 'остановиться (внезапно, резко)', *rõlema plahvatama* 'вспыхнуть (со взрывом)', *rõlema porpima* 'раскурить (с затяжками)', *käima prahvatama* 'заводиться (с грохотом)', *rõlema puhuma* 'вздувать (огонь)', *veegetema pääsema* 'сорваться и покатиться', *rõgenema pääsema* 'сорваться и убежать', (англ. *escape*), *ärkvele гарutama* 'разбудить (тряся)', *rõlema süttima* 'зажечься', *rõlema süütama* 'зажечь', *rõlema tõmbama* 'раскурить (затягивая)', *rõlema välgatama* 'загореться (с блеском)', *istuma upitama* 'подсадить (неумело помогая)'.

В частности можно отметить, что своеобразием перифрастических глаголов "*jääma* + имя" и "*jääma* + инфинитив на *"-ma"*" является то, что они означают неожиданное, произвольное начало состояния. Это хорошо видно при сравнении *haigeks jääma*, *rõdema jääma* 'заболеть' и *terveks saama* 'выздороветь'. В первом случае не предполагается процесс, ведущий к состоянию, во втором случае предполагается (ср. англ. *fall ill — get well*). С глаголами *andma* 'дать', *laskma* 'пустить', *saama* 'получить' и *võtma* 'взять' встречается партитивная форма инфинитива (на *"-da"*): *mõista andma* 'намекать', *teada andma* 'сообщить', *kasvada laskma* 'отращивать (бороду)', *kukkuda laskma* 'выронить', *kuulda saama* 'услышать', *kannatada saama* 'пострадать', *jalutada võtma* 'погулять', *kuulda võtma* 'внимать'. В этом случае выражается пассивно достигаемый результат (ср. сочетания *saama* с инфинитивом на *"-ma"*: *rääkima saama* 'разговариваться', выражающий результат, достигаемый усиленными попытками).

Выводы о существовании многочисленной группы результативных составных и перифрастических глаголов в эстонском языке должны быть учтены при разработке принципов лексикографического представления глагольного значения в двуязычных, в частности эстонско-русских словарях. Словарная статья должна начинаться с глагола (для удобства пользования), составные и перифрастические глаголы с одинаковым глагольным компонентом должны быть даны вместе (их теоретическое разграничение нужно лишь составителю для лучшего подбора эквивалента). Очевидно, надо привести все регулярные составные глаголы, так как в их переводах отсутствует единообразие.

Л и т е р а т у р а

1. Бархударов С.Г. Л.В. Щерба о русском синтаксисе. - В кн.: Академику В.В. Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956.
2. Vakk F. "Poissmeeste päike". Ühest fraseoloogismitüübist. Keel ja Kirjandus, 1983, 3.
3. Васильева-Шведе О.К. О пути перестройки грамматики грамматики пиренейско-романских языков. - В кн.: Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981.
4. Володин А.П., Храковский В.С. Парадигма императивных форм: Опыт исчисления. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1983, вып. 651.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
6. Золотова Г.А. Слов в "синтаксическом словаре". - Изв. АН СССР. СЛЯ, 1983, т. 42, № 1.
7. Quirk P., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. Ed. and abbreviated by I.P. Verkhovskaya. М., 1982.
8. Leinonen M. Russian Aspekt, "Temporal'naja Lokalizacija" and Definiteness/Indefiniteness. Acad. dissert. Neuvostoliitto-Instituutin Vuosikirja 27, Helsinki, 1982.
9. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности. - Изв. АН СССР. СЛЯ, 1981, т. 40, № 5.
10. Николаева Т.М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и его грамматический аспект. - Изв. АН СССР. СЛЯ, 1981, т. 40, № 1.
11. Падучева Е.В. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке. - Изв. АН СССР. СЛЯ. 1975, т. 34, № 6.
12. Пяль Э.Н. О роли инфинитива в грамматическом строе эстонского языка: Канд. дис. М., 1954 (рукопись).
13. Розенцвейг В.Ю. Упрощение лексико-семантической синтагматики при языковом контакте. - В кн.: Теория языка: Методы его исследования и преподавания. М., 1981.
14. Rätsep H. Ühendverbide reaktsioonistruktuuride iseärasustest eesti keeles. Emakeele Seltsi Aastaraamat 14-15, 1968-1969, Tallinn, 1969.

15. Rätsep H. Eesti keele väljendverbi olemusest. Keel ja Kirjandus, 1973, 1.
16. Rätsep H. Eesti keele lihtlausete tüübid. Tallinn, 1978.
17. Семантические типы предикатов /Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.
18. Степанов Ю.С. Вид, залог, переходность (Балто-славянская проблема II). - Изв. АН СССР. СЛЯ, 1977, т. 36, № 2.
19. Tauli V. Standard Estonian Grammar. Part 1. Phonology, Morphology, Word-formation. Uppsala, 1973.
20. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
21. Chevalier J.-C., Blanche-Benveniste C., Arrivé M., Peytard J. Grammaire Larousse du Français Contemporain. Paris, 1978.
22. Умарходжаев М.И. Центр и периферия во фразеологии. - Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, т. 39, № 2.

КОНСОНАНТНЫЕ ПРОТЕЗЫ И ЗВУКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИАКРИТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ НАД ГЛАСНЫМИ В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ

Ю.С. Кудрявцев

Образование протетических согласных известно как праславянское фонетическое изменение, отличающее в ряде случаев славянские языки от близкородственных балтийских и других индоевропейских (рус. ябло^ня – лит. obuo^lis, рус. выдра – санскр. udraḥ и т.д.; вместе с тем известны и обратные случаи, например: рус. оса – лит. uar^sa). Условия образования протез в праславянском языке выглядят недостаточно ясными¹. Дело осложняется многочисленными диалектными различиями по этому признаку в самом праславянском языке, ср. известные соответствия рус. осень, ужин, ягненок – старосл. ѿсѣнь, югъ, ѿгнѣ.

Поэтому данному явлению со времен младограмматиков уделяют сравнительно мало внимания, рассматривая его как спорадическое, лишенное регулярности, характерной для "звуковых законов". Такая оценка консонантного протезирования, вероятно, неизбежна при существующей методике, когда непосредственно сопоставляются данные современных славянских и других индоевропейских языков. Полезно было бы более тщательно рассмотреть особенности древне- и праславянского материала.

Характерно, что образование протез (а также консонантное эпентезирование в неприкрытом слоге в середине слова) лежит в русле основной тенденции праславянской фонетической эволюции. Мы определяем эту тенденцию как стремление образовывать слоги вида СГ. Кроме известного закона открытого слога данная тенденция проявляется в группе процессов, различных по существу, но одинаковых по результату. Сюда относятся: упрощения групп согласных (с йотом и без него); образование вставочных гласных²; стяжение гласных в зияниях. В этот же ряд органически входят и процессы согласного протезирования и эпентезирования. Учитывая глобальный характер праславянских изменений, вызванных тенденцией к образованию слогов типа СГ, естественно предположить, что в эпоху распада праславянского языка, когда названная тенденция приня-

ла характер закона, всякая неприкрытая гласная, не устраненная стяжением, получала согласную протезу (эпентезу).

В поисках доказательства такого предположения обратимся к материалу древних славянских рукописей. Одна широко распространенная графическая черта этих рукописей наводит на мысль о реальном характере обязательности протез и эпентез в заключительную эпоху существования праславянского языка. Мы имеем в виду надстрочные знаки над гласными буквами.

Знаки эти имеют различную форму, и без них обходится редкая древнерусская или старославянская рукопись. Мысль о наличии звукового значения у таких значков была впервые высказана еще И.И. Срезневским по поводу Мстиславовой грамоты³. Срезневский предположил, что диакритики (в Мстиславовой грамоте точка и две точки) обозначают [j], отметив в то же время наличие их над гласными а, о, ѿ, где "... не всегда возможно предположить йотацию".

Гипотеза И.И. Срезневского в дальнейшем не получила поддержки у исследователей — прежде всего потому, что надстрочные знаки разного вида ставятся в древних славянских рукописях безразлично к тому, может ли гласный иметь перед собой [j]. Либо И.И. Срезневский сузил гипотетическое звуковое значение диакритик над гласными буквами, либо его предположение вообще является ошибочным. Именно второе мнение возобладало в позднейшей науке. В настоящее время существует убеждение, что интересующие нас надстрочные знаки представляют собой некритическое заимствование из греческой графики, не имеют звукового значения и употребляются как средство украшения рукописи. При этом забывают даже о том, что в греческом письме один из таких знаков (так называемое густое придыхание ^ϛ) обозначал согласный звук, причем такой, который может выступать в качестве протезы и в славянских языках (h).

На наш взгляд, диакритические знаки над гласными буквами в славянских рукописях могут иметь звуковое значение, но более широкое, чем приписывалось им И.И. Срезневским. Независимо от своего графического облика, они выражают на письме любой протетический и эпентетический согласный: j, h, w, а также те согласные звуки, которые носителями языка в данный момент языкового развития приравняются к протетическим. Иначе говоря, диакритики над гласными обозначают в эпоху силлабем "недифференцированную согласность", подобно тому как паерок в тех же рукописях служит для обозначения "недифференцированной гласности" (выражение В.М. Маркова⁴).

В качестве примера рукописи, в которой относительно последовательно проводится графический принцип передачи протез и эпентез (наряду с приравниваемыми к ним согласными) перед гласными звуками посредством надстрочных знаков, можно привести древнерусский Успенский сборник⁵ (второй почерк, листы 46г-304б). В сборнике большая часть текстов имеет старославянское происхождение, но имеются и оригинальные русские произведения. Постановка надстрочных знаков над гласными не зависит, однако, от происхождения текста, а целиком определяется личным орфографическим навыком писца. Так, Житие Феодосия (лл. 26а-67в), написанное на Руси, в отношении этого графического явления распадается на две части: первая не содержит надстрочных знаков над гласными (как и лл. 1а-25г), вторая их имеет (как и лл. 67г-304б). Границей употребления интересующих нас диакритик является граница между почерками двух писцов. Таким образом, мы имеем дело с различными орфографическими системами, одна из которых имеет тенденцию выражать на письме интересующие нас согласные звуки.

Наблюдения показывают, что во II почерке Усп. сб. надстрочный знак (в виде запятой) стоит над гласными: а) когда этимологически они начинали слог; б) как замена или сопровождение графической йотации. Приведем примеры на первый случай: ѹжасти 269а; ѹвангелик 48а; ѹни 46г; ѹѹдосию 48а; ѹѹ 181б; ѹкы 47б и под.; на второй: ѹмамъ 53г; ѹкоушаѹщо 48в; ѹмоу 49г; ѹблоудивъшеѹ 49в; ѹдь 291б; сиѹ 50а; оумножаѹщаѹ 63г и т.д. Как видим, диакритики употребляются не только в начале, но и в середине слова.

Лишь спорадически находим надстрочный знак над начальным оу: оѹ 181б; ѹжасти 269а; ѹукоризнѹ 61в; оѹсыпани 225а; оѹченици 214б. В огромном большинстве случаев он отсутствует над этим диграфом. Возникает впечатление, что для писца первая часть диграфа сама по себе передает протетический призвук — графическая расчлененность является средством для выражения фонологической расчлененности. Йотированные буквы, напротив, не осознаются писцом как диграфы, и диакритика часто служит дополнительным средством обозначения йота: ѹмоу 49г; ѹдь 291б и под.

Для нашей темы важно не только, где употребляются писцом надстрочные знаки, но и где они отсутствуют. Причем спорадическое отсутствие диакритик в вышеуказанных положениях еще ни о чем не говорит (ведь речь идет о дополнительном, не азбучном графическом средстве; естественно, постановка его

не обязательна). Решающее значение имеют те положения, в которых надстрочные знаки над гласными буквами вообще отсутствуют в рукописи. Не употребляются диакритики: а) над второй буквой гласного в нестяженных формах имперфекта типа исповѣдааше 202б; хожаахоу 139а; б) в нестяженных формах полных прилагательных: правѣдньныхъ 289г; немощнааго 297а и причастий: нарицаемыхъ 171а; идоущими 274б, т.е. именно там, где процесс унификации структуры слога не вызывал в древнерусском языке образования эпентез, а шел путем стяжения СГ > СГ.

Не встречается диакритика и над буквой и в значении [i] в данном случае эта буква не обозначает слога типа СГ (следует иметь в виду, что в момент создания памятника падение редуцированных уже произошло⁶). Ср. 20 случаев употребления имени святого Феодосия в им.п. во II почерке без надстрочного знака над и: еѡдосии, еѡдосии и т.д. (исключение еѡдосий 49а может объясняться опiskой) и наличие надстрочного знака в одном из трех употреблений данного существительного в местном падеже еѡдосии 55г, 67б; еѡдосий 53а. Аналогично отсутствует диакритика в формах типа друуги 56а, великии 60в; имыи 56в; людии (р.п.мн.ч.) 60г и в словах типа разбиини 50г. Неупотребительность надстрочных знаков в названных фонетических категориях красноречива в двух отношениях. Во-первых, она заставляет отвергнуть мысль, что диакритики употребляются как подсобное графическое средство (при письме по слогам гарантируют писца от пропуска "неполного" слога без согласного звука). Если бы дело обстояло так, мы преимущественно находили бы надстрочные знаки именно в тех случаях, когда в рукописи они систематически отсутствуют (графическая гарантия от пропуска нужнее тогда, когда гласный звук в личном произношении писца отсутствует, т.е. там, где в русском языке произошло стяжение. Во-вторых, она является аргументом от противного в пользу признания за интересующими нас знаками звукового значения. Ведь они последовательно отсутствуют в рукописи во всех тех случаях, когда эпентетические согласные были исключены в живом древнерусском языке.

Разумеется, более убедительно доказывал бы фонетическую гипотезу такой тип орфографической системы, в котором не только непостановка, но и постановка диакритик была бы абсолютно последовательной. В Усп. сб. формы без диакритики численно преобладают. Как на любопытное исключение укажем на междометие ей (19 раз встречается в таком графическом виде во II

почерке, и только 2 раза в виде *ei*; ср. форму дат.п. ж.р. указательного местоимения: *кѣи* и *кѣи* 150 раз, *кѣи*, *ѣи* - только 20 раз). В этом случае знак ' над первой буквой междометия может обозначать иной, чем в местоимении, согласный звук (*k*).

Но возможна ли вообще абсолютно последовательная орфографическая система? Вопрос риторический. Ср. обозначение узкого *[ô]* в памятниках, исследованных Л.Л. Васильевым, В.В. Колесовым, А.А. Зализняком.

Основным препятствием для фонетической трактовки диакритических написаний служит, как это не парадоксально, **ч и с т о ф о н е т и ч е с к и й** подход к интерпретации графического материала. Характерную черту такого подхода продемонстрировал уже И.И. Срезневский, отвергнув собственное предположение о точке над гласной как средстве йотации на том основании, что звуки *[a]*, *[o]* не могут иметь перед собой йота. Действительно, нельзя понимать диакритику как средство йотации во всех случаях; но понимание надстрочного знака как выразителя протетического согласного широкой фонетической природы позволяет во многих случаях видеть за ним именно йот. Что же мешало позднейшим исследователям обобщить гипотезу Срезневского? Убеждение, что фонетическое различие не позволило бы применить одно и то же графическое средство для обозначения таких разных звуков, как *[w]* (губной), *[j]* (среднеязычный), *[k]* (фарингальный).

Функциональный подход к фонетике отрицает непосредственную связь между графическими средствами и звуковыми явлениями. На письме выражаются прежде всего функциональные качества звука. Если разные протетические и ~~апротетические~~ **апротетические** согласные играли в системе праславянского языка тождественную роль "недифференцированной согласности", своеобразного консонантного нуля, то и их графическое выражение могло быть тождественным.

Протезы *[j, k, w]* имеют не фонетическую, а фонологическую - функциональную - общность. Все они при своем появлении выступают как нефонематические согласные призвуки, качество которых в значительной мере определено соответствующими гласными. Выбор этих звуков в роли протез является универсальным⁷ и объясняется их переходным характером от гласного к согласному. Сужение прохода при артикуляции *[i]* является способом образования *[j]*. Аналогично второй член минимального треугольника гласных *[u]* при сужении губного резонатора превращается в *[w]*. Третья протеза *[k]* соответствует звуку *[a]*, образуемому движением челюсти вниз, сжимающим фаринкс и дающим характере-

рный шум⁸. "Промежуточные" звуки среднего подъема не имеют собственных протез. В зависимости от различных условий они принимают то протезы, характерные для гласных верхнего подъема, то протезу [ɤ]. Наличие фонологического противопоставления среднего и средневерхнего подъема может определить выбор согласного (ср. русскую протезу в перед [ô]: восемь; вотчина). В целом в славянских языках для [e] характерны протетические согласные [j, ɤ]; для [o] – [w, ɤ]. Непроизвольность выбора протез тем выше, чем менее фонологичными они являются. Это вытекает из самых общих положений фонологии. Напротив, усиление вследствие каких-либо причин функционального значения протез (т.е. их частичная или полная фонологизация) ведет к колебаниям в фонетическом качестве протетического звука.

При значительной фонетической разнице по месту образования только функциональная общность может вести к многообразию звуковых переходов и соответствий, в которые вступают между собой в различных языках мира звуки [w, j, ɤ] и производные от них или близкие к ним [v, ɹ, g, ɣ, çh]. Значительный, но отнюдь не исчерпывающий материал по таким переходам и соответствиям можно найти в книге Б.А. Серебrenникова⁹.

Мы не имеем здесь возможности даже бегло очертить круг соответственных явлений, связанных с различием в фонетическом характере протезы в одном и том же слове по славянским языкам. Ограничимся лишь некоторыми примерами, иллюстрирующими функциональную общность интересующих нас звуков в пределах одного и того же диалекта. Известно русское диалектное чередование к о р о в а – к о р о х, г о л о в а – г о л о х, а также т р а х к а – т р а х' к' и/т р а j к и. Исследование подобного говора дало возможность Н.А. Бобрякову констатировать: "Фонемный ряд во главе с сильной фонемой в включает (в данном говоре – Ю.К.) следующие элементы: в//ф//у//х//в' или j"¹⁰. В западнopoдольских говорах украинского языка отмечается вариативность вос'ін'/гос'ін'; ворати/горати¹¹; полесские говоры знают "протетические согласные в, j, х, в некоторых случаях свободно варьирующие"¹². В силезских говорах польского языка протезы свободно замещают друг друга: julica - xulica; ɹartyka - ɣartyka; ɹargany - ɥorgany. В лехитских языках признак палатальности у губных согласных выражается то через йотовый, то через заднеязычный призвук¹⁴. В литературном чешском языке придыхание, которое является самостоятельной фонемой (оглушает предшествующий звонкий согласный предложения, например [s'okna < x + 'okna]) в ряде случаев находится в

отношении факультативной вариативности с йотом; например, числительное 23 произносится то как [tʃi'advacet], то как [tʃi-jadvacet]¹⁵. Особенно ярко демонстрирует интересующую нас черту верхнелужицкий язык. В нем все три протезы способны заменяться друг другом¹⁶. В надсянском говоре украинского языка существует фонема, представителями которой в различных условиях выступают звуки [в, ф, х, ј]. Л.Э. Калнынь обозначает ее символом [ʁ] (в значке объединены начертания букв ʁ и ʁ). Эта фонема особенно интересна как параллель праславянским протезам тем, что она может появляться в качестве знака начала слова этимологически неоправданно; в то же время она факультативна в "этимологической" позиции¹⁷.

Некоторые славянские звуковые переходы труднообъяснимы, если отвергается возможность непосредственного перехода друг в друга интересующих нас звуков. А.И. Соболевский представлял изменение окончания род.п. ед.ч. м. и ср.р. русских полных прилагательных [-ого] в [-ово] как цепь изменений [-ого] > [-оуо] > [-оо] > [-ово]. Слабым местом в этом объяснении является логическая непоследовательность: переходы [-ого] > [-оуо] и [-оуо] > [-оо] вызываются, по Соболевскому, тенденцией к звуковому ослаблению окончания; последнее же звено цепи [-оо] > [-ово] реализует обратную тенденцию. Почему зияние было возможным и даже желательным при переходе [-оуо] > [-оо] и стало невозможным после этого перехода, остается неясным. Учитывая функциональную близость [у] и [в], о которой здесь идет речь, можно наметить другую последовательность перехода: [-ого] > [-оуо] > [-ово] > [-оо]. При этом тенденция ослабления окончания реализуется без исключений; редкость [-оо] объясняется тем, что это заключительный этап изменения. В одном вологодском говоре В.Г. Орлова не отмечает [-оо], при наличии [-оуо] и [-ово] (для говора характерно г взрывное). Трудно было бы объяснить возникновение [-ово] в таком говоре по схеме А.И. Соболевского¹⁸.

Такой же ход рассуждений может быть применен к широко распространенному в южнославянских языках переходу [cʁ > j, v, f, x], сочетающемуся с утратой [cʁ]. С.Б. Бернштейн отмечает отсутствие стяжения гласных в случае утраты [cʁ]¹⁹. Может быть, эта утрата является только фонологической, фонетически же сохраняется слабый согласный призвук, дающий при вторичной фонологизации широкий разброс фонетических результатов?

Возможность непосредственного перехода интересующих нас

звуков друг в друга без стадии зияния допускают Хр. Холиолчев²⁰ и Л.Э. Калнынь²¹.

В целом имеющийся материал достаточно убедительно указывает на наличие своеобразного функционального родства губной, средняязычной и фарингальной артикуляций, несмотря на их безусловную удаленность друг от друга в речевом тракте. Акустический подход к фонетике даже позволяет Л.Э. Калнынь найти общие дифференциальные признаки этих артикуляций (исключая j): фонему /h/ надсянского говора она характеризует как непрерывную, низкой тональности.

На наш взгляд, общность функциональных черт [w, h, j] объясняется сходной ролью, которую эти звуки играют в структуре слога. Конститутивной особенностью слога является контраст составляющих его согласного и гласного элементов. Чем сильнее контраст, тем легче опознание компонентов слога. Можно, по-видимому, сказать, что основная информация о звуках содержится в участках звучания, соответствующих внутрислоговому переходу. Особенно это относится к согласным²². Исходя из данного положения, общую черту губного, средняязычного и фарингального согласных можно видеть в их слабом контрасте с последующим гласным звуком, особенно если речь идет о гласном, гоморганном согласному. Артикуляция протезы представляет собой в известном смысле неизбежный фон для изолированного произнесения гласного. Ср. для русского языка замечание Л.В. Бондарко: "В слогах ГС... гласный... почти всегда начинается с более или менее интенсивного гортанного взрыва, наличие которого свидетельствует о том, что перед началом произнесения гласного происходит определенное замыкание... Несмотря на близость его (гортанного взрыва - Ю.К.) спектральных характеристик к спектральным характеристикам следующего за ним гласного, его обособленность не вызывает сомнений. Этот гортанный взрыв является первым элементом, не предусмотренным фонемным составом слога, и не может быть интерпретирован ни как гласный, ни как согласный"²³. Последнее замечание хорошо соотносится с артикуляционными характеристиками протез.

Важнейшим условием, способствующим фонологизации консонантных призвуков, является наличие в языке типовой структуры слога СГ. В системе с "законом идеального слога" протезы реализуют те свои свойства, которые сближают их с согласными. По мере того, как расширялся в праславянском языке охват фонетических явлений тенденцией к слогу СГ, все большее коли-

чество протез фонематизировалось. При этом наблюдалась широкая взаимозаменяемость и варьирование звуков разной артикуляции. Отсюда разброс результатов уже в древних славянских письменных языках. Логическим концом этой тенденции была полная фонологизация протез. Графическая и орфографическая системы II почерка Успенского сборника находятся в зависимости от этого состояния.

"Закон идеального слога" вызывал в области гласных и согласных одинаковые изменения. Далеко идущий параллелизм с консонантным протезированием обнаруживал процесс гласного эпентезирования, открытый В.М. Марковым²⁴. Оба явления вызваны одной причиной – тенденцией к слогу СГ. Оба ведут к образованию, с одной стороны, недифференцированной "гласности" в сочетаниях согласных, с другой – недифференцированной "согласности" в вокалическом начале слова и в хиае. Оба явления обнаруживают себя в памятниках в одно и то же время, и даже средства их передачи на письме имеют сходную природу – надстрочные знаки. Наконец, оба явления подрывают существование в качестве фонема тех звуков, с которыми их результаты наиболее схожи. Если неорганические глухие, по выражению В.М. Маркова, "размывают в своем широком потоке" фонематичность обычных редуцированных, то протезы в ряде случаев ставят под сомнение существование своих собратьев, этимологических [j, h, v].

Падение редуцированных, прекратив действие закона идеального слога, дефонологизировало не только редуцированные, но и многие из согласных протез. Сохранение протезами фонематического статуса зависело, по-видимому, прежде всего от степени фонетической близости их к исконным звукам. Так, в северных русских говорах роль фонемы продолжал выполнять преимущественно йот. Другие протезы, не совпадавшие с исконными звуками, претерпели обратную дефонологизацию. В южнорусских говорах, в украинском и белорусском языке, где протетические [h] и [w] были близки или тождественны этимологическим звукам, они лучше проявляются в современном материале.

Дефонологизация протез после падения редуцированных, как отмечалось выше, в ряде случаев вела к исчезновению исконных согласных, например: *Heica* > Ольга; *въ* > у и под.

Картина судьбы славянских протез была бы неполной, если бы мы не учитывали возможность вторичной фонологизации протез уже после падения редуцированных. Протезы как фонемы шире представлены в настоящее время в говорах, чем в литера-

турных языках (ср. хотя бы рус. лит. отчим и диал. вотчим, старосл. – т.е. литературное – азъ и древнерус. – т.е. для своей эпохи диалектное – язъ), а из литературных языков чаще встречаются в младописьменных (белорусский, лужицкие, македонский), чем в имеющих древнюю непрерывную письменную традицию. С другой стороны, фольклорное произношение, будучи своеобразным аналогом литературного для народной речи, может сохранять в отношении протез черты, уже утраченные обыденным языком. Существует специальная работа Н.Н. Дурново, посвященная протетическому согласному в песенном произношении русских крестьян²⁵. После Дурново отмечали появление вставного *j* специально при пении Н.П. Гринкова, В.Н. Сидоров²⁶ и другие авторы. Очень интересны записи Е.Ф. Будде, опубликованные в 1892 г. в "Русском филологическом вестнике". Тексты народных песен, записанные с сохранением особенностей выговора исполнителей, содержат не только многочисленные примеры йотации начального гласного, но и обнаруживают неустойчивость согласного *в*, заменяемого то на *j* (любой вм. любовь, крой вм. кровь), то на *h* (зиляно вино h бутылкак h галавахъ)²⁷. И здесь мы видим, что нельзя все случаи начальной йотации механически возводить к праславянским протезам. Ср. в этих текстах (№ 40) ювдовушка < увдовушка < вдовушка²⁸.

Такая сложная судьба славянских протез объясняется колебаниями между статусом фонемы и нефонологического согласного призвуча при, очевидно, постоянном сохранении в произношении. Отмечаются две волны фонематизации (одна из них, праславянская, в своей высшей точке нашла отражение на письме в виде надстрочных знаков). Между ними разместилась на оси диахронии резкая дефонологизация протез, связанная с прекращением действия закона идеального слога. Вот почему с методологической точки зрения сомнительно непосредственное сопоставление славянского материала с материалом других индоевропейских языков.

Примечания

¹ См. В.Н. Чекман. О йотации в праславянском и балтийских языках. – Baltistica: Vilnius, 1975, № I, с. 63–76.

² См. В.М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964.

³ И.И. Срезневский. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). - ИОРЯС, т. VIII, вып. 5, СПб, 1859-60, с. 30 отд. оттиска.

⁴ В.М. Марков. Указ. соч., с. 100.

⁵ Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.

⁶ См. об этом: Д.С. Кудрявцев. Отражение напряженных редуцированных гласных в Успенском сборнике. - Труды по русской и славянской филологии. XXIX. Сер. лингвистическая. Проблемы языковой системы и ее функционирования. Тарту, 1977, с. 139-140.

⁷ См. В.В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 11-12.

⁸ Характерное акустическое качество [а], соответствующее артикуляционному признаку нижнего подъема, создается за счет уменьшения глоточного резонатора по горизонтали. См. Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, с. 115-116.

⁹ Б.А. Серебrenников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

¹⁰ Н.А. Бобряков. К истории фонемы в в говорах Киренского р-на Иркутской обл. - НДВШ. Филологические науки, 1960, № 1, с. 140.

¹¹ П.Е. Ткачук. Смежные волынско-поднестровско-подольские фонетические явления. - В кн.: Совецание по ОЛА (Воронеж, 11-16 сентября 1974): Тезисы докладов. Воронеж, 1974, с. 76.

¹² М.И. Лекомцева, С.М. Толстая. Фонологический комментарий к полесским диалектам. - В кн.: Полесье. М., 1968, с. 55.

¹³ См. Г.Ф. Шило. Явище протези в слов'янських мовах. - В кн.: Вопросы славянского языкознания. Кн. 2. Львов, 1949, с. 229-247.

¹⁴ См. Л.Э. Калнынь. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961, с. 54-58.

¹⁵ См. Ф. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, с. 57-60.

¹⁶ См. Славянские языки. М., 1977, с. 180.

17 См. Л.Э. Калнынь. О некоторых средствах сигнализации диэрем в украинском диалектном языке. - В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 40-45.

18 См. об этом говоре: В.Г. Орлова. О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I, М.-Л., 1949, с. 46-70.

19 С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 298.

20 Хр. Холиолчев. Членные формы множественного числа на -VфTV - V(TV) существительных среднего рода типа пиде, момче в болгарских говорах. - В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 394-395.

21 Л.Э. Калнынь. О некоторых средствах..., с. 38-39.

22 См. Л.В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, с. 105.

23 Л.В. Бондарко. Структура слога и характеристика фонем.-ВЯ, 1967, № I, с. 45.

24 См. В.М. Марков. Указ. соч.

25 Н.Н. Дурново. Паразитное j в великорусском наречии ("Мелкие заметки по русскому языку", ЖМНП, 1902, № 6, отд. 2, с. 257-260).

26 Н.П. Гринкова. Воронежские диалекты. Л., 1947, с. 47, 57; В.Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров Рязанской губернии. - Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. I, М.-Л., 1949, с. 94-95.

27 Е.Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. Приложение. Песни, записанные в Рязанской губернии. - РЯВ, т. XXVIII, 1892, с. 74-108.

28 Впрочем, существует мнение о нейтрализации противопоставления у ~ въ перед согласными до падения редуцированных. См. К.В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968, с. 86-87.

О г л а в л е н и е

<u>М.А.Шелякин.</u> О функциональной модели форм числа существительных в русском языке.....	3
<u>А.В.Бондарко.</u> Лимитативность и глагольный вид в русском языке.....	23
<u>Т.Т.Акимова, Н.А.Козинцева.</u> К определению значения зависимого таксиса в русском языке (на материале конструкций с деепричастиями).....	44
<u>А.П.Володин, В.С.Храковский.</u> Парадигма русского императива.....	62
<u>Н.М.Лисица.</u> Синтаксические функции действительных причастий в позиции согласованного определения (коммуникативный аспект).....	75
<u>П.А.Эслон.</u> О семантической зоне модальности возможности в русском языке.....	88
<u>М.А.Шелякин.</u> О функциях видовых форм русского глагола при отрицании действия.....	109
<u>Ю.С.Кудрявцев.</u> Переход [е] в [о] (функциональный и типологический анализ).....	115
<u>А.И.Пихлак.</u> Составные и перифрастические глаголы эстонского языка с аспектуальным значением результативности.....	132
<u>Ю.С.Кудрявцев.</u> Консонантные протезы и звуковое значение диакритических знаков над гласными в древних славянских рукописях.....	144

1 руб. 40 коп.

EESTI AKADEEMILINE RAAMATUKOGU

1 0200 00088668 3